

4С(Бур)
Б919

У. Д. Бураев

**З В У К О В О Й
С О С Т А В
Б У Р Я Т С К О Г О Я З Ы К А**

УЛАН-УДЭ * 1959

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

БУРЯТСКИЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

4с(Бур)
Б919

И. Д. БУРАЕВ

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

1938-
1948
1950
1995

УЛАН-УДЭ * 1959

Ответственный редактор
В. М. Надеяев

ВВЕДЕНИЕ

Язык с его грамматическим строем и словарным составом существует лишь в звуковом оформлении. Изучение этой звуковой формы, иначе говоря, звукового строя языка является одной из важных задач языкознания.

Звуковая сторона современного бурятского языка изучена далеко недостаточно. До сих пор отсутствуют специальные монографические исследования по фонетике этого языка. Имеющиеся же работы (разделы в научных и практических грамматиках, отдельные небольшие статьи) в основном построены на субъективно-слуховом методе, давшем в свое время ценные результаты в области бурятской фонетики. Но на данном уровне бурятского языкознания этот метод сам по себе уже недостаточен, он должен быть дополнен объективно-экспериментальным методом.

Фонетический строй бурятского языка, как и все другие стороны его, должен изучаться в сравнительно-историческом плане путем сравнения звуков и закономерностей их изменения со звуками и аналогичными явлениями других монгольских языков и диалектов. А это, в свою очередь, требует тонкого и детального описания звуков и всестороннего исследования закономерностей употребления их в языке, чтобы сравнивать именно фонетические явления и звуки, а не письменное обозначение их, не буквы. В области фонетического исследования современного монгольского языка (халхаского наречия) проделана большая работа Рамstedтом и Владимирцовым. Но их работы также основаны на субъективно-слуховом методе. В последнее время проделана большая работа по фонетике современного монгольского языка с привлечением экспериментального метода исследования В. М. Надеяевым при участии А. Лувсандэндэва.

Таким образом, изучение звуковой системы современного бурятского языка, в том числе определение его фонемного состава представляет большой научно-теоретический интерес.

Актуальность работы по фонетике бурятского языка не ограничивается лишь ее теоретическим значением. Практическое значение фонетики так же велико. Разработка и уточнение графики языка, правил орфографии, выявление и установление норм орфоэпии и т. д. непосредственно связаны с воп-

росами фонетики и могут быть успешно разрешены при полном учете всех особенностей фонетической системы языка.

Особенно существенное значение приобретает фонетика бурятского языка в преподавании русского и иностранного языков в бурятских школах. Методика обучения правильному русскому или иностранному произношению должна основываться на научном сопоставлении артикуляционных особенностей родного языка, как опоры, с артикуляционными особенностями изучаемого языка, иначе говоря, идти от известного к неизвестному, т. е. построить методику обучения на сознательном отталкивании от родного языка, потому что, как указывал акад. Л. В. Щерба, „главнейшим препятствием к усвоению правильного иностранного языка вообще и его произношения в частности является родной язык учащихся“¹.

Все это со всей очевидностью показывает актуальность фонетического исследования современного бурятского языка— точного описания звуков языка и определения его фонемного состава.

1. Краткий обзор фонетических работ по бурятскому языку

Первой задачей исследования является учет всего проделанного, критическая его оценка и использование всего ценного в них. С этой целью в данной работе дается краткий критический обзор основных фонетических работ (разделов в грамматиках или отдельных статей) по бурятскому языку в хронологической последовательности, куда входят, главным образом, работы русских и советских языковедов.

Вместе с тем в этот краткий обзор работ по бурятскому языку включены труды Г. И. Рамстедта и Б. Я. Владимирцова, хотя непосредственными объектами их исследования были монгольский (халхаский) и старописьменный монгольский языки. Эти работы являются образцами фонетического исследования того периода в области монгольского языкознания и в них, кроме ряда ценных замечаний по бурятскому языку, дается цельная система и определенная методическая установка, которые использовались всеми последующими монголоведами, в частности бурятоведами.

Бурятский язык давно уже привлекал к себе внимание. Первые сведения о бурятском языке появились еще в XVII веке в виде переводов и записей деловых бумаг и речей, сделанных переводчиками, помогавшими местным властям в административных делах.

¹ Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. Изд. 4-е, М., 1953 стр. 3.

В XVIII веке началось изучение монгольского и бурятского языков в специальных школах. В 1724 году настоятель Иркутского Вознесенского монастыря архимандрит Антоний Платковский сделал предложение в Синод об открытии школы монгольского языка „для распространения православной веры в Сибири и для сношения с соседями“. В следующем году прошение было одобрено, и была открыта первая монгольская школа, переименованная в 1727 году в „Русско-монгольскую школу“, потому что там обучались не только монгольскому, но и русскому языку. Однако отсутствие подготовленных учителей и постоянные препятствия, чинимые местными властями, не дали возможности для успешной деятельности школы, и в 1739 году она была закрыта. Лишь в 1790 году была открыта в Иркутске при Главном народном училище школа монгольского языка, но с иной целью, а именно, с целью подготовки переводчиков. Однако через четыре года она также закрылась из-за отсутствия сведущих учителей. Впоследствии открывались подобные школы в Кяхте, Нерчинске, но также закрывались ввиду отсутствия квалифицированных преподавателей. Таким образом, эти школы, насколько можно судить по дошедшим до нас документам, не оставили значительного следа в изучении монгольских языков, в частности бурятского.

В 1787 году в Петербурге выходит первая часть большого сравнительного словаря, подготовленная к опубликованию известным путешественником и естествоиспытателем П. С. Палласом под названием „Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей всевысочайшей особы“. Это первое издание заключало в себе списки слов по 200 языкам Азии и Европы. В 1791 году появилось доработанное второе издание этого словаря уже в четырех томах, заключающее в себе слова по 272 языкам Азии, Европы, Африки и Америки. В этом словаре дан небольшой список бурятских слов. По справедливой оценке датского ученого В. Томсена данный словарь, несмотря на большое количество ошибок и неточностей и совершенную устарелость, „при своем появлении возбудил значительное внимание и очень способствовал пробуждению еще большего интереса к лингвистическим занятиям“¹. Однако факт регистрации бурятских слов, записанных, хотя и несовершенным способом, более полутора столетия тому назад, представляет большой интерес, так как дает возможность при соответствующем критическом подходе к способу записи выявить некоторые звуковые изменения в бурятском языке за этот период времени.

¹ В. Томсен. История языковедения до конца XIX века. М., 1938, стр. 19.

Монголоведение становится на научную почву лишь в XIX веке. В первой половине этого века трудились известные монголоеды И. Я. Шмидт, О. М. Ковалевский, А. А. Бобровников и др.

Серьезным и первым по времени научным исследованием, посвященным специально бурятскому языку, является грамматика бурятского языка М. А. Кастрена, которая была подготовлена к изданию А. Шифнером и вышла на немецком языке в 1857 году¹.

А. Кастрен дал первое научное исследование бурятского языка и, в частности, тонкое и подробное описание его звукового состава.

Работа начинается с определения звукового состава, куда включаются следующие звуки: гласные—а, *ъ, ъ, о, э, у, ү, и; согласные—к, *къ, х, *хь, һ, г, нг, й, л, ль, р, рь, ш, ж, *ч, *дж, н, *нь, т, *ть, д, *дь, с, з, ц, дз, п, б, м; дифтонги—аи, *ьи, эи, ои, ъи, эа, оа, эъ, *иэ, *эо². Как указывает сам автор, помеченные звездочкой звуки являются диалектальными вариантами.

После такого перечня дается краткое, но довольно детальное описание основных гласных звуков во многих случаях в сравнении и сопоставлении со звуками других языков—русского, немецкого и шведского.

Однако следует заметить, что Кастрен дает весьма приближенные сопоставления и иногда серьезно ошибается. Например, в § 8 своей работы он пишет, что „гласный ъ в своем произношении ничем не отличается от произношения его в других языках“. Так как в ходе изложения Кастрен сопоставляет звуки бурятского языка с немецкими, шведскими и русскими звуками, приходится предположить, что в данном случае он, видимо, полагал, что этот звук сходен с немецким о, который является гласным переднего ряда, тогда как бурятский звук ъ относится к гласным центрального ряда.

При описании отдельных звуков автор стремится дать их позиционное употребление и фонетические изменения, но не всегда верно, о чем будет сказано ниже. В этом стремлении автора видно известное приближение к современной теории фонемы и ее обратной стороне — оттенкам фонемы.

¹ М. Alexander Castrens Versuch einer burjatischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss. Im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Herausgegeben von Anton Schifner. St—Pb., 1857 (М. А. Кастрен. Опыт исследования бурятского языка с кратким словарем. СПб, 1857).

² Из-за технических причин транскрипции Кастрена и некоторых других авторов несколько изменены, а в невозможных случаях выпущены со ссылкой на соответствующие страницы рассматриваемых работ. Палатализация согласных в исходе слова и в середине слова перед согласным обозначается мягким знаком (ь), а перед гласными а, о, э, у обозначается соответствующими йотированными гласными я, ё, е, ю.

По сравнению с гласными согласные описаны более кратко. Автор дает таблицу шипящих звуков бурятского языка и их соответствия со следующими звуками русского языка: ш, ж, ч, дж, з, ц, дз, не оговаривая, что эти сопоставления являются лишь приближенными.

Значительное место в своем исследовании А. Кастрен уделяет вопросу сингармонизма звуков в бурятском языке. Гласные автор делит на три класса: а) твердые: а, о, у; б) мягкие: ь, ө, ү; в) средние: э, и.

Он констатирует, что существует закон, по которому твердые и мягкие никогда не встречаются в одном слове, а средние могут сочетаться и с теми, и другими. Так как этот закон действует при словоизменении и словообразовании, пишет Кастрен, то гласные окончания становятся неопределенными, зависимыми от гласного корня. И делая оговорку, что вообще нельзя дать точного определения в отношении гласных в окончаниях, автор попытался установить некоторые общие закономерности употребления конечных гласных:

1) гласные и, у, ү почти никогда не встречаются в качестве окончаний, лишь в редких случаях они могут выступать в качестве словообразовательных аффиксов;

2) в конце слова чаще всего встречаются а и э, по отдельным диалектам также о и ө;

3) гласный а следует за корневым твердым гласным, э—за мягким; за корневым о следует окончание о, за ө—ө; после у и ү следует а и э, лишь по отдельным диалектам—о и ө.

При смешанном составе корневых гласных автор констатирует следующие закономерности:

1) после смешанного состава э, и и а, у следует окончание а;

2) после смешанного состава э, и и о следует в большинстве диалектов о, по отдельным диалектам—а;

3) после смешанного состава э, и и у следует э, редко о;

4) после смешанного состава э, и и ө следует э и ө.

Согласные разделяются автором также на три класса:

а) твердые: к, къ, х, хь, т, ть, ш, ч, с, ц, п; б) мягкие: г, д, дь, ж, дж, з, дз, б; в) средние: л, ль, р, рь, н, нь, м, һ, й. Под твердыми автор понимает сильные и слабые глухие, под мягкими—слабые звонкие, под средними—сонанты (за исключением һ).

Твердые согласные не сочетаются в слове с мягкими и наоборот, средние сочетаются с согласными любого ряда. „Во избежание столкновения твердых и мягких согласных,—пишет Кастрен,—существуют следующие изменения согласных: г в к, х; д в т; б в п¹“.

¹ А. Кастрен. Указ. соч., стр. 5.

Далее автор отмечает, что **нг, р, п** не встречаются в начале слова, а **л** встречается очень редко; в исходе слова, наоборот, могут стоять только **к, нг, л, р, н, т, п, м**. Это положение автора в основном правильно отражает закономерности позиционного употребления согласных, но он смешивает понятия глухости и звонкости, силы и слабости, например, сильные глухие **т** и **п** в начале слова и слабые глухие „д“ (**т**) и „б“ (**п**) ничем не отличаются, тогда как они на самом деле являются разными фонемами. Кроме того, звук **п** в начале слова употребляется во всех диалектах, правда в определенном пласте слов: пааяха „пыхтеть“, пампагар „пушистый“, паглагар „густой и низкий“ и т. д., а переднеязычный звук **н** встречается в исходе слова лишь в западных диалектах бурятского языка, притом сравнительно редко и только как показатель третьего лица притяжательного склонения.

В § 28 своей работы Кастрен замечает, что звук **г** в положении между двумя краткими гласными обычно исчезает, например: бөө вместо бөгө „шаман“. Можно предположить, что в этих случаях он слова разговорного языка сравнивает со словами из старописьменного монгольского языка. Но аналогичное замечание о существовании интервокального **г** в бурятском языке находим также у Подгорбунского¹.

Для решения вопроса о том, существовал ли в бурятском языке двух прошлых веков интервокальный **г**, или авторы приводят слова из старописьменного монгольского языка вместо бурятских, необходимо проверить все записи, произведенные различными толмачами XVIII века.

Кастрен указывает в предисловии к своей работе, что в основу исследования он положил нижеудинский говор бурятского языка, как основной его диалект, а все остальные рассматриваются им попутно.

Несмотря на это, труд А. Кастрена, исполненный на высоком теоретическом уровне того времени (более 100 лет назад), до сих пор не утратил своей научной ценности.

В 1878 г. в Казани вышла грамматика бурятского разговорного языка, написанная преподавателем монгольского языка в Иркутской духовной семинарии протоиреем А. Орловым².

В предисловии к своей работе автор заявляет, что написал грамматику „полнейшую и основанную до последней строки на критически осмотренной устной словесности бурятской“³. Несмотря на такое утверждение, труд А. Орлова в научном отношении стоит на более низком уровне, чем работа А. Кастрена, вышедшая двадцатью годами раньше. Вместе с тем в грамма-

¹ См. Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, т. X, 1911, стр. 10—39.

² А. Орлов. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878.

³ А. Орлов. Указ. соч., стр., VIII.

тике Орлова имеется ряд ценных и в отдельных случаях очень тонких замечаний по фонетике бурятского языка, которой посвящено введение с тремя разделами: „Буквы“, „Слоги“ и „Слова“.

В своей работе автор пользуется транскрипцией, основанной на русской графике. А. Орлов установил 27 звуков — „букв“¹ в разговорном бурятском языке. Из них семь гласных: а, э, и, о, ө, у, ү; два полугласных: ъ, й; восемнадцать согласных: б, г, д, дз, з, дж, ж, к, л, м, н, нг, р, с, т, х, хк, ш.

Гласные звуки он делит на громкие или открытые (а, о, у) и глухие или сжатые (э, ө, ү)² и утверждает, что „в книжном языке эти два разряда гласных букв никогда не смешиваются в одном слове: стало быть и в правильном говоре должно следовать тому же порядку. И так не только говорить, но еще и писать, например: бурхэнтэй с богом, талхэнтэй с хлебом, гарсэн вышедший, гэба сказал — значит исказить сам дух языка бурятского“³. Этот закон Орлов справедливо переносит на слова, отличая слова открытые с гласными а, о, и от глухих с э, ө, ү.⁴

Но все эти явления рассматриваются без учета позиционно-комбинаторных условий звуков и их изменений. Транскрипция у него также неудовлетворительна.

Утверждение автора о том, что ударение в бурятском языке падает на последний слог, хотя и не было поддержано в последующих работах большинства исследователей бурятского языка, заслуживает внимания.

В настоящее время труд А. Орлова в его фонетической части может иметь лишь исторический интерес.

В данный обзор фонетических работ по бурятскому языку, как было сказано выше, включается исследование Г. И. Рамстедта по сравнительной фонетике монгольских языков.

Работа Г. И. Рамстедта по монгольской фонетике впервые была издана на немецком языке в журнале финноугорского общества в 1902 году в Гельсингфорсе⁵. Русский перевод ее

¹ Понятия „звук“ и „буква“ А. Орловым отождествляются.

² У последующих лингвистов-монголоведов это деление соответствует гласным заднего и переднего рядов. Вместо этих терминов В. М. Надеяев употребляет термины твердый и мягкий ряды, которые более соответствуют фонематическим системам монгольских языков. См. В. М. Надеяев. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка. Вестник ЛГУ, № 8, вып. 2, Л., 1957, стр. 127—128.

³ А. Орлов. Указ. соч., стр. 7.

⁴ А. Орлов. Указ. соч., стр. 9—10.

⁵ Das Schriftmongolische und die Urganundart phonetisch verglichen von G. J. Ramstedt. Journal de la Societe Finno-ougrienne, XXI, 2. Helsingfors 1902.

был сделан студентами факультета восточных языков и издан под редакцией А. Д. Руднева в Петербурге в 1908 году¹. Замечания на эту работу даются по русскому изданию.

В предисловии к русскому изданию автор говорит, что он ставит своей целью в этой работе „дать краткое описание звуков халхаского наречия и вместе с тем изложить главнейшие звуковые законы, по которым язык монголов, их живой разговорный язык изменился в „историческое время“².

В начале работы имеется краткая история монгольского письменного языка, где автор высказывает предположение, что „старинное правописание образовалось очевидно на почве одного из наречий монгольского языка, до сих пор еще не определенного“ (стр. 1)³. В этой связи Рамстедт делает весьма справедливое замечание, что письменный монгольский язык в его дошедшем до нас виде не является тем, что он представлял первоначально, что он непрерывно изменяется под влиянием разных диалектов и что требуется „большая критическая осторожность, чтобы правильно выделить древние элементы письменного языка из позднейших примесей“ (стр. 2).

Основная задача работы — описание звуков халха-монгольского языка — выполнена автором блестяще. Обращает на себя внимание своеобразный метод изложения: берется знак (буква) из старописьменного монгольского языка и сравнивается с соответствующим ему звуком халха-монгольского языка с подробным и очень тонким описанием последнего.

Описание звуков начинается с согласных, которые делятся на смычные (сильные и слабые), щелевые и носовые. Затем дается подробное описание гласных. Описание звуков сопровождается сопоставлением их с аналогичными звуками других языков, в частности французского, шведского и норвежского.

Описание звуков охватывает почти все обязательные оттенки их, сведенные в двух развернутых таблицах, включающих 33 согласных звука и 31 гласный звук⁴.

Недостаток всех прежних фонетистов, в том числе и Г. Рамстедта, заключается в том, что они, давая тончайшее и довольно полное описание звукового состава исследуемого языка, не обобщают в полной мере полученные результаты, не выводят системы звуков, которая составляет специфику каж-

¹ Г. И. Рамстедт. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора, СПб, 1908.

² Г. И. Рамстедт. Указ. соч., стр. 1.

³ Позднее Б. Я. Владимирцов в известной мере обосновал догадку Г. Рамстедта, связав старописьменный язык с древне-найманским диалектом на основе данных этнографии и религии (См. его Сравнит. грамм., стр. 20—21).

⁴ См. таблицы согласных и гласных звуков на стр. 62 и 68 указанной работы.

дого отдельного языка того или другого народа. Они не только не разрешают эту задачу, но даже не ставят ее.

Впервые поставил эту задачу Бодуэн де Куртенэ в России, заложивший учение о фонеме, развил это учение и теоретически обосновал его акад. Л. В. Щерба.

Продолжая далее перечень исследований по фонетике бурятского языка, следует упомянуть работу И. А. Подгорбунского „Несколько заметок по фонетике бурятского языка...“, вышедшую в 1911 г.¹ Правда, сразу же надо отметить, что эта работа посвящена не столько фонетике, сколько истории письма.

В начале работы дается краткая история монгольского письма, которое, по словам автора, проникло к бурятам из Восточной Монголии. Затем кратко описываются попытки ряда ученых создать бурятский алфавит на основе латинского, русского и др. алфавитов. Автор, например, указывает, что Кастрен и Барадийн составили алфавит на основе латинского, комиссия под председательством Е. М. Жуковского (1863 г.)— на основе русского алфавита, А. Орлов составил проект алфавита тоже на основе русской графики, который почти целиком был положен в основу миссионерской транскрипции, созданной в Казани переводческой комиссией при братстве св. Гурия.

Сам Подгорбунский пользуется академической РЛА², которой также пользовались А. Д. Руднев, Ц. Жамцарано и другие.

В связи с описанием этих различных попыток создания бурятского алфавита, автор даёт краткую характеристику некоторым звукам, резко расходящимся с обозначениями в том или другом алфавите.

Следующей работой, которая до сих пор по праву считается одним из самых фундаментальных трудов по бурятскому языку, является исследование А. Д. Руднева, изданное им в трех выпусках под названием „Хори-бурятский говор“³.

По указанию самого автора в основу работы был положен „говор“ одного лица (мальчика Галана). Но тут же он обращает внимание читателей на то, что при исследовании учитывался „весь запас“ его (автора) знаний по бурятскому языку. Действительно, данные автором фонетические описания говорят о том, что они отражают не индивидуальные артикуляционные

¹ И. А. Подгорбунский. Несколько заметок по фонетике бурятского языка в связи с вопросом о транскрипции бурятских текстов. Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, т. X, 1911, стр. 10—39.

² РЛА (Русская лингвистическая азбука) фонетическая транскрипция на основе русских букв, составленная в 80-х годах прошлого века русскими востоковедами В. В. Радловым, В. И. Васильевым и К. Г. Залеманом при участии И. А. Бодуэна де Куртенэ.

³ А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор (опыт исследования, тексты, перевод и примечания), Петроград, 1913—1914.

особенности, а явления более или менее общие для хоринского диалекта бурятского языка.

В отличие от Рамстедта, у Руднева другой порядок изложения фонетического материала. Сначала идет описательная фонетика, где дается подробное и довольно полное описание звуков хоринского диалекта, а затем — сравнительная фонетика.

Описание звуков начинается с нелабиализованных гласных, которые подразделяются на: а) широкие, б) средние, в) полуузкие, г) узкие. Затем дается описание лабиализованных гласных, состоящих только из узких. Специальный раздел отведен „гласным неполного образования“ или так называемым „шва“ бурятского языка, о которых автор пишет, что было бы практично свести все случаи неясно артикулируемых гласных к одному звуку, но поступить так все же неправильно, так как они в большей или меньшей степени уподобляются ударному гласному и в каждом данном случае возможно его более отчетливое произношение. Классификация гласных А. Д. Рудневым произведена по известной системе Бэла и Суита с некоторыми уточнениями применительно к бурятскому языку.

Согласные хоринского диалекта автором делятся на: а) палатализованные и б) непалатализованные.

В каждом возможном случае автор сопровождает описание звуков сравнениями со звуками других языков, чаще со звуками русского языка, реже немецкого, финского, шведского и французского.

А. Руднев впервые в монголоведении вводит понятие фонемы и делает попытки выделить некоторые существенные фонологические признаки, „знаменательные, — как говорит сам автор, — связанные со смыслом“ (стр. VI). При описании звуков он делает замечание, что „в квадратные скобки заключает лишь звуки, которые сами не являются фонемами“, то есть имеются ввиду оттенки фонем. Например: *á* является оттенком *a* (стр. I). Но при этом автор не всегда последователен: во-первых, он дает не все обязательные оттенки, во-вторых, в качестве оттенков выделяет фонемы, чаще всего встречающиеся в заимствованных словах, а именно — *пъ*, *шь*, *фъ*, *ч*, не делая при этом никаких оговорок¹.

Автор, высказываясь о гармонии гласных, отмечает, что „в живой разговорной речи хоринских бурят нет той строгой, стройной системы, которую нам дают грамматики письменного языка и которую требуют некоторые буряты-пуристы“². При этом Руднев ссылается на Кастрена, действительно допускавшего в своих записях бурятских текстов нарушение закона гармонии, но в то же время утверждавшего, что в бурятском

¹ Проф. Г. Д. Санжеев в своей „Грамматике бурят-монгольского языка“ исправляет это упущение А. Руднева (см. стр. 21).

² А. Руднев. Указ. соч., стр. XXV.

языке имеет место строгий закон сингармонизма типа закона монгольского старописьменного языка. В данном случае Руднев отождествляет фонетическое деление гласных на передние и задние артикуляционные ряды с сингармонистическими рядами, которые на самом деле далеко не совпадают между собой, а находятся в более сложных взаимоотношениях.

Вопрос об ударении в бурятском языке нашел у Руднева, в сущности, правильное решение. Критикуя точки зрения на ударение у некоторых предшествующих авторов-монголистов, А. Руднев определяет ударение как „ясность первого гласного каждого монгольского слова, обусловленная наибольшей силой экспирации, отнюдь не вызывая повышения в музыкальном смысле и не удлинняя данного краткого гласного, но отчетливо и определенно усиливая произношение этого первого гласного, — эта ясность, отчетливость, это усиление звука экспираторным путем и является ударением в монгольском языке“¹.

Исследования акад. Л. В. Щербы в этой области показывают, что фонетическое явление, известное под названием „экспирация“, с которой связаны определенные типы ударений по разным языкам, характеризующиеся усилением ударенного звука, в действительности является не результатом усиления экспирации (выдоха), а результатом усиления мускульного напряжения речевого аппарата, что дает право называть этот тип ударения более правильным термином динамическое ударение.

В конце фонетической части своей работы А. Д. Руднев приводит давно заимствованные из русского и уже вошедшие в словарный состав бурятского языка слова, на которых отразились фонетические особенности самого бурятского языка, напр., отсутствие начального *p*, замена звука *ч* звуком *ш*, переход начального *к* в *х* и т. д.

Следовательно, крупнейший исследователь бурятского языка А. Руднев в своей капитальной монографии „Хори-бурятский говор“ дал новые и весьма ценные наблюдения и выводы по фонетике не только бурятского, но и других монгольских языков, и внес значительный вклад в развитие русского монголоведения вообще.

Классическим трудом, на котором учились и учатся советские монголоведы, является „Сравнительная грамматика.“ акад. Б. Я. Владимирцова,² посвященная, главным образом, сравнению старописьменного и халха-монгольского языков.

Судя по названию данной работы и по указанию в предисловии к его труду „Общественный строй монголов“, Б. Я. Владимирцов намеревался написать полную сравнительную грам-

¹ А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. XXXII.

² Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Л., 1929.

матику, состоящую из трех частей: фонетики, морфологии и синтаксиса. К сожалению, этот замысел не был осуществлен полностью, ввиду безвременной кончины автора. Б. Я. Владимирцов успел издать лишь первую книгу: развернутое введение и фонетику.

Фонетическую часть работы, которая занимает весь второй раздел книги, автор делит на две части: описательная и сравнительная фонетика. Как указывал Л. В. Щерба, такое деление фонетики (т. е. начинать ее с описательной части) методически представляется правильным. Изучающие тот или иной язык прежде всего должны ознакомиться с особенностями звуков речи исследуемого языка, а такая постановка частей фонетики значительно облегчает их труд, и ее придерживается большинство языковедов.

В этой части дается подробное описание звукового состава живого халха-монгольского языка. Причем, в каждом возможном случае халхаские звуки сравниваются со звуками русского языка, что также значительно облегчает труд изучающих этот язык.

Описание звукового состава халхаского наречия Б. Я. Владимирцов представляет в следующей последовательности. Сначала дается описание гласных звуков, которые подразделяются на нормальные, долгие, на гласные „неполного образования“, носовые и дифтонги. Затем описываются согласные звуки, которые, в свою очередь, подразделяются на плавные, носовые, шумные проточные, губные шумные смычные, язычные смычные и, наконец, аффрикаты.

Каждый звук сопровождается тонким и довольно полным описанием. Б. Я. Владимирцов не ограничивается образцовым описанием звукового состава халхаского наречия, у него имеется ряд моментов более глубокого проникновения в звуковую систему монгольского языка. Например, он пишет: „Самым существенным делением шумных смычных в халхаском наречии является разделение не на звонкие и глухие, как в русском языке, а на ряд слабых и сильных“ (стр. 60). Таким образом, он устанавливает существенные фонематические признаки силы и слабости в халха-монгольском языке в отличие от несущественных оттенковых признаков глухости и звонкости. То же самое нужно сказать и о некоторых других фонематических признаках, данных акад. Владимирцовым. В этом отношении его работа представляет собой исключительную ценность.

Тем не менее Б. Я. Владимирцов не сумел это провести до конца, он не дает, например, системы фонем, которая естественно вытекает, как необходимое следствие его фонетического исследования, построенного на богатом фактическом материале.

В сравнительной части своего исследования Б. Я. Владимирцов использует огромный фактический материал из разных язы-

ков. Им использованы почти все известные монгольские языки и диалекты, языки тюркской и тунгусо-маньчжурской семей.

Богатый фактический материал, которым располагал Б. Я. Владимирцов, послужил основой для правильного понимания рассматриваемых языковых явлений. И как видно, выводы автора исходят из фактов, на важность изучения которых Б. Я. Владимирцов указывал неоднократно. Не случайно акад. Владимирцов, который работал как раз в период складывания так называемого „нового учения о языке“, не являлся не только его сторонником, но стоял на принципиально иных позициях. Об этом свидетельствуют почти все его труды, которые построены на сравнительно-историческом методе.

Сейчас сравнительно недостаточная изученность многих живых монгольских языков и диалектов обязывает монголоведов развивать начатое Г. И. Рамstedтом и Б. Я. Владимирцовым дело на базе сравнительно-исторического метода, которым так широко и успешно пользовались они.

Несмотря на то, что работы Рамstedта и Владимирцова не касаются непосредственно бурятского языка и его диалектов, они вооружали и вооружают монголоведов, в частности бурятологов, теоретическими положениями по общей фонетике и богатым сопоставительно-сравнительным материалом.

Вопросы фонетики бурятского языка сравнительно полно рассматриваются в грамматике бурятского языка, изданной Институтом востоковедения Академии Наук СССР в 1938 году.

В предисловии данной работы указывается, что „грамматика является диалектологической, и своей целью она преследует в значительной части показ специфики отдельных говоров бурят-монгольского языка“. И вполне естественно, в ней большое внимание уделяется характеристике фонетических особенностей хоринского диалекта — диалекта, легшего в основу бурятского литературного языка.

Правда, в грамматике специально описываются фонетические явления „литературного языка“, который понимается как язык, базирующийся на „накающих восточных говорах“, что в общем совпадает с хоринским же диалектом, о чем свидетельствует приведенный в работе материал.

В разделах, касающихся гласных фонем бурятского языка, всюду проводится фонематическое разграничение между гласными первых слогов слова и гласными непоследующих слогов. Независимо от качества их, все краткие редуцированные гласные непоследующих слогов объединяются в две фонемы **ъ** и **ь**, отличные от первослоговых кратких гласных.

Однако утверждение о том, что эти „гласные приобретают в разных условиях разные качества: **ъ** имеет в слоге, следующем за **а**, качество **а**; после **о** ясно артикулируемого слога фонема **ъ** имеет оттенок **о**; **ь** имеет качество **э** в положении после **э** ясно артикулируемого слога“ и т. д., противоречит

предыдущему утверждению, где редуцированные **ъ, ь** рассматриваются самостоятельными фонемами. В этом отношении правы те исследователи бурятского языка, которые считают, что редуцированные краткие гласные являются оттенками соответствующих им кратких первослоговых гласных фонем. Также чередования различных по качеству долгих гласных фонем в аффиксах по гармонии гласных рассматриваются в данной работе как оттенки одной фонемы. В частности, пишется: „**аа** и **оо** в первом слоге являются двумя совершенно различными фонемами... а в непервых слогах гласный **оо** в известных случаях (когда выступает в аффиксах с одинаковым грамматическим значением с **аа** — И. Б.) не является отдельной от **аа** фонемой“. Такая трактовка вопроса о фонеме неминуемо приводит к неправильному положению о нейтрализации фонем.

В качестве особой фонематической группы выделяется пять дифтонгов: **аи, ои, уи, эи, үи**. В работе указывается на тенденцию монофтонгизации бурятских дифтонгов. Говорится, что „дифтонг **эй** реализуется часто как **ээ**, на почве чего иногда происходит смешение его на письме с долгим **ээ**“. Последнее утверждение уже показывает, что **эи** не может считаться самостоятельной, отличной от долгого **ээ**, фонемой.

В итоге выделяется для литературного бурятского языка 20 гласных фонем: 6 кратких — **а, о, э, у, ү, и**; 7 долгих — **аа, оо, үу, үү, ии, ээ, өө**; 2 редуцированных **ъ, ь**; 5 дифтонгов — **аи, ои, уи, үи, эи**.

Согласных фонем насчитывается 26: **б-бь, д-дь, г-гь; һ, х-хь, й, л-ль, м-мь, н-нь, нг, п, р-рь, с, ш, т-ть, з, ж**. Из этого перечня видно, что отрицается наличие в бурятском языке мягкого **пь**.

Значительное место в грамматике уделяется разбору звуковых соответствий по различным говорам, построенному на богатом фактическом материале, что само по себе ценно для сравнительно-исторического исследования монгольских языков вообще.

В конце фонетического раздела довольно подробно разбираются нормы сочетаемости согласных, слоги, ударение и такт речи.

В фонетической части данная работа, построенная на большом диалектологическом материале, выгодно отличается от предшествующих работ на эту тему.

Как известно, в Бурятии в 1939 году был осуществлен переход на новый алфавит — с латинского на русский.

В современной графической системе бурятского языка используются все знаки русского алфавита с добавлением еще трех знаков: **ү, һ** и **өө**. Знак **й** используется в бурятском языке, как второй элемент дифтонгов, приблизительно соответствуя звуку **э**. Буквы **в, ф, к, ц, ч, щ** используются только в заимствованных словах.

Орфография современного бурятского языка в общем основывается на сочетании фонетического и морфологического принципов, при преимущественном использовании первого. И большинство знаков, принятых на письме, не расходится с произношением. Буквы **е, ё, ю, я**, как и в русском языке, обозначают либо сочетание звуков (**йэ, йо, йу, йа**), либо мягкость предшествующих согласных типа мяхан (м'ахан) „мясо“.

На бурятском языке имеется практическая школьная грамматика с соответствующим разделом фонетики¹. Несмотря на то, что этот раздел занимает сравнительно очень незначительное по объему место (31—47 стр.), все основные вопросы в нем в той или иной степени затронуты. Даются общие положения артикуляции звуков, состав гласных и согласных фонем, слоги, вопросы гармонии гласных и т. п. Освещаются они упрощенно, что объясняется практическими целями учебника.

В разделе „Звуки и буквы“ справедливо констатируется, что знаки современного бурятского алфавита, реализуясь на письме по правилам орфографии, не всегда совпадают с живым произношением. Это естественно, поскольку в бурятской орфографии имеет место морфологический принцип. В связи с этим, хотя это на самом деле и не имеет отношения к этому явлению, приводится интересный факт, что в слове шэнэ „новый“ на место первослогового э слышится якобы и², что в действительности говорит о смягченном характере бурятского ш, который особенно четко проявляется в словах мягкого ряда. Это в такой же степени касается звука ж, например, в слове жэл „год“.

По данным школьной грамматики в современном бурятском языке гласных фонем 19, из них 6 кратких, 8 долгих и 5 дифтонгов. Выделение долгого ы и так называемого дифтонга эй в самостоятельные фонемы в практической учебной грамматике не вызывает возражения.

Исторически эй являлся действительно дифтонгом типа эи, что до сих пор поддерживается орфографией. Звук ы в собственно бурятских словах выступает как оттенок долгого ии. Однако вполне допустимо выделение ы в самостоятельную фонему в связи с поступлением в словарный состав бурятского языка слов со звуком ы... где последний никак не смешивается с долгим ии. Правила же современной бурятской орфографии строго дифференцируют написание ы и ии. Видимо, тенденция к выделению в самостоятельную фонему звука ы в бурятском языке действительно существует.

Состав согласных фонем в учебнике определяется значительно большим количеством, чем на самом деле, потому что

¹ Краткий разбор ниже дается по пятому переработанному изданию. М. Н. И м е х е н о в. Бурят-монгол хэлэнэй грамматика, Улан-Удэ, 1952.

² М. Н. И м е х е н о в. Указ. соч., стр. 32.

в качестве самостоятельных фонем приводятся все согласные, употребляющиеся только в заимствованных из русского языка словах.

На место деления согласных на сильные, слабые и сверхслабые здесь дается противоположение на звонкие и глухие. Все сильные согласные определяются как глухие, что в общем является правильным, а слабые и сверхслабые считаются звонкими, тогда как на самом деле слабые могут проявляться в звонких, частично звонких и глухих вариантах. В данном случае прямой перенос особенностей системы русских согласных на почву бурятского языка значительно искажает действительную систему согласных последнего.

Вопросы гармонии гласных рассматриваются довольно подробно, правда, в основном с орфографической точки зрения. Подробный анализ сингармонизма в школьной грамматике необходим, потому что обучение детей правильному бурятскому произношению и грамотному письму непосредственно связано с правилами сингармонизма. Справедливо также и то, что много места уделяется правописанию заимствованных слов, только частично подчиняющихся закону сингармонизма.

В рассматриваемом учебнике правильно констатируется, что сколько в бурятском слове гласных, столько в нем и слогов.

В целом фонетический раздел практической школьной грамматики бурятского языка охватывает достаточно полно звуковую строй языка. Но вместе с тем он требует некоторой переработки в смысле уточнений и небольшого добавления.

В 1941 г. вышла научно-описательная грамматика бурятского литературного языка проф. Г. Д. Санжеева¹. Как указывает сам автор в предисловии своей работы, она „посвящена преимущественно разбору частей речи и синтаксиса“. Остальные части грамматики и вопросы фонетики излагаются лишь конспективно. Тем не менее данная работа содержит много интересных и ценных фонетических наблюдений.

Фонетика представлена в следующем порядке разделов: гласные — долгота и краткость, ударение, задние гласные, передние гласные, дифтонги и сингармонизм гласных; согласные — звонкие, глухие, носовые и палатализация согласных.

В количественном отношении гласные бурятского языка, по словам Г. Д. Санжеева, делятся на краткие, нормальные, долгие и сверхдолгие. К кратким он относит все гласные так называемого „неполного образования“, к нормальным — ударенные гласные первых слогов. Правильно отмечает автор, что краткие и нормальные гласные являются лишь комбинаторными отклонениями одних и тех же кратких фонем. Им противопоставляются долгие

¹ Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка, М.-Л., 1941.

гласные, которые в потоке речи реализуются как долгие и сверхдолгие гласные.

Значит, в бурятском языке основное различие гласных в количественном отношении — краткость и долгота, а различия между краткими и нормальными, между долгими и сверхдолгими являются лишь оттенковыми, не имеющими смысло-различительного значения. Иногда в одном и том же слове один и тот же гласный первого слога в зависимости от грамматической функции данного слова, как пишет автор, может быть то нормальным, то кратким или то долгим, то сверхдолгим. Это говорит о неустойчивости различия между нормальными и краткими, сверхдолгими и долгими гласными.

Г. Д. Санжеев указывает, что наряду с динамическим (он называет экспираторным) ударением встречается иногда в бурятском языке музыкальное ударение на последнем слоге, что, видимо, послужило основанием для некоторых монголоведов считать ударение в монгольских языках на последнем слоге.

Гласные звуки автор делит на гласные заднего ряда, переднего ряда и на дифтонги. Их определение, данное довольно сжато, не вызывает, с нашей точки зрения, возражений.

Согласные даны в подробной таблице с примечанием к ней (см. стр. 21 разбираемой работы). Из этой таблицы видно, что автор звуки г и к относит к среднеязычным. На самом деле они образуются подъемом задней части языка к мягкому небу, то есть по основному активному органу являются заднеязычными. Автор правильно констатирует, что звуки к и т являются комбинаторными вариантами фонем г и д.

Нельзя согласиться с утверждением автора, что звуки с и ш в бурятском языке „никогда не встречаются в конце слова (исключая заимствований)¹“, так как с часто встречается в конце звукоподражательных слов типа һүүс, хас, хос, тэс, тас и т. д., встречается также в исходной позиции других слов: тэс хара „совершенно черный“, хас „яшма“, хас тамга „свастика“, тас шубуун „орел-ягнятник“ и т. п. Звук ш употребляется в конце слова в качестве аффикса второго лица единственного числа глагольного спряжения. Сам автор на стр. 100 своей грамматики приводит ряд слов с окончаниями на ш.

Нельзя также согласиться с утверждением автора, что „велярно-заднеязычный“ х в зависимости от передних гласных может быть среднеязычным. На самом деле при сочетании с гласным мягкого ряда фонема х проявляется в своем заднеязычном оттенке, а при сочетании с гласными твердого ряда — в увулярном оттенке.

Другая работа Г. Д. Санжеева „Фонетические особенности говора нижеудинских бурят“² является первым после Кастре-

¹ Г. Д. Санжеев. Указ. соч., стр. 19.

² Г. Д. Санжеев. Фонетические особенности говора нижеудинских бурят, Л., 1930.

на и последним до сего времени исследованием говора этой малоизвестной обособленной группы бурят.

Как самый основной признак, свойственный этому говору, признается существование глухого смычного *к* там, где во всех современных живых монгольских языках, кроме ойратского, встречается *х*. Как указывает автор, этот *к* перед гласным и чередуется с мягким *ть*. Нижнеудинцы говорят, например: *хал-тин* „ветер“, *артя* „вино“, *тамтя* „табак“, *тюруу* „иней“ и т. д. По словам автора, исторический *г* превратился в языке нижнеудинских бурят в *дь*¹: *тэньдер* — *тэнгир* — *тэнгри* „небо“, *маньдиһан* — *маннгиһан* „дук“, *диньже* — *гинже* „цепь“ и другие.

Фонетические явления, описанные Г. Д. Санжеевым, дают много интересных сопоставительных материалов для сравнения с соответствующими явлениями других диалектов и литературного бурятского языка.

В 30-х годах и позже развернулась работа по изучению диалектов бурятского языка. Выходит много статей и заметок по отдельным диалектам и говорам, которые содержат в той или иной степени материалы по фонетике. К далеко не полному перечню их относится, кроме выше указанного исследования Г. Д. Санжеева о фонетических особенностях нижнеудинских бурят, еще следующие работы: статьи Т. А. Бертагаева — „Заметки лингвиста о хоринском говоре“ (Записки БМ ГИЯЛИ, вып. I, Улан-Удэ, 1936); „Влияние русского языка на развитие фонетической системы бурят-монгольского языка“. (Ученые записки БМГПИ, вып. I, Улан-Удэ, 1947); статьи К. М. Черемисова — „Заметки по бурят-монгольскому языку. III. Несколько замечаний о тункинском диалекте“ (Записки БМ ГИЯЛИ, вып. III—IV, Улан-Удэ, 1941); „Заметки по бурят-монгольскому языку. IV. О кабанском подговоре“ (Записки БМ НИИКЭ, вып. VII, Улан-Удэ, 1947); статья Д. А. Абашеева „Предварительный отчет по обследованию говора бурят-монголов Иволгинского и Байкало-Кударинского аймаков“ (Записки БМ НИИК, вып. XI, 1951); „Заметки о сартульском говоре“ С. Ш. Чагдурова (Записки БМ НИИК, вып. XI, 1951); статья Б. В. Матхеева „Звуковой состав эхирит-булагатского говора“ (Ученые записки БМГПИ, вып. XI, 1957 г.). В 1952 г. была защищена диссертация М. П. Хомоновым на Восточном факультете Ленинградского университета на тему „Опыт исследования бурятских говоров (боханский говор)“.

Подытоживающий характер имеет очерк Д. А. Алексева „Диалекты бурят-монгольского языка“².

¹ На основании описания Г. Д. Санжеева и примеров можно предположить, что звуки *к* и *г* чередуются не с палатализованными переднеязычными согласными *ть* и *дь*, как это сказано в работе, а со среднеязычными согласными.

² Д. А. Алексеев. Диалекты бурят-монгольского языка. Ученые записки ЛГУ, № 98, 1949, стр. 161—202.

В своей работе Д. А. Алексеев приводит многочисленные фонетические явления по разным говорам и дает их в сравнительном плане, показывая этим фонетические различия между говорами бурятского языка.

В этой работе большое внимание уделяется хоринскому диалекту, который, как пишет автор, распространяется на территории Хоринского, Еравнинского, Заиграевского, Кижингинского, Мухоршибирского, Бичурского аймаков БурАССР и Агинского национального округа Читинской области. Автор пишет, что „главной отличительной чертой фонетики этого говора является неразличение говорящими на этом диалекте звуков γ и θ “. Совершенно правильно утверждается, что все более закрепляется в первом слоге γ , а не θ . На стр. 163 он пишет: „Установленное в орфографии правило — писать в первом слоге γ , а не θ , оправдывается не только технически, с точки зрения нормализации орфографии, но и фактически, как отражение действительного явления“.

Замечание Д. А. Алексеева со ссылкой на статью Т. А. Бертагаева „Заметки лингвиста о хоринском говоре“ о том, что в хоринском диалекте „не менее частым случаем является смешение гласных заднего ряда θ и y , например, ото — ута „длинный“, тодохо — тудаха „попадать“ не является правильным. Наблюдения во время поездок по Еравнинскому и Хоринскому району¹ показывали, что в аналогичных приведенным выше случаях всегда употребляется y , а не θ . Видимо, их смешение является индивидуальными отклонениями.

Указания автора на то, что за кратким γ первого слога из долгих гласных недифтонгического происхождения всюду появляется долгий ээ , а в хоринском $\theta\theta$, что хоринский долгий $и$ в конце слов соответствует долготу ээ в западно-бурятских диалектах так же, как θ соответствует y , $\theta\theta$ - y , ё-я , γ - э , правильно отражают закономерные соответствия между диалектами. В статье имеется также ряд ценных замечаний по консонантизму бурятских говоров.

Работа Д. А. Алексеева, по справедливой оценке Г. Д. Санжеева, „представляет собой краткую, но содержательную сводку основных данных по бурятской диалектологии с кратким очерком истории диалектологического исследования бурятского языка“.²

Итак, обозревая в целом рассмотренные выше работы, в той или иной степени содержащие фонетический материал, можно отметить следующее:

1. Для всех этих работ характерен субъективно-слуховой метод исследования, давший в свое время большие и ценные

¹ Наблюдения проводились автором данной работы во время научной командировки в Еравнинский и Хоринский аймаки БурАССР летом 1954 г.

² Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, М., 1953, стр. 48—49.

результаты в общей и частной фонетиках. Но в настоящее время этот метод уже недостаточен, он должен быть дополнен объективно-экспериментальными методами (кимография, палатография, рентгенография, акустико-гармонический анализ звуков).

2. Несмотря на то, что в некоторых исследованиях (например, в трудах Рамстедта, Руднева, Владимирцова) наряду с тонкими и подробными описаниями звукового состава имеются попытки выявить систему звуков исследуемого языка, все-таки характерным для всех рассмотренных работ остается то, что они ограничиваются лишь фонетическим описанием звукового состава языка, не давая его фонематической системы.

3. Во всех трудах, кроме работ Кастрена, Орлова и Подгорбунского, классификация звуков произведена по системе Бэла и Суита, что после выхода фонетических исследований Л. В. Щербы, давшего более совершенную классификацию звуков, следует считать менее соответствующим современному уровню языкознания.

Отмеченные недостатки, однако, никак не умаляют то большое значение, которое имели эти работы в свое время и не потеряли его по сей день. Ни одно фонетическое исследование по бурятскому языку не может обойтись без учета достижений предшественников в этой области. Представленный здесь обзор со всей очевидностью подтверждает, что учет всего сделанного, критическая его оценка и использование всего ценного в нем являются первостепенной задачей исследователей фонетики бурятского языка.

В данной работе по возможности учтены замеченные недостатки в вышеперечисленных работах. Также учтена рукописная работа В. М. Надеяева по фонетике современного монгольского языка, в частности, терминология и некоторые описанные фонетические закономерности, соответствующие таким же явлениям бурятского языка.

Классификация гласных и согласных звуков дана по системе акад. Щербы с некоторыми уточнениями применительно к бурятскому языку. В первоначальном рукописном варианте данной работы все фонетические записи были даны в транскрипции акад. Щербы, которая является в настоящее время наиболее отработанной и совершенной. Однако при подготовке данной работы к изданию транскрипционные записи по техническим причинам (из-за отсутствия соответствующих печатных знаков в типографии) значительно упрощены в сторону приближения к современной бурятской графике.

2. Задачи и методы исследования

Данная работа представляет собой исследование звуковой системы современного бурятского языка. Современный бурятский язык — это литературный язык бурятской социалистической

нации, в основу которого лег хоринский диалект. Поэтому за основу исследования взят именно этот диалект.

Основная цель работы — исследование звукового состава: описание согласных и гласных звуков, выявление фонемного состава и закономерностей звуковой системы бурятского языка. Описание звуков в данной работе ограничено определением их качественной характеристики.

В отличие от предшествующих исследований по фонетике бурятского языка, которые кратко были охарактеризованы выше, в данной работе привлекается экспериментальный метод, предполагающий, как писал А. И. Томсон, более совершенными средствами для объективного исследования и добывающий поэтому более точные результаты¹.

Экспериментальный метод исследования в фонетике располагает большим количеством разнообразных приборов и инструментов, позволяющих изучить с разных сторон различные явления звуковой стороны языка.

В данной работе были использованы пневматический метод, метод палатограмм и рентгенографический метод, которые в той или иной мере дополнили друг друга и дали в достаточной мере объективные данные по качественной характеристике звуков.

Пневматический метод дает графическое изображение способа артикуляции в виде фиксированной кривой на закопченной глянцевой (меловой) бумаге. Запись производится на специальном аппарате — кимографе². Здесь, как писал В. А. Богородицкий, речь может идти о трех группах приборов:

1. Приборы, непосредственно воспринимающие работу произношения (амбушюры различной формы, носовые оливы и гортанные капсулы различных систем);

2. Приборы, записывающие работы произношения (мареевские барабанчики диаметром 2—3 см. — ртовые и 1—1,5 см. — носовые, ларингографы);

3. Прибор, на котором записываются воздушные колебания работы артикулирующих органов (кимограф).

Все кимографические записи, приведенные в данной работе, производились на большом кимографе со скоростью вращения 145 мм/сек. в лаборатории экспериментальной фонетики имени акад. Л. В. Щербы у испытуемых Т., Ш. и П. — носителей хоринского диалекта бурятского языка. Для большей объективности результатов каждая запись производилась не-

¹ А. И. Томсон. Общее языковедение. Одесса, 1910, стр. 105—106.

² Подробное описание устройства кимографа, его частей и его работы см. В. А. Богородицкий. Курс экспериментальной фонетики применительно к литературному русскому произношению. Уч. зап. Имп. Казанского Университета, кн. 2, 1917.

сколько раз (5—10 и больше) с повторением программы записи каждым испытуемым.

Все записи произведены при полном стиле произношения, наиболее типичные из них даются в качестве иллюстраций в самой работе. На этих иллюстрациях кривая, регистрирующая колебания воздушной струи, выходящей из полости рта, обозначается буквой S; кривая записи колебаний голосовых связок обозначается буквой L; кривая, регистрирующая воздушные колебания носовой полости, обозначается буквой N. См., например, на рис. 1 кимограмму слова хариин „чужой“.

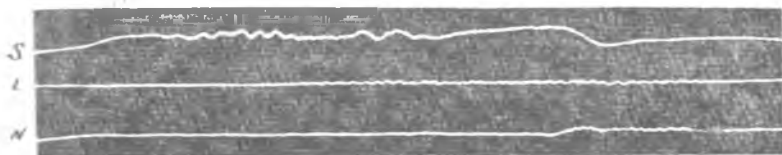

Рис. 1.

Для более точного определения места и формы образования преград и форм резонаторов, а также для определения работы артикулирующих органов при произношении гласных высокого подъема и язычных согласных привлекался палатографический метод.¹

В лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ были изготовлены искусственные неба для испытуемых Ш. и Б. из тонкого целлулоидного листа (0,15 мм) черного цвета. При опыте искусственное небо, припудренное тальком (для большего контраста отпечатка), вставляется в рот и плотно прикладывается к твердому небу. Произносится исследуемый звук в составе специально подобранных слогов или слов так, чтобы артикуляции звуков, окружающих исследуемый звук, не давали отпечатков на искусственном небе. Затем искусственное небо вынимают и исследуют отпечаток, образованный прижатой к нему частью языка.

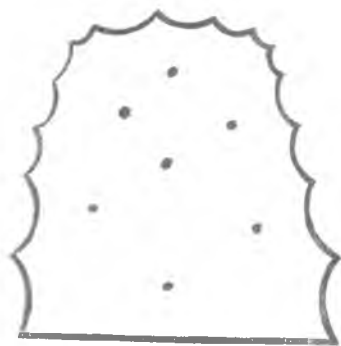

Рис. 2.

Конфигурация этого отпечатка переносится на заранее подготовленный контур неба. Точность нанесения полос касания с искусственного неба на контур кон-

¹ Детальное описание метода палатограмм см. в указанной работе В. А. Богородицкого, стр. 61—64.

тролировалась специальными ориентирами — семью небольшими отверстиями на искусственном небе. (См. рис. 2).

Для большей объективности получаемых рисунков, один и тот же звук снимался несколько раз (5—10 раз).

В данной работе метод палатограмм служил дополнением к рентгенограммам. При помощи рентгенограмм (см. ниже) были получены только профили языка, поэтому для получения формы поверхности средней и передней частей спинки языка употреблялся палатографический метод.

В работе широко применялся рентгенографический метод¹, особенно при качественной характеристике гласных звуков, описание которых, как известно, в частных фонетиках связано с большими затруднениями.

Всего было заснято 106 рентгенограмм, из них 71 гласный и 35 согласных звуков; большинство снимков получены у испытуемых Ш и Т — носителей хоринского диалекта.

Снимки производились в Ленинграде в рентгеновских кабинетах Института уха, горла, носа и речи и Поликлиники ученых ЛГУ при участии врачей — рентгенологов А. В. Мацкевича и П. Я. Андреева.

Размер пленки 12,5×17, 5 см.; этот размер позволял охватить положение основных артикулирующих органов (губы, язык, твердое и мягкое небо, обе челюсти, глотку и часть гортани) См. рис. 3.

Чтобы получить на рентгенограммах более четкие профили мягких частей речевого аппарата (язык, мягкое небо, губы), на них наносился тонким слоем густой (сметанообразный) раствор бария. См. рис. 3, на котором выведен профиль языка, твердого неба и профиль мягкого неба и губ.

В данной работе исследование велось с помощью негативов, при этом для облегчения чтения, контуры профилей негативных рентгенограмм переводились на кальку (на матовое смотровое стекло с тыльным освещением накладывалась негативная рентгенограмма, на нее — калька; проступающий контур на кальке обводился карандашом). В качестве рентгенографических иллюстраций в работе даются такие копии негативных рентгенограмм.

Для более удобного сопоставления профилей различных артикуляций звуков даются в основном рентгенограммы одного испытуемого — Ш².

¹ Технические и другие данные рентгенографического метода, о положительных и отрицательных сторонах его, см. В. А. Артемов и В. П. Гинзбург. Рентгенографическое изучение речевой артикуляции. Уч. зап. 1-го МГПИИЯ, т. VIII, 1954, стр. 169—179 и докторскую диссертацию Л. Р. Зиндера, стр. 40—53.

² Рентгенограммы Ш даны без специального указания, рентгенограммы испытуемых Т, Б и П отмечаются этими инициальными буквами.

Рис. 3.

Объективно-экспериментальный метод, хотя и располагает различными средствами для изучения звукового состава языка, не может обходиться без субъективно-слухового метода. Совершенно справедливы в этом отношении замечания Л. Р. Зиндера о том, что „приступать к изучению фонетики какого-нибудь языка при помощи приборов без предварительного определения состава фонем этого языка и их основных характеристик—невозможно. Чтобы решить объективным методом тот или иной вопрос, нужно суметь правильно поставить его, а для этого нужно ориентироваться в фонетической системе изучаемого языка... Такая ориентировка достигается субъективным методом“. Поэтому „только правильное сочетание объективного метода с субъективным при изучении фонетического аспекта звуковой стороны языка с постоянным учетом фонематического аспекта, может дать полную объективную характеристику его“¹.

В данной работе эти два метода в известной мере сочетаются между собой, уточняя и дополняя друг друга при определении качественной характеристики согласных и гласных звуков бурятского языка.

¹ Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Диссертация (рукопись), стр. 58—59.

При определении состава фонем бурятского языка учитывались, в первую очередь, работы предшествующих исследователей (Руднева, Санжеева и др.), которые дали в общем совпадающие результаты о количественном составе согласных и гласных фонем. Учитывалась также трактовка этого вопроса в школьных грамматиках, которые, в свою очередь, тоже опирались на исследования лингвистов-бурятоведов. Современная бурятская графика как система приемов использования знаков русского алфавита (с небольшим дополнением) для передачи на письме звуков бурятского языка, опирающаяся на результаты изучения фонетической системы, также была учтена в данной работе. Интересные и важные факты для определения состава фонем дало наблюдение над произношением заимствованных слов из русского языка бурятами, и наоборот, над произношением бурятских слов русскими, а также наблюдение над тем, как реагируют те и другие в роли слушающих на правильное и неправильное произношение звуков родного им языка.

Эти данные были проверены методом сопоставления разных слов, отличающихся между собой лишь одним звуком, типа таха „подкова“ — даха „доха“; таха „подкова“ — тааха „отгадать“ и т. п.

Все, изложенное выше, позволило получить достаточно полную картину состава фонем бурятского языка, наличие которых было подтверждено исследованием их качественной стороны.

Таким образом, состав фонем современного бурятского языка (за исключением небольшого количества звуков)¹ не вызывал особых недоразумений и споров, и не требовалось в работе специального раздела по выявлению их. Можно утверждать, что в звуковой системе бурятского литературного языка имеется 27 согласных, 17 гласных фонем. Поэтому в основную задачу работы входило качественное определение согласных и гласных фонем (их фонетические признаки, свойства, особенности употребления в потоке речи) при возможном сочетании субъективно-слухового и объективно-экспериментального методов с тем, чтобы как можно полнее показать своеобразие звукового состава современного бурятского языка как основы его звуковой системы вообще.

3. Фонемы, оттенки и фонетические признаки

В живой речи бурят, как и любого другого народа, существует большое разнообразие звуков. В каждом конкретном

¹ В отношении существования отдельных фонем имеются некоторые разногласия у бурятоведов. Об этом говорится ниже в соответствующих местах при описании звуков.

случае произнесенный звук будет как-то отличаться от другого звука. Это различие вызывается позиционно-комбинаторными условиями, темпом речи, а также индивидуальными особенностями произношения и т. д.

Однако языкознание, частные фонетики не занимаются выделением и изучением всех звуковых разновидностей, тем более индивидуальными произносительными отклонениями, а занимаются изучением тех конкретных форм существования звуков, которые обязательно присущи в данных условиях в силу их позиционно-комбинаторной обусловленности. При этом не учитываются также такие звуковые проявления, которые обусловлены лишь каким-нибудь одним фонетическим положением, а такие конкретные формы существования звуков, обобщаемых наличием ряда однородных, близких друг другу фонетических положений. Эти конкретные случаи существования звуков и называются в фонетике вариантами, вариациями и оттенками фонем. В данной работе употребляется термин „оттенки“¹, предложенный акад. Л. В. Щербой. Несмотря на такое многообразие звуков-оттенков, в каждом языке существует ограниченное количество звуковых единиц—фонем, различие между которыми связано с семантическим различием слов и морфем, материальные оболочки которых они и составляют.

В языкознании существуют различные теории фонемы², которые по ряду важных исходных позиций расходятся между собой. По мнению автора, является наиболее правильной и теоретически обоснованной теория фонемы, развитая акад. Л. В. Щербой и его последователями.

В теоретических курсах по монгольским языкам на кафедре монгольской филологии ЛГУ давно уже утвердилась эта точка зрения в лекциях моего учителя В. М. Наделяева.

С этой точки зрения отношения между понятиями фонема и оттенок рассматриваются как отношения между общими и отдельными³. Оттенок фонемы представляет собой конкретную форму существования фонемы, следовательно, вне оттенков нет и фонем.

¹ Термин „оттенки“ имеет однозначное значение в общей фонетике, как название для конкретных проявлений фонемы. Термин „вариант“, связанный с пражской фонетической школой, используется Р. И. Аванесовым с другим значением, близким к значению так называемых архифонем или „смешанных фонем“. Предложенный Р. И. Аванесовым для обозначения оттенков термин „вариация“, видимо, не прижился.

² История учения о фонеме см. А. Ф. Биршерт. К вопросу о системе фонем английского литературного языка. глава I. Краткий обзор фонематических теорий. (Уч. зап. 1-го МГПИИЯ, т. 1, стр. 35—65) и статью Л. Р. Зиндера и М. И. Матусевич „К истории учения о фонеме“ (Изв. АН СССР, ОЛИЯ, т. XII, вып. 1. М., 1953).

³ Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. Изд. 3-е, М., 1948, стр. 18—19.

Фонемы — звуки человеческой речи, которые реально существуют в потоке речи в разных позициях, в различных сочетаниях между собой, что соответствующим образом отражается на их артикуляциях, и поэтому они естественно существуют в различных звуковых выражениях — оттенках. Каждый оттенок, таким образом, и есть определенная фонема в ее конкретном существовании. Таким образом, речь может идти не о „фонемных“ и „нефонемных“ звуках, когда говорят о фонемах и оттенках фонем, а как справедливо замечает Л. Р. Зиндер, о двух видах звуковых различий:

1. Если различие между звуками может служить опорой для смыслового различения слов и морфем, то данные звуки являются разными фонемами;

2. Если же различие между звуками не может быть использовано для смыслового различения, то данные звуки являются оттенками одной и той же фонемы.

Анализ этого явления показывает, что в основе звуковых различий лежат различные фонетические признаки.

Фонетические признаки, с которыми связано противопоставление фонем, т. е. различием первого вида, называются фонематическими признаками; фонетические признаки, связанные с различием оттенков одной и той же фонемы, т. е. с различием второго вида, называются оттенковыми признаками.

Для примера возьмем бурятскую фонему г в различных фонетических условиях: 1) гэр „дом“, 2) дэгэл „пальто“, 3) ерэг „пусть придет“, 4) гар „рука“, 5) бага „ребенок“, 6) даг „грязь“; каждый из этих г при сочетании с огубленными гласными произносится с огублением. Во всех выше перечисленных словах фонематические признаки фонемы г: ртовость, слабость, третья артикуляция, твердость остаются постоянными и обязательными. Изменяются только оттенковые признаки, например, 1) оттенок в слове гэр — смычный, заднеязычный, звонкий, 2) оттенок в слове дэгэл — щелевой, заднеязычный, звонкий, 3) в слове ерэг — смычный, заднеязычный, глухой, 4) в слове гар — смычный, увулярный, звонкий, 5) в слове бага — щелевой (дрожащий), увулярный, звонкий, 6) в слове даг — смычный, увулярный, глухой. И все они тоже могут быть огубленными при сочетании с огубленными гласными.

Данное наблюдение со всей очевидностью показывает, что замена одних оттенковых признаков другими в соответствии с различными фонетическими условиями не дает другой фонемы.

Таким образом, фонематические признаки являются основой отличия одной фонемы от других фонем, также качественно определенных и, следовательно, их единство является основным существенным ядром всех оттенков одной и той же фонемы, ибо „поскольку фонема это звуковая единица языка,

постольку оттенки одной фонемы должны обладать какими-нибудь общими фонетическими признаками¹.

Многие фонетисты считают, что фонемы противопоставляются друг другу по отдельным фонематическим признакам, как например, по силе и слабости, по твердости и мягкости и т. д.

В данной работе проводится следующее положение: фонемы вообще, в частности в бурятском языке, противопоставляются не по отдельным фонематическим признакам, а каждая фонема, качественно определяясь органическим единством обязательно присущих ей фонематических признаков, противопоставляется любой другой фонеме как одно единство фонематических признаков другому единству фонематических признаков, т. е. противопоставляются не отдельные стороны единиц, а сами единицы в целом, как одна единица другой единице.

Достаточно в условиях эксперимента один из фонематических признаков фонемы г — ртовость, слабость, заднеязычно-увулярность, твердость — заменить другим, как она перестает быть данной фонемой. Например, если признак твердости заменить признаком мягкости, то получится фонема г'; если признак ртовости заменить признаком назальности, то получится фонема нг, потому что в этих случаях образуются другие единства фонематических признаков. При этом остальные признаки, в том числе и оттенковые могут оставаться прежними.

Вместе с тем из вышеприведенного наблюдения становится очевидным и то, что единство одних только фонематических признаков еще не дает конкретную определенность фонемы, т. е. фонему как реального звука человеческой речи в конкретных условиях, который на самом деле обязательно представляет собой единство всех его фонематических и оттенковых признаков.

Выше были выделены фонематические признаки, которые являются основаниями различения фонем друг от друга. Выделение этих фонематических признаков и их описание является научной абстракцией, означающей мысленное отвлечение в свойствах предмета от второстепенных признаков и мысленное выделение и обобщение наиболее существенных особенностей, свойственных тому или иному явлению. В данном случае абстрагированно были показаны признаки фонем, органическое единство которых составляет основу противопоставления их друг другу.

Такого рода абстрагирование, т. е. выделение в данном случае фонематических признаков из единого целого предмета (фонемы), который на самом деле существует как единство всех его признаков, независимо от того, что они оттенковые

¹ Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Автореферат. Л., 1955, стр. 7.

или фонематические, представляя на первый взгляд как бы отход от конкретного явления, отход от самого реально существующего звука речи. Но в действительности же, как писал В. И. Ленин, „Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит,—если оно правильное ...—от истины, а подходит к ней... Одним словом, все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее“¹.

Любое научное исследование для более полного изучения сущности явлений использует различные логические приемы.

Анализ, научная абстракция как раз и предполагают расчленение на составные части или выделение признаков предмета, иначе говоря, для того чтобы изучить какой-либо предмет в целом, нужно, прежде всего, разложить его на составные элементы, выделить присущие ему свойства, качества и тщательно изучить их в отдельности. Это необходимо для того, чтобы установить, какие из этих признаков и свойств для данных предметов являются общими, какие являются частными и т. д.

Такой анализ фонем бурятского языка показывает, что отмеченные выше фонематические признаки (слабость, твердость, мягкость и т. д.) являются опорой для различения фонемы, тогда как оттенковые признаки (огубленность и неогубленность, смягченность и несмягченность и т. д.) не играют роли в различении фонемы. Но они, т. е. оттенковые признаки, являются такими же необходимыми признаками фонем, как звуков человеческой речи, так как каждый конкретный звук есть единство всех его признаков, одинаково фонематических и оттенковых. Это вытекает из того, что слова различаются по общему облику, а последний „зависит от всех фонетических особенностей тех оттенков фонем, которые в них представлены“². Следовательно, для общего облика слова существенны все оттенки со всеми его оттенковыми и фонематическими признаками. Это положение легко подтверждается следующим примером: слово гар „рука“ русские обычно произносят, употребляя вместо увулярного оттенка заднеязычный. Хотя слово узнается слушающими носителями бурятского языка, но эта смена одного оттенка другим воспринимается как акцент.

Наличие оттенковых признаков объясняется чисто фонетически — артикуляционным механизмом речевого аппарата и артикуляторной традицией конкретного языка³. Например, сог-

¹ В. И. Ленин. Философские тетради. Госполитиздат, 1947, стр. 146.

² Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Автореферат, Л., 1955, стр. 7.

³ Если артикуляционный механизм является общечеловеческим, то артикуляторные традиции различны в разных языках и обусловлены всем ходом развития каждого конкретного языка. Этим объясняется, во-первых, что одни и те же фонетические признаки в одном языке являются оттенковыми, в другом — фонематическими; во-вторых, что в одних языках имеются фонетические признаки, отсутствующие в других и, наоборот.

ласный перед огубленными гласными в бурятском и русском языках обязательно произносится с огублением, так как одновременно с их произнесением речевой аппарат подготавливается к произнесению последующего огубленного гласного; также в словах мягкого ряда все твердые согласные фонемы бурятского языка обязательно должны быть произнесены с небольшим смягчением, так как одновременно с их произнесением речевой аппарат подготавливается к произнесению последующих мягкорядных гласных, в артикуляции которых характерно движение средней части языка по направлению к твердому небу; указанные выше оттенковые признаки глухости и звонкости в фонетической системе бурятского языка обуславливаются в значительной степени артикуляторной традицией данного языка в отличие от фонетической системы русского языка, где эти же фонетические признаки, обуславливаемые частично комбинаторными условиями, являются фонематическими признаками согласных фонем.

Деление фонетических признаков на фонематические и оттенковые для каждого конкретного языка различно: одни и те же фонетические признаки в одном языке являются фонематическими, в другом — оттенковыми, в одних языках имеются фонетические признаки, отсутствующие в других и т. д. Например, придыхание в английском языке, являясь традиционно обязательным, выступает как оттенковый признак; английские смычные глухие согласные фонемы *p, t, k* в одних фонетических условиях произносятся с сильным придыханием, в других — со слабым придыханием, в третьих — совсем без придыхания¹. Наоборот в корейском языке придыхание является фонематическим признаком, определяющим группу придыхательных фонем *пх, тх, чх, кх*.²

С другой стороны, границы между фонематическими и оттенковыми признаками непостоянны и неустойчивы в истории одного языка. Одни фонетические признаки, являясь оттенковыми для одного периода языка, в другой период его истории становятся фонематическими; одни фонетические признаки являются более устойчивыми в качестве или фонематических, или оттенковых признаков, другие менее устойчивы, подвержены изменениям — переходу из оттенковых в фонематические и, наоборот, из фонематических в оттенковые. Кроме того, одни фонематические признаки проходят через всю систему согласных или гласных, другие свойственны только части звуков. Например, такими универсальными фонематическими признаками согласных звуков бурятского языка, противопостав-

¹ А. Ф. Биршерг. К вопросу о системе фонем английского литературного языка. Уч. зап. 1-го МГПИИЯ, М., 1940, стр. 60, 68; О. И. Дикшина. Фонетика английского языка. М., 1952, стр. 57.

² А. А. Холодович. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954. стр. 6.

ляющими всю систему консонантизма на две группы, являются признаки мягкости и твёрдости, а также признаки силы, слабости и сонантности, делящие все бурятские согласные на три фонематические группы. Наоборот, фонематические признаки смычности и щелинности распространяются целиком только на согласные фонемы второй артикуляции и т. д.

Переход оттенковых признаков в фонематические и, соответственно, оттенков фонем в самостоятельные фонемы объясняется фонетически. Как пишет Л. Р. Зиндер, это „должно происходить тогда, когда исчезают фонетические причины, их обуславливающие. Так, твердые и мягкие согласные стали в русском языке самостоятельными фонемами тогда, когда исчезли **ъ** и **ь**, их обуславливающие“¹. Подобно этому фонетическими причинами можно объяснить появление палатализованных (мягких) фонем в бурятском языке, развившихся из палатализованных оттенков согласных фонем в позиции перед гласной фонемой **и** в связи с её переломами².

Другой причиной перехода оттенков в фонемы и, соответственно, оттенков признаков в фонематические является взаимоотношение языков, т. е. в конечном счете, социальный фактор, когда из одного языка поступает в другой язык значительное количество слов с определенной фонемой, отсутствующей в языке заимствующем, и под влиянием этой фонемы близкий ей оттенок в заимствующем языке со сходным с заимствованной фонемой фонетическим признаком расходится с другими оттенками, превращаясь в самостоятельную фонему. Таким образом, исходная фонема теряет один из оттенковых признаков (один из оттенков), который становится фонематическим во вновь образованной фонеме. Такой процесс, схематично изложенный выше, видимо, протекает сейчас в современном бурятском языке со целевыми оттенками фонем **б**, **б'**, **г** и с глухими оттенками фонем **б**, **г**, **д**.

¹ Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Автореферат. Л., 1955, стр. 24-25.

² А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. VII, сноска I; Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I. М., 1953, стр. 119.

Г

СОГЛАСНЫЕ

Деление звуков человеческой речи на гласные и согласные известно с давних времен, как только язык стал в той или иной мере объектом наблюдения. Это деление основано на различном характере образования звуков (акустико-физиологические данные), на их роли в слогах, на закономерностях их употребления в потоке речи.

Акустические исследования показывают, что гласные (кроме шепотных) являются музыкальными тонами, а согласные — в основном шумами. Но это противопоставление не абсолютно, так как гласные могут иметь шум, согласные в той или иной мере содержат тон, особенно сонанты, которые характеризуются преобладанием тона над шумом, обусловленным большей щельностью и более слабой воздушной струей.

Более точным критерием деления звуков на гласные и согласные следует считать физиологический критерий — преградность и беспреградность, а именно: согласные звуки возникают благодаря настройке различного типа преград, образуемых активным органом в речевом аппарате человека, гласные же звуки возникают в резонирующих полостях речевого аппарата без преград. Причем, первые артикулируются с местным мускульным напряжением преградообразующего активного органа, а артикуляция вторых характеризуется общим разлитым мускульным напряжением всего речевого аппарата. Это объясняется тем, что преграда для произнесения согласного может быть образована лишь местным мускульным напряжением артикулирующего активного органа, что в свою очередь и обуславливает появление шума; чтобы дать различные тоны для произнесения различных гласных, нужно настроить резонаторы, а это достигается разлитой напряженностью во всем речевом аппарате. Таково различие гласных и согласных звуков в физиологическом отношении, обуславливающее их акустическое различие.

С функциональной стороны гласные бурятского языка являются слогаобразующими звуками, т. е. выступают в сочетании с согласными как вершина слога и могут сами по себе образовать слог. Согласные же звуки, наоборот, являются неслогообразующими, а при сочетании с гласными в одном слоге выступают как подчиненные и самостоятельно

слога образовать не могут. Например, бурятские слова: аха, далдалха, бэлэдхэлгэ можно разделить, первое слово — на два отрезка, т. е. слога: а-ха, второе слово — на три: дал-дал-ха, третье слово — на четыре: бэ-лэд-хэл-гэ; это деление основано на волнообразном усилении и ослаблении мускульного напряжения при произнесении слова¹. Причем, вершиной, центром каждого слога является гласный, который поэтому и называется слогаобразующим.

Кроме того, для бурятского языка, как и для других монгольских языков, а также тюркских и тунгусо-маньчжурских, существенным фонетическим критерием деления звуков речи на гласные и согласные являются их различное значение для сингармоничных рядов слов. А именно, отнесенность слова к тому или иному сингармоничному ряду в бурятском языке определяется только количественным составом гласных; согласные же в бурятских словах в этом отношении играют пассивную роль.

Таким образом, в бурятском языке довольно четко выявляются две фонематические группы звуков: гласные и согласные.

Согласные звуки, как уже говорилось выше, образуются преградой на пути воздушной струи с местным мускульным напряжением преградообразующего органа при отсутствии общего мускульного напряжения всего речевого аппарата. Этими преградообразующими органами могут служить все речевые органы, известные в фонетике под названием активные речевые органы, к которым в бурятском языке относятся: губы (преимущественно нижняя губа), передняя, средняя и задняя части спинки языка, мягкое небо с язычком, стенки фаринкса, голосовые связки.

Учет и проверка результатов исследований предшествующих авторов в области фонетики бурятского языка, в частности по выявлению состава фонем, позволяет говорить о 27 согласных фонемах в современном бурятском языке, точнее, в хоринском диалекте, легшем в основу литературного бурятского языка²: п, п', б, б', м, м', т, т', д, д', н, н', с, з, ш, ж, л, л', р, р', й, г, г', х, х', нг, һ.

1. Фонематические группы согласных бурятского языка

По характерным признакам образования, по акустическим эффектам и по закономерностям употребления в потоке речи

¹ Л. В. Щербачева. Фонетика французского языка. Изд. 3-е, М., 1948, стр. 77.

² Современный бурятский литературный язык нельзя считать окончательно сложившимся. См. А. Мординов, Г. Санжеев. Некоторые вопросы развития младописьменных языков народов СССР, журнал „Большевик“, № 8, 1951, стр. 46.

согласные звуки бурятского языка можно разделить на различные группы.

По степени напряженности артикулирующего органа все согласные бурятского языка делятся на три группы: сильные, слабые и сонантные.

Сильные согласные звуки бурятского языка характеризуются значительно большим напряжением мускулов активного речевого органа по сравнению с соответствующими слабыми и сонантными звуками и большей силой воздушной струи; большее мускульное напряжение и сильная воздушность обуславливают у смычных эксплозивных звуков (п, п', т, т') силу взрыва и часто при этом придыхание, у щелевых согласных (с, ш, х, х') усиление их основного шума.

При определении силы и слабости согласных, т. е. большей или меньшей степени напряженности мускулов артикулирующих органов приходится полагаться в основном на субъективный метод: на мышечные ощущения в аппарате речи и на слуховые ощущения, потому что фонетика до сих пор еще не располагает более объективными методами исследования, которые позволили бы точно определить степень напряженности речевых органов. Но относительные объективные данные можно получить экспериментально. Во-первых, путем сопоставления палатограмм соответствующих по артикуляции язычных согласных, например, т и д, с и з, ш и ж, р, л и т. д. В этих случаях, как правильно указывал проф. В. А. Богородицкий, „более сильное произношение язычных согласных дает и большие по размеру отпечатки“ на искусственном небе¹. (См. рис. 4 и 5).

Косая штриховка на рис. 4 показывает отпечатки слабого д, на рис. 5— слабого з; оставшиеся не заштрихованными по-

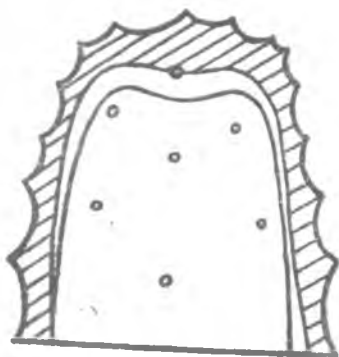

Рис. 4. Палатограммы т и д.

Рис. 5. палатограммы с и з.

¹ В. А. Богородицкий. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, 1930, стр. 148.

лосы показывают насколько шире полосы соприкосновения при сильных т (рис. 4) и с (рис. 5).

Во-вторых, сопоставлением кимограмм смычных взрывных согласных путем измерения углов отклонения кривой S. Сильный звук дает на кривой S резкое отклонение с менее тупым углом, чем соответствующий ему слабый, который на линии S оставляет сравнительно пологий подъем. Например, измерения углов отклонения кривой S у смычных сильных взрывных т и п показывают в среднем $108,5^\circ$, у соответствующих им слабых звуков б и д — в среднем 121° при скорости хода кимографа 145 мм в секунду. Эти цифры являются средними арифметическими результатов измерений углов между нулевой линией и линией подъема кимографической кривой S¹. (См. рис. 6).

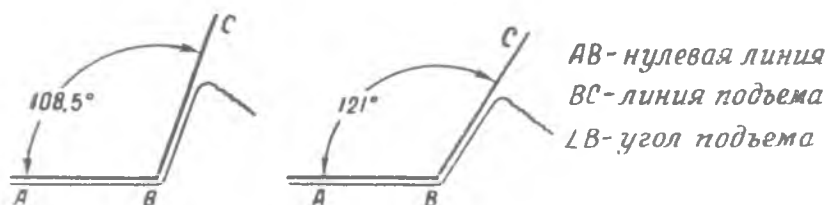

Рис. 6. Измерение углов кимографической записи 1) сильного т и 2) слабого д.

Для получения достаточно надежных объективных результатов сопоставлялись кимограммы соответствующих сильных и слабых смычно-взрывных согласных, записанных при одинаковой скорости вращения барабана кимографа с возможным наблюдением одинаковых условий эксперимента. Причем, определение углов и вывод их средних данных производились в определенной последовательности.

Была сделана серия записей бурятских слов с сильными и слабыми смычно-взрывными звуками в несколько сеансов у разных испытуемых с возможным соблюдением одинаковых условий эксперимента. Определение углов сначала производилось по записям одного испытуемого за один сеанс и из этого выводились средние арифметические данные отдельно по сильным и слабым звукам. Затем выводились средние арифметические по записям одного испытуемого в разные сеансы. И наконец, из средних цифр всех испытуемых в разные сеансы выводились средние арифметические, которые и принимались за типичные относительные показатели сильных и слабых смычно-взрывных звуков бурятского языка.

¹ Средние цифры углов подъема по отдельным фонемам даются ниже в соответствующих местах при описании самих звуков.

Представляется, что в данных условиях такой порядок определения углов мог обеспечить наибольшую объективность результатов.

На кимограммах, кроме того, можно определить относительную степень воздушности согласных бурятского языка по степени отклонения кривой S от нулевой линии. Линия S при записи сильных согласных бурятского языка дает большую сте-

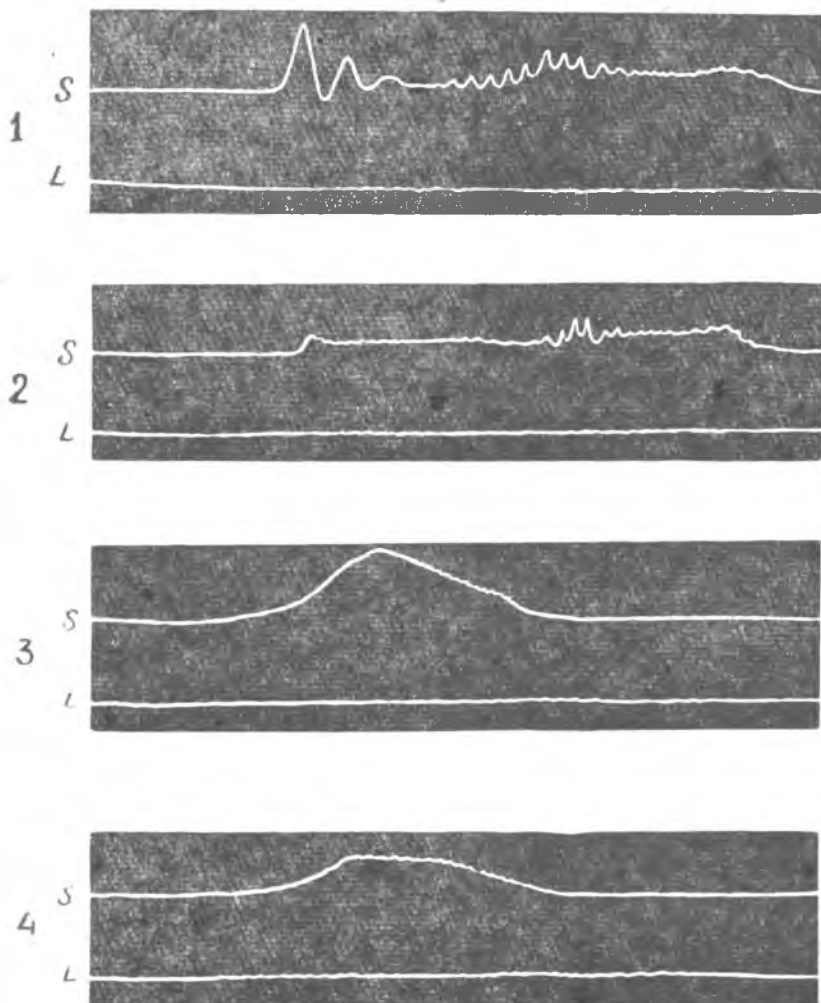

Рис. 7. Кимограмма слов: 1) таха, 2) даха, 3) сан, 4) зан. Ср. отклонения кривой S при артикуляции начальных т и д, с и з.

пень отклонения, чем при записи соответствующих слабых согласных. (См. рис. 7).

Большее отклонение кривой S свидетельствует о большей степени воздушности звука. Проведенные опыты говорят об относительно сильной воздушности группы сильных согласных звуков по сравнению с группой слабых согласных звуков бурятского языка. Иногда этой воздушностью обуславливается дополнительный шум — придыхание, наслаивающееся на основной шум смычных сильных согласных т, п и значительно реже п', т'. Наличие или отсутствие придыхания при артикуляции этих согласных отчетливо отражается на кимограммах; при наличии придыхания на кривой S после резкого скачка начинаются мелкие голосовые вибрации не сразу, а после некоторого безголосого промежутка (линии без вибрации), показывающего дополнительный выдох-придыхание после раскрытия смычки (См. рис. 8).

Рис. 8. Кимограмма слова бурятского языка „пыхтеть“.

При отсутствии придыхания кривая S начинает сразу после взрыва регистрировать непосредственно начавшиеся голосовые вибрации последующего гласного звука. (См. рис. 9).

Рис. 9. Кимограмма слова тагшского языка „чашка“.

При определении относительной степени воздушности сопоставлялись также наиболее типичные для каждого слова кривые, записанные только за один сеанс; этим обеспечивалось соблюдение максимально одинаковых условий эксперимента.

Вышеприведенные данные говорят о том, что сила и воздушность в качественной характеристике сильных согласных современного бурятского языка сочетаются.

Кроме того, сильные согласные бурятского языка характеризуются обязательным отсутствием голоса, т. е. всегда являются глухими, и это объективно констатируется по характеру кривой *L*, которая на отрезке сильных согласных показывает полное отсутствие вибраций, отражающих колебание гортани при образовании тона голосовыми связками. (См. рис. 10).

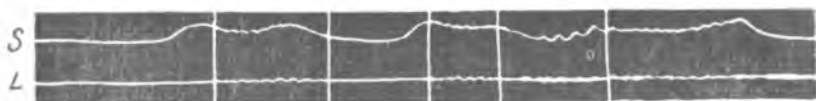

Рис. 10. Кинограмма слова сасаха „прыснуть“.

На отрезках сильных щелевых 1-с, 2-с, 3-х линия *L* не даёт вибрации. Значит, голосовые связки находятся в положении, не дающем голоса, остаются не сомкнутыми, и воздушная струя свободно проходит через эту щель, не возбуждая тоны колебанием голосовых связок. И если не создавать никакой шумообразующей преграды в надставной трубе, то получится сплошной бесшумный выдох. Характерные для всех глухих согласных шумы, как говорилось выше, возникают в надгортанных полостях благодаря преграде, производимой артикулирующими органами.

Таким образом, группа сильных согласных бурятского языка характеризуется следующими фонетическими признаками:

- 1) относительно сильное мускульное напряжение действующего активного органа;
- 2) относительно большая воздушность;
- 3) обязательная глухость.

Слабые согласные бурятского языка в отличие от сильных характеризуются относительно меньшим мускульным напряжением активного органа и меньшей степенью воздушности, что было показано выше при общей характеристике сильных согласных, так как эти показатели могут быть даны пока только относительно, при сопоставлении. Слабая степень мускульного напряжения и меньшая сила воздушной струи при произнесении слабых согласных обуславливают меньшую громкость их основного шума.

В зависимости от позиционно-комбинаторных факторов слабые согласные бурятского языка встречаются в звонких и глухих вариантах. Слабые фонемы **б**, **д** и **г** в исходе слова или внутри слова перед глухими согласными произносятся без участия голоса, при безголосой настройке голосовых связок. В начале слогов или в конце слога внутри слова перед звонкими

согласными эти фонемы преимущественно произносятся звонко, с участием голоса. Фарингальный **h** в начале слова и палатализованный **d'** в исходе слога употребляются только в глухих оттенках. Во всех остальных случаях слабые согласные артикулируются звонко, с участием голоса. Это не трудно проверить на кимограммах, содержащих две кривые: ртовую (**S**) и гортанную (**L**), записанных строго синхронно. Возьмем для примера кимограммы двух бурятских слов с фонемой **г** в начале и в исходе гэр „дом“ и сэг „предел, граница чего-либо“. См. рис. 11.

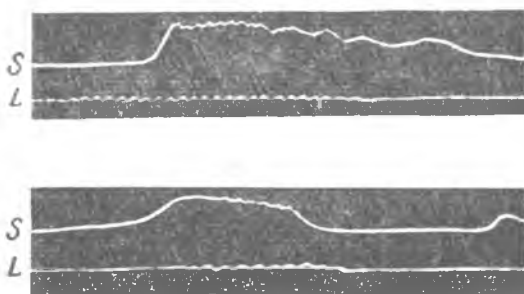

Рис. 11. Кимограммы слов гэр „дом“ и сэг „предел, граница чего-либо“.

Видим, что кривая **L** в первом слове при произнесении **г** даёт вибрации, что говорит о работе голосовых связок, а во втором слове, при произнесении конечного **г** вибраций не даёт, что указывает на глухость **г** в исходе. Такая же картина наблюдается у фарингального **h**, при произнесении которого в начале слова кривая **L** не даёт вибраций, а в интервокальном положении кривая **L** отражает вибрацию. (См. рис. 12).

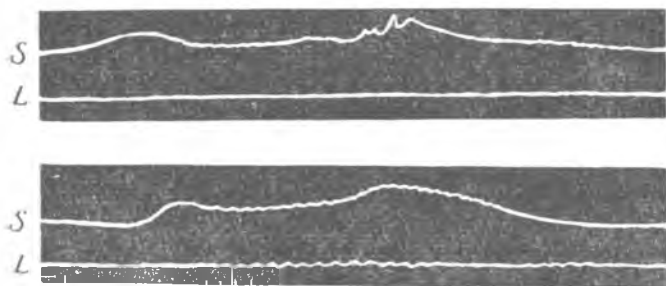

Рис. 12 Кимограммы слов haxal „борода“ и sahan „снег“.

Итак, характерными для слабых согласных бурятского языка акустико-физиологическими признаками являются:

1) относительно слабое мускульное напряжение активного органа;

2) слабая воздушность;

3) наличие глухости и звонкости в различных соотношениях, определяемых позиционно-комбинаторными условиями.

Для группы сонантных согласных бурятского языка характерны следующие моменты:

1) слабое мускульное напряжение артикулирующего активного органа, более слабое, чем у слабых согласных;

2) меньшая воздушность;

3) фонация с обязательным участием голоса. Исключение составляет лишь фонема **р**, которая внутри слова перед глухими согласными, как показывают кимограммы, произносится глухо, а в исходе слова иногда полувонко. (См. рис. 13).

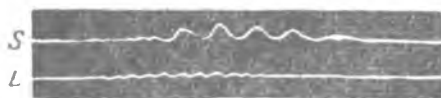
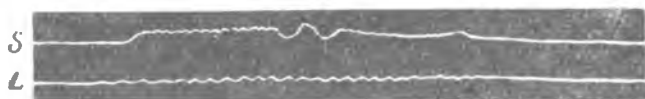

Рис. 13. Кимограммы слов боро „серый“, бэрхэ „трудный“, гар „рука“.

Помимо перечисленных выше характерных фонетических признаков каждая группа бурятских согласных имеет свои функциональные особенности, выражающиеся в закономерностях их употребления в потоке речи.

Сильные употребляются только в начале слога. Исключение составляют фонемы **с** и **ш**, которые могут встречаться в конце слога внутри слова и очень ограниченно в исходе слова.

Сонантные могут встречаться в любой позиции слова, в начале и исходе слога. Исключением в этой группе являются **р** и **нг**; фонема **р** в собственно бурятских словах не употреб-

ляется в начале слова, а фонема **нг** употребляется только в исходе слога.

Употребление слабых согласных обусловлено позиционными факторами. Щелевые фонемы **з, ж, н**, палатализованные **б, г'** употребляются только в начале слога. Остальные слабые фонемы встречаются в любой позиции.

Таким образом, все согласные бурятского языка подразделяются на три фонематически противостоящие друг другу группы сильных, слабых и сонантных звуков.

Кроме противопоставления групп фонем сильных, слабых и сонантных, в бурятском языке, как и в других монгольских языках, выделяются три другие фонематически противостоящие группировки согласных, разделение которых определяется участием активных речевых органов в их образовании. В этом отношении четко намечаются:

1) группа губных фонем, которую условно можно назвать группой фонем первой артикуляции, куда относятся фонемы **п, п', б, б', м, м'**. Артикулируются они смыканием или сближением нижней и верхней губ. В основном фонемы первой артикуляции характеризуются смычностью, которая, однако, у слабых губных фонем не противопоставляется щелинности. Например, фонема **б** имеет смычные и щелевые оттенки. (Подробнее об этом см. стр. 67—71).

2) группа переднеязычно-среднеязычных фонем, иначе группа фонем второй артикуляции, при образовании которых активные речевые органы (передняя или средняя часть спинки языка) могут или смыкаться с пассивным органом (твердое небо), или сближаться, образуя щелевую преграду, или дрожать в струе проходящего воздуха, делая одну или несколько последовательных кратковременных преград типа смычки или щели. К этой группе согласных относятся фонемы: **т, т', с, ш, д, д', з, ж, н, н', р, р', л, л', й**.

Для фонем второй артикуляции фонетические признаки смычности, щелинности и вибрантности являются фонематически противопоставляемыми признаками, например, **д-з-р**: хада — хаза — хара, в переводе „гора“, „укуси“, „черный“.

Также фонематически противопологаются однофокусные двухфокусным, как **с-ш** и **з-ж**: аса „вилы“ — аша внук“ и залга „свяжи“ — жалга „долина“.

Кроме того, фонемы **л'** и **й** противопоставляются по признакам срединности и боковинности щелей, которые также являются фонематическими, например, алин (ал'ан) „который,“ аян (айан) „дальний путь“.

3) группа заднеязычно-увулярных фонем, иначе группа фонем третьей артикуляции. К этой группе относятся смычные и щелинные согласные **г, г', нг, х, х'**. Однако, для них смычность, щелинность и вибрантность не являются

фонематическими признаками, которые противопоставляли бы друг другу фонемы этой группы. Например, имеется сильная щелевая фонема *х*, но нет соответствующей ей сильной смычной фонемы, но фонема *х* в зависимости от сочетающихся с ней гласных употребляется в щелевом и вибрантном оттенках, имеется слабая фонема *г*, у которой смычность, щелинность и вибрантность являются оттенковыми признаками. (См. стр. 97—99).

Несколько особняком в отношении к этой четкой системе деления согласных фонем на три артикуляционные группы находится слабая щелевая фонема *н*, относящаяся по активному органу к разряду фарингальных согласных, которую также условно можно было бы отнести к четвертой артикуляционной. Эта обособленная, состоящая всего из одной фонемы, группа не свойственна другим современным монгольским языкам. Наличие фонемы *н* и характер ее соответствий в звуковой системе бурятского языка составляет одну из ее существенных особенностей по сравнению с звуковыми системами других монгольских языков.

Также важным фонематическим противопоставлением в системе согласных фонем бурятского языка, в такой же степени специфичным для его звуковой системы, как это специфично для звуковых систем русского и современного монгольского языков, является противопоставление почти всех согласных по признаку отсутствия или наличия дополнительной работы средней части языка и деление их соответственно этому на две группы: твердые — *п, б, м, т, д, н, с, з, ш, ж, р, л, х, г, нг, н* и мягкие — *п', б', м', т', д', н', р', л', х', г', й*.

В общей фонетике подобное подразделение различается терминами палатализованные и непалатализованные. Первые характеризуются дополнительным к их основной работе подъёмом средней части языка по направлению к твёрдому небу, обуславливающим акустический эффект, обычно называемый мягкостью. По сравнению с ними соответствующие непалатализованные фонемы определяются отрицательным признаком — отсутствием дополнительной работы средней части языка.

Однако название всей группы согласных фонем бурятского языка, противопоставляемой группе непалатализованных фонем, термином палатализованные не может отражать полностью и правильно содержание данного явления, потому что сюда относятся не только мягкие согласные с дополнительной работой средней части языка, но и согласные с основной среднеязычной артикуляцией. Дело в том, что в этой группе объединены все согласные звуки с четким акустическим качеством мягкости, которая обуславливается работой средней части языка независимо от того, является ли она дополнительной или основной; если дополнительная — тогда палатализованные в точном смысле *б', м', х'* и т. д., если основ-

ная — тогда мягкий среднеязычный й, среднеязычные оттенки мягких н' и т' и т. п. Поэтому более соответствующим термином будет термин мягкие¹, который закрепляется за всей группой согласных, фонематически противопоставляемой группе непалатализованных, названных в данной работе твердыми фонемами. С акустической точки зрения, как известно, мягкость (в том числе и палатализация) объясняется более высоким тембром в звучании согласных, т. е. более высокими обертонами, чем у твердых (непалатализованных) согласных.

В системе твердых и мягких фонем выделяются фонемы с, з, ш, ж. В современном бурятском языке фонемы ш и ж являются двухфокусными со вторым задним продвинутым вперед фокусом (что придает им некоторую смягченность, но не мягкость) и поэтому данные фонемы не противопоставляются фонемам с и з как их мягкие пары. Однако, можно предположить, учитывая системность твердых и мягких фонем в бурятском языке, что фонемы ш и ж развились из двухфокусных фонем *ш' и *ж' со вторым средним фокусом, о чем отчасти свидетельствует продвинутость вперед второй задней преграды фонем ш и ж и обусловленная этим некоторая смягченность. В предполагаемом исходном качестве эти фонемы, видимо, противопоставлялись фонемам с и з как их мягкие пары.

Издавна известное выделение носовых звуков в отдельную группу характерно также и для бурятского языка. Здесь носовые фонемы м, м', н, н', нг образуют особую фонематическую группу, противопоставляемую всем остальным неносовым, иначе говоря, ротовым согласным фонемам. Различение неносовых и носовых согласных определяется дополнительной работой мягкого неба; при поднятом мягком небе, преграждающем в этом положении доступ струи воздуха в носовую полость, образуются неносовые согласные, наоборот, при опущенном мягком небе и смычной преграде в полости рта струя воздуха проходит через носовую полость, образуя таким образом носовые согласные.

Кроме того, в бурятском языке встречаются так называемые п а л а т а л и з о в а н н ы е² согласные, которые артикулируются также при опущенном мягком небе, но при щелевой преграде в полости рта, когда воздушная струя проходит и через ротовой канал и через носовую полость. В бурятском языке его носителями они не различаются от соответствующих по арти-

¹ В данной работе различаются сходные по названию термины мягкий ряд, закрепленный за одним из сингармоничных рядов при сочетаемости звуков в одном слове, и смягченный (см. стр. 54), обозначающий один из оттенковых признаков твердых фонем.

² Проф. В. А. Богородицкий называет их „рто-носowymi“. См. В. А. Богородицкий. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, 1930, стр. 23.

куляции неносовых согласных и выступают с ними как оттенки одной неносовой фонемы¹. Эти назализованные оттенки встречаются в словах типа наян, наһан, наран и т. п. Кимограммы в подобных случаях показывают полную назализацию всего слова, т. е. линия N дает вибрацию на протяжении всего слова (см. рис. 14).

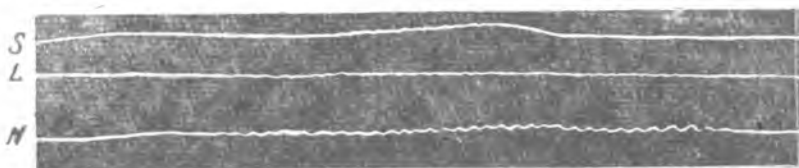

Рис. 14. Кимограмма слова наһан „возраст“.

Группа носовых фонем бурятского языка, представленная пятью согласными *м, м', н, н', нг* является смычными сонантами. В данном случае фонетические признаки назальности и смычности взаимно обуславливают друг друга, потому что признак назальности, четкий акустически, используется во всех языках в качестве фонетического признака, определяющего качество фонем, и этот важный акустический эффект возможен только при полной смычной преграде в полости рта, т. е. при одноканальном носовом проходе струи воздуха.

Все сказанное выше об основных фонематических группах согласных звуков, выделяемых по признакам: сила, слабость и сонантность, первая, вторая, третья и четвертая артикуляции, твердость и мягкость, ротовость и назальность, проиллюстрировано в таблице согласных фонем современного бурятского языка (стр. 52).

Фонетические признаки звуков, описанные выше, являются признаками, которые являются основным ядром всех оттенков данной фонемы, признаками, по которым отличаются фонемы друг от друга. Эти признаки в общей фонетике называются по-разному, называют их дифференциальными признаками, фонологическими, существенными, фонематическими. Наиболее удачным термином представляется термин фонематические признаки; он подчеркивает связь этих признаков с качеством фонемы, сохраняя при этом противопоставительное значение

¹ Таким образом, строго говоря, нужно выделить три фонетических признака, которые могут быть использованы и часто используются, в частности в тувинском языке, как фонематические признаки: назальность (при одноканальном носовом выходе струи воздуха), ротовость (при одноканальном ротовом выходе струи воздуха) и назализованность (при двухканальном выходе струи воздуха через полость рта и полость носа одновременно). Поэтому гласные, обычно называемые носовыми, более правильно называть назализованными.

Таблица согласных фонем современного бурятского языка

	1-я артикуляция		2-я артикуляция		3-я артикуляция		4-я артикуляция
	Твердые	Мягкие	Твердые	Мягкие	Твердые	Мягкие	твердые
Ртовые (Не носовые)	Сильные	п	п'	т	т'	х	х'
				с			
				ш			
Слабые	б	б'	д	д'	г	г'	н
			з				
			ж				
Сонантные			л	л'			
			р	й			
				р'			
Носовые	м	м'	н	н'	нг		

ние, свойственное терминам „фонологические“ и „дифференциальные“ признаки, коль скоро термин фонема предполагает противопоставление конкретных фонем друг другу. Поэтому в данной работе употребляется термин — фонематические признаки. Выше указывалось уже, что практически в языке можно выделить почти бесконечное количество оттенков, каждый из которых будет в том или ином отношении отличаться от другого. Однако частные фонетики, как правило, занимаются выделением и изучением не всех, а только обязательных оттенков фонем, являющихся конкретными формами существования этих фонем, обобщенных наличием ряда однородных, близких друг другу фонетических положений и изучением условий их обязательного употребления.

Сопоставление оттенков одной фонемы показывает, что в основе их различия лежат определенные фонетические признаки, которые называются оттенковыми признаками; иными словами, оттенки одной фонемы отличаются друг от друга оттенковыми признаками.

Таким образом, в задачи данной работы входит также описание обязательных оттенков фонем современного бурятского

языка. Это, в свою очередь, естественно предполагает систематическое описание оттенковых признаков. В современном бурятском языке к оттенковым признакам согласных звуков должны быть отнесены следующие фонетические признаки: огубленность и неогубленность, смягченность и несмягченность твердых фонем, глухость и звонкость слабых фонем, смычность и щелинность у слабых фонем первой и третьей артикуляции, переднеязычность и среднеязычность у мягких фонем второй артикуляции, назализованность у щелевых фонем. В этом порядке дается ниже описание оттенковых признаков.

Огубленность и неогубленность. Эти оттенковые признаки согласных фонем бурятского языка, как и во многих других языках, обусловлены сочетанием согласных с огубленными и неогубленными гласными. При образовании огубленных оттенков дополнительно к основной работе активного органа артикулируют губы. Они в большей или меньшей степени выпячиваются вперед с большим или меньшим мускульным напряжением в них и, в различной степени сближаясь друг с другом, образуют в форме более плоской или более круглой щели переднее отверстие ротового резонатора, несколько увеличивая этим его объём.

В огублении согласных, таким образом, можно различать четыре момента: 1) степень выпячивания губ вперед, 2) степень сближения губ между собой, 3) степень мускульного напряжения при этих работах и 4) форма отверстия между губами.

Первые три момента определяют собой степень огубления, а четвертый момент определяет характер огубления.

В бурятском языке степень выпячивания, сближения и мускульного напряжения губ, а также характер огубления, т. е. большая округленность или большая уплощенность, находятся в прямо пропорциональных отношениях между собой. Иначе говоря, при большем выпячивании наблюдается большее сближение и большее мускульное напряжение, соответственно сильная округленность.

Кроме того, огубленность характеризуется еще длительностью в зависимости от того, распространяется ли огубление на всю артикуляцию согласного (на все фазы) или только на часть артикуляции.

Неогубленные оттенки согласных фонем, в отличие от соответствующих огубленных оттенков, артикулируются без дополнительной работы губ.

В общей фонетике считается, что акустическим эффектом огубления является некоторое понижение основного тона согласного, обусловленное указанным выше увеличением резонирующей полости. Вместе с тем огубление вызывает и другой акустический эффект—некоторое ослабление силы звука; види-

мо, в этих случаях речь может идти не о фактическом ослаблении силы звука, т. е. не об ослаблении мускульного напряжения, а об ослаблении акустического эффекта примерно по принципу действия активного и интерференционного глушителя в технике.

Степень и характер огубленности согласных бурятского языка зависит от степени и характера огубленности сочетающихся с ними гласных. Позиция согласных по отношению к этим гласным также влияет на степень огубления: перед огубленными гласными согласные больше огублены, чем в позиции после огубленного гласного. При чем, в первом случае согласный огубляется на протяжении всех фаз артикуляции или в ее второй и третьей фазах; во втором случае, т. е. когда согласный стоит после огубленного гласного, огубление охватывает или только ее первую и вторую фазы артикуляции.

Выделенные выше три стороны огубления: степень, характер, длительность — даны несколько схематизированно, что естественно при абстрагировании отдельных сторон в явлениях; на самом же деле наблюдается целая гамма незаметных переходов согласных звуков по степени, характеру и длительности огубления. И тем не менее, можно установить определенные закономерные тенденции в сочетаемости этих трех сторон огубления согласных звуков в бурятском языке.

Пронаблюдаем это на щелевой фонеме х. Эта фонема перед дифтонгом үи в словах типа хүитэн „холод“, хүйр „моль“, хүйхэр „удалой“ огубляется очень сильно: губы сильно выпячиваются вперед, заметно напрягаясь при этом, образуют перед зубами переднюю границу резонирующей полости в виде сильно суженного круглого отверстия.

В позиции перед гласными үү и ү в словах хүүргэ „мост“, хүүгэн „дитя“, хүхэ „синий“, хүсэн „сила“ степень огубленности несколько ослабляется; перед өө хөө „уголь“, хөөрэлгэ „беседа“ переднее отверстие более широкое и несколько уплощенное, чем при предыдущих гласных.

Перед гласными уи, уу, у, оэ, оо, о в словах хуймагар „гладкий“, залхуу „ленивый“, хуһан „береза“, нохой „собака“, хооһон „пустой“, хонин „овца“ и т. д. фонема х получает еще более уплощенное огубление с меньшим выпячиванием губ вперед.

Выше перечисленные огубленные гласные фонемы по силе влияния на степень и характер сочетающихся с ними согласных можно расположить приблизительно в следующем порядке: үи—үү—ү—өө—уи—уу—у—оэ—оо—о.

Несмотря на то, что существует гамма различно огубленных согласных без заметных переходов между ними, можно приблизительно наметить два типа огубления согласных:

- 1) сильное круглое огубление,
- 2) слабое плоское огубление.

Первый тип огубления обусловлен сочетанием согласных с огубленными гласными мягкого ряда **үи, үү, ү, өө**; второй тип огубления обусловлен сочетанием согласных с огубленными гласными твердого ряда: **уи, уу, у, оэ, оо, о**.

Это схематизированное выделение двух типов огубления оправдывается тем, что оно в данном обобщенном приближении достаточно характеризует особенности огубления согласных в бурятском языке и поэтому может служить исходным теоретическим положением в методике преподавания русского и иностранного языков в бурятской национальной школе, а так же в обучении бурятскому языку.

Итак, огубленность и неогубленность, являясь оттенковыми признаками, свойственны всем согласным фонемам бурятского языка; степень и характер огубленности обусловлены степенью и характером огубленных гласных: гласные мягкого ряда в общем обуславливают сильную круглую огубленность, гласные твердого ряда — слабую плоскую огубленность.

Смягченность и несмягченность. Все твердые согласные фонемы бурятского языка в зависимости от употребления в словах мягкого или твердого рядов могут быть соответственно смягченными и несмягченными. Первые отличаются дополнительным подъемом средней части языка к твердому небу, вызванным сочетанием их с мягкорядными гласными, в артикуляции которых характерен некоторый подъем средней части спинки языка.

Эти смягченные оттенки твердых фонем не нужно смешивать с мягкими фонемами, а именно, с собственно палатализованными, которые произносятся так же, как и смягченные оттенки, при дополнительной работе средней части языка. Но палатализованные согласные в отличие от смягченных произносятся при значительно большем подъеме средней части языка, обеспечивающем образование более высоких обертонов¹, что дает уже новое качество.

Рентгенограммы и палатограммы артикуляции смягченных оттенков твердых фонем показывают различную по степени подъема средней части языка палатализацию. Здесь также, как и при огублении, наблюдается целая гамма незаметных переходов. На самом деле не существует точно определенных границ между различными степенями подъема средней части язы-

¹ Сильно палатализованные переднеязычные звуки т', д', н' акустически почти не отличаются от соответствующих по способу образования среднеязычных звуков, что обусловлено незначительными различиями в объемах ротовых резонаторов тех и других артикуляций. Видимо, этим обстоятельством можно объяснить, что в современном бурятском языке мягкие фонемы т', д', н' могут иметь оттенки переднеязычные палатализованные и среднеязычные. Это послужило одним из оснований выделить в фонематической системе современного бурятского языка вторую артикуляцию, объединяющую в себе переднеязычную и среднеязычную артикуляции.

ка; в данном случае можно говорить лишь об относительно большем или меньшем подъеме.

Эти различия в степени подъема у смягченных оттенков твердых согласных фонем находятся в прямой зависимости от артикуляций сочетающихся с ними гласных, которые также представляют собой гамму непрерывных переходов по степени подъема, „каждый из которых является по отношению к предыдущему и последующему более открытым или более закрытым“¹. Например, при сочетании с гласными *үү* твердая согласная фонема *т* в слове *түүхэ* „собирать“ проявляется в более смягченном оттенке, чем при сочетании ее с *ээ* в слове *тээхэ* „нагружать“; фонема *м* в словах мягкого ряда *тэмээн* „верблюды“ и *тиимэ* „такой“ проявляется в первом слове в оттенке менее смягченном, чем во втором слове, потому что в слове *тиимэ* перед *м* находится гласный высокого подъема *ии*, средняяязычная работа которого сохраняется в артикуляции следующего за ним *м*.

Хотя и существует у смягченных оттенков твердых фонем целая гамма непрерывных и вместе с тем различных по степени подъема средней части языка переходов, но эти переходы возможны только в определенных пределах. Дальнейшая палатализация за эти пределы дает звуку уже новое фонематическое качество. Таким образом, для звуковой системы бурятского языка можно говорить о зоне смягчения и о зоне мягкости в работе средней части языка при артикуляции согласных фонем. Это деление условно, но оно отражает действительную картину роли палатализации в качественной стороне согласных звуков современного бурятского языка.

Нужно подчеркнуть только, что смягченность согласных фонем в бурятском языке, как оттенковый их признак, обусловлена сочетанием согласных с другими звуками, а мягкость, как фонематический признак бурятских согласных, обязательно присуща им и не зависит уже от сочетаемости их с другими звуками. Правда, исторически мягкость (палатализация), как об этом пишет А. Д. Руднев, „явилась результатом следовавшего за согласными *і*“, а на данном состоянии бурятского языка „сохранился он (*і*) или выпал — согласный палатализован“².

В данной работе эти выводы сделаны на основании изучения значительного количества палатограмм и рентгенограмм. Рентгенограммы четко регистрируют профиль всей спинки языка (особенно при нанесении на нее бариевой смазки), что позволяет при сопоставлении разных рентгенограмм устано-

¹ М. И. Матусевич. Л. В. Щерба как фонетик. Сб. памяти акад. Л. В. Щербы, Л., 1951, стр. 75.

² А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. VII. Сноска 1.

вить относительную степень подъема средней части языка. Для примера возьмем рентгенограмму фонем первой артикуляции п и п' (рис. 15 и 16).

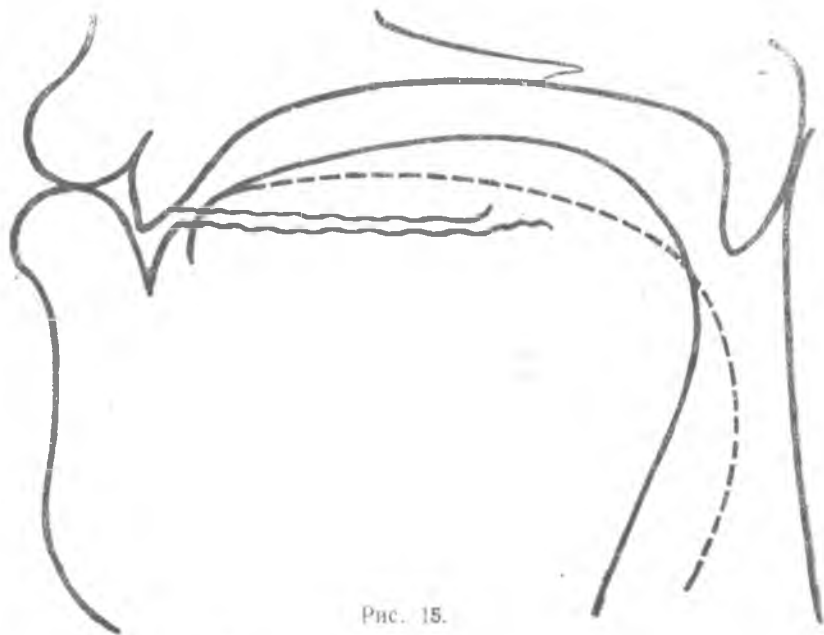

Рис. 15.

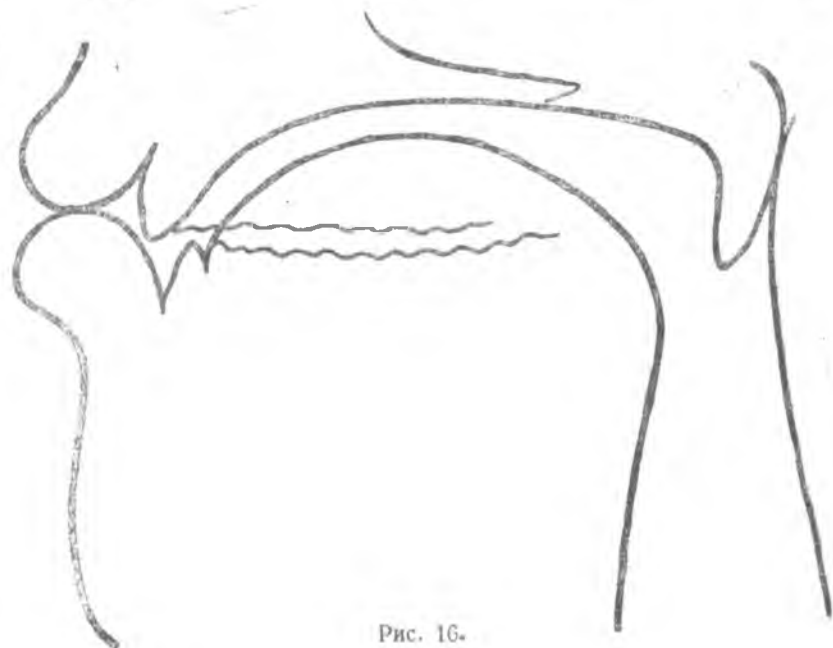

Рис. 16.

Рис. 16, показывающий профиль языка при артикуляции палатализованного *п'* отмечает сильный подъем средней части языка по сравнению с рис. 15, где зафиксированы профили языка при артикуляции смягченного оттенка твердой фонемы *п* (сплошная линия) и несмягченного оттенка этой фонемы (пунктир).

На искусственном небе получают различные по площади и форме отпечатки по бокам, соответствующие различным степеням подъема средней части языка. Например, рис. 17 дает палатограмму твердого несмягченного оттенка фонемы *н* в слове ном „книга“; на рис. 18 дана палатограмма смягченного оттенка фонемы *н* в слове нэрэ „имя“; рис. 19 — палатограмма переднеязычного палатализованного оттенка мягкой фонемы *н'* в слове нюур „лицо“. Первая палатограмма показывает меньшую площадь касания языка, чем вторая, а третья — еще больше; все это свидетельствует о различной степени подъема средней части языка при артикуляции вышеперечисленных разных „*н*“.

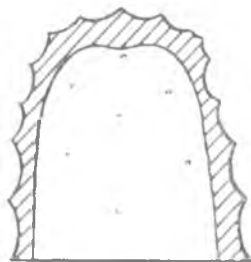

Рис. 17.

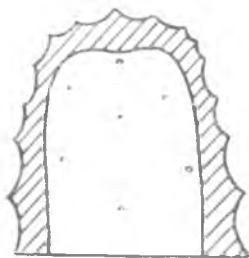

Рис. 18.

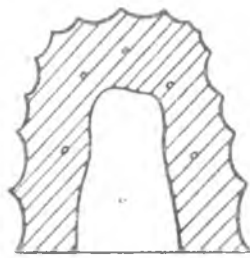

Рис. 19.

Акустическим следствием дополнительного подъема средней части языка по направлению к твердому небу и соответственного уменьшения ротового резонатора является повышение тембра звука, т. е. его обертонов. А различная степень повышения обертонов связана, таким образом, с различной степенью подъема средней части языка, следовательно, с различной степенью уменьшения ротового резонатора; при мягких фонемах происходит более сильное повышение обертонов, при соответствующих смягченных оттенках твердых фонем по сравнению с первыми — более слабое и т. д.

Выше указывалось, что противопоставление оттенковых признаков смягченности и несмягченности распространяется только на группу твердых фонем. Однако среднеязычная мягкая фонема *й* в зависимости от сочетания с гласными мягкого или твердого рядов также подвергается некоторым артикуляторным изменениям. А именно, в словах мягкого ряда она произносится при положении языка с немного продвинутой вперед

среднеязычной преградой, чем в словах твердого ряда. Это различие почти не дает никакого акустического эффекта, вероятно, потому, что объем резонирующей полости изменяется очень незначительно, даже меньше, чем изменение резонатора при переднеязычных и среднеязычных оттенках мягких фонем второй артикуляции. Поэтому признаки смягченности и несмягченности учтены только в группе твердых фонем, где они выражены более четко.

У твердых фонем третьей артикуляции зависимость от мягкого или твердого рядов слов определяет изменение в употреблении основных активных органов, а именно, в словах мягкого ряда употребляются заднеязычные оттенки, активным органом выступает задняя часть языка; в словах твердого ряда, как правило, употребляются увулярные оттенки, соответственно активным органом выступает мягкое небо с язычком. Например, бэхэ „чернила“ и баха „лягушка“; гэр „юрта“ и гар „рука“; үгэ „слово“ и буга „лось“; дэнг „свеча“ и ганг „трещина“.

Вместе с тем в бурятском языке встречаются заднеязычные оттенки фонем нг и г в словах твердого ряда: в непосредственном сочетании с мягкими согласными, в словах типа анги „класс“, или в опосредованном сочетании с мягкими согласными через редуцированные гласные в словах типа баялиг „богатый“, дорлиг „полоумный“ и т. д.

Таким образом, можно говорить о сингармонизме согласных звуков в бурятском языке не в фонематическом, а чисто фонетическом отношении, который будет означать следующее: смягченные оттенки твердых фонем употребляются только в словах мягкого ряда; несмягченные оттенки твердых фонем, как правило, только в словах твердого ряда; мягкие фонемы в этом отношении составляют как бы нейтральный ряд, встречаясь в словах того и другого рядов.

Глухость и звонкость. В современном бурятском языке эти признаки находятся в сложных взаимоотношениях с фонематическими признаками силы, слабости и сонантности.

Сильные согласные фонемы бывают только глухими. Это подтверждают кимограммы слов с сильными согласными, где линия L на отрезках этих звуков показывает полное отсутствие голосовых вибраций.

Группа сонантных согласных употребляется преимущественно в звонких оттенках. Лишь фонема р в определенных фонетических условиях теряет сонантный характер, оглушаясь или полностью, или частично; в исходе слова бывает частично глухим (см. рис. 13 кимограмму слова гар „рука“). В позиции перед глухими согласными внутри слова р оглушается полностью (см. рис. 13 кимограмму слова бэрхэ „трудный“). В слове гар видно, как отрезок р на кривой L регистрирует голосовые вибрации только на половину длины этих звуков,

а вторая половина отрезка, наоборот, регистрирует отсутствие вибрации, что в общем свидетельствует о частичном (конечном) оглушении; в слове бэрхэ весь отрезок звука р на кривой L вообще не дает голосовых вибраций, свидетельствуя о полной глухости этого звука.

Слабые согласные фонемы в основном своем составе относятся индифферентно к признакам глухости и звонкости, т. е. могут проявляться в глухих и звонких оттенках, не теряя при этом своего фонематического качества. Например, фонемы б, д, г в начале слога и в конце слога внутри слова перед звонкими согласными проявляются в звонких оттенках; наоборот, в исходе изолированного слова или в исходе слога внутри слова перед глухими согласными бывают только глухими.

Фонема д', не встречающаяся в исходе слова, употребляется в начале слога или в конце слога внутри слова перед звонкими согласными в звонком оттенке, а в конце слога внутри слова перед глухими согласными в глухом оттенке.

Фарингальная фонема һ в этом отношении ведет себя несколько иначе: бывает глухой в начале слова и звонкой в начале серединного слога, следующего в этих случаях всегда после гласного или сонанта предыдущего слога.

Вместе с тем, материалы кимографической записи бурятских слов и слуховая проверка показывают, что фонемы б, д, г даже в начальной позиции слова факультативно могут быть глухими. Например, линия L кимограммы гэр (рис. 20) констатирует звонкость только после взрыва, т. е. при переходе от артикуляции звука г к артикуляции гласного звука э, свидетельствуя, таким образом, о глухости начального согласного звука — глухого оттенка фонемы г.

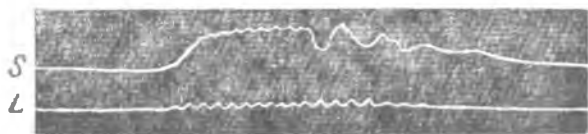

Рис. 20. Кимограмма слова гэр „юрта“.

Исходные в слове глухие оттенки вышеперечисленных фонем бурятского языка заменяются звонкими оттенками во всех случаях при прибавлении аффиксов, начинающихся со звонких согласных или гласных, а также на конце слова внутри синтагмы, если следующее слово в ней начинается звонким согласным или гласным. Причем эти глухие оттенки в исходе слова носителями бурятского языка не различаются от соответствующих им звонких оттенков, т. е. воспринимаются как один и тот же звук. Это совершенно правильно констатирует

А. Д. Руднев, говоря, что „большинство бурят в таких случаях настаивают (Курсив мой — И. Б.) на необходимости отмечать на конце слабый, а не сильный: они уверяют, что слышат его таким“, но сам А. Д. Руднев „настаивает“ на обратном¹.

Таким образом, фонетические признаки глухости и звонкости в современном бурятском языке не связаны с различием согласных фонем и являются оттенковыми признаками, в отличие от русского языка, где с ними связано различие согласных фонем и где они поэтому являются фонематическими признаками.

Замена звонких согласных „б“, „в“, „г“, „д“, „ж“, „з“ в конце слова и внутри слова перед глухими согласными соответствующими по артикуляции глухими согласными „п“, „ф“, „к“, „т“, „ш“, „с“ является в русском языке чередованиями фонем, тогда как в бурятском языке аналогичные этому выше описанные явления представляют оттенковые чередования.

В этой связи интересно отметить, что в русском языке при полном стиле произношения в сочетаниях слов типа „сад и лес“ (сат и лес) конечный „т“ в слове „сад“ (сат) по компетентному разъяснению Л. Р. Зиндера не становится звонким, точнее, не чередуется со звонким „д“. В бурятском языке в аналогичных случаях типа хараад ошоо „увидев ушел“ конечный глухой д в слове хараад становится звонким. Это также подтверждает то, что в первом случае мы имеем чередование разных фонем, а во втором случае чередование оттенков одной и той же фонемы.

Индифферентное отношение слабых фонем к глухости и звонкости в бурятском языке давно привлекало внимание исследователей — бурятоведов.

Уже А. Кастрен отметил это явление, но фактически он квалифицировал его как чередование глухих и звонких фонем, перенеся, таким образом, на фонетическую систему бурятского языка явления из фонетических систем других известных ему языков.

А. Д. Руднев, как и Кастрен, делит согласные на три группы — сильные, слабые и сонантные. В этом он мало расходится с Кастреном. Под сильными понимает кастреновские твердые, т. е. все глухие согласные звуки; под слабыми — кастреновские мягкие, т. е. все звонкие, кроме сонантов, по Кастрену средних (mittlere), которые он выделяет под рубрикой „плавные“.

Противопоставляя глухость и звонкость в бурятском языке фонематически, А. Д. Руднев не считался с тем, как воспринимают это явление сами носители языка. Он пишет: „Большинство бурят в таких случаях настаивают на необходимости отмечать на конце слабый, а не сильный; они уве-

¹ А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. XIV.

ряют, что слышат его таким. Это конечно не так: тут тогда играет роль русская орфография (год, а не гот) и прирожденное этимологизирование и теоретизирование¹.

Вероятно, этому утверждению его содействовали, во-первых, некоторая связанность оттенковых признаков глухости и звонкости с фонематическими признаками силы, слабости и сонантности, и, во-вторых, невольный перенос особенностей русской фонетической системы, где признаки глухости и звонкости фонематически противопоставляются и являются основаниями различия согласных фонем.

Г. Д. Санжеев рассматривает этот вопрос иначе. Он констатирует оттенковый характер глухости и звонкости выше указанных слабых фонем бурятского языка, но классифицирует их не совсем точно, разделяя все согласные фонемы на группы глухих и звонких². Это общее деление затушевывает до некоторой степени правильное положение об оттенковом характере признаков глухости и звонкости у слабых фонем бурятского языка.

В современных школьных грамматиках деление согласных на глухие и звонкие проведено до конца, фактически совпадая с делением Руднева, но, исходя, видимо, из морфологического принципа орфографии, здесь неверно понятого, авторы грамматик дают правило о написании звонких согласных букв в исходе слов. Это последнее случайно оказалось правильным, так как слабые согласные обозначаются „звонкими“ буквами независимо от того в глухом или звонком оттенке проявляется эта слабая фонема.

Смычность и щелинность. Исследователи бурятского языка А. Д. Руднев³, Г. Д. Санжеев⁴ и др. отмечали, что фонемы **б**, **б'**, **г** в бурятском языке в зависимости от различных фонетических условий могут употребляться в смычных и щелевых оттенках.

Эти наблюдения монголистов — бурятоведов подтверждаются экспериментальным исследованием. В частности, явление смычности или щелинности, а также вибрантности согласных четко регистрируется на кимограммах. Например, в начале и исходе слов или внутри слова в конце слога и в начале слога после согласных, кроме **р** и **л**, употребляется смычный оттенок; в словах как *баха* „лягушка“, *эб* „согласованность“, *Дамба* (собственное имя).

См. рис. 21 — кимограмму слова *бабана*: кривая **S** на отрезке **б** регистрирует полное отсутствие выхода воздуха, что

¹ А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. XIV.

² Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л., 1941, стр. 16—19.

³ А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. VIII—IX.

⁴ Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л., 1941, стр. 16.

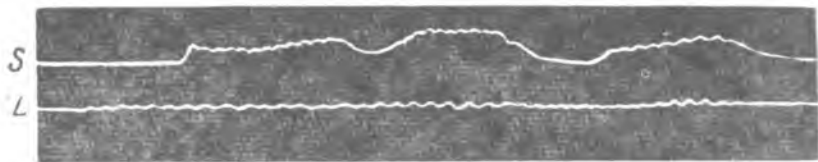

Рис. 21. Кимограмма слова бабана „козел“.

изображается ровной линией на самом низком уровне (нулевой линией), являющейся следствием полной преграды (смычки) на пути воздушной струи; подъем кривой S отражает раскрытие смычки — начало следующего за б гласного а. Начало щелевого согласного б изображается на кривой S также некоторым опусканием вниз, но в отличие от смычного это падение не доходит до нулевой линии, что свидетельствует о постоянном выходе воздушной струи через рот; конец согласного можно определить не подъемом и падением, а по типу вибрации. Начало следующего за б гласного показывает мелкие ритмические вибрации на линии S.

Щелевые оттенки встречаются внутри слова в интервокальном положении или после р и л, в словах типа аба „отец“, бабана „козел“, арбан „десять“, үгэ „слово“, абьян „звук“ и т. д. В аналогичных позициях в словах твердого ряда фонема г употребляется в увулярном дрожащем оттенке.

См. рис 22 — кимограмму слова бага: отрезок г на кривой S отображает аритмичные крупные вибрации маленького язычка в струе проходящего воздуха при фонации.

Рис. 22. Кимограмма слова бага „дтя“.

Таким образом, фонетические признаки смычности и щелинности у слабых фонем губной и заднеязычно-увулярной артикуляции, а также и вибрантности у последних являются оттенковыми признаками, т. е. не могут служить основаниями различения согласных фонем. У сильных и сонантных фонем этих артикуляций смычность и щелинность уже составляют обязательные признаки их фонематического качества, но они при этом не противопоставляются, т. е. смычность в этих случаях не противопоставляется щелинности, а щелинность — смычности.

Наоборот, во второй артикуляции фонетические признаки смычности, щелинности, а также вибрантности являются фонематическими различителями согласных фонем, например, т, с или д, з, р.

Такое своеобразное употребление одних и тех же фонетических признаков то в роли фонематических — альтернативных, то в роли фонематических — неальтернативных, то в роли оттенковых признаков, видимо, можно объяснить тем, что слабая артикуляция губных и заднеязычных увулярных слабых фонем не дает достаточно заметного мускульного ощущения слабой смычки и слабой узкой щели, следовательно, достаточного различия в их акустических эффектах.

Переднеязычность и среднеязычность. Как уже указывалось выше, мягкие фонемы второй артикуляции т', д', н' в зависимости от того, в каких фонетических условиях они встречаются, могут быть переднеязычными и среднеязычными. Это подтверждают палатограммы данных звуков. Ср. рис. 36, показывающий палатограмму переднеязычного т' и рис. 37, показывающий палатограмму среднеязычного т'. Но эти артикуляционные отличия носителями бурятского языка не различаются и употребляются в языке безразлично. Такое безразличное употребление этих звуков вызвано, очевидно, тем, что переднеязычные палатализованные и среднеязычные звуки очень близки по своим артикуляциям и по своим акустическим эффектам (подробно об этом было сказано выше. См. стр. 55).

Итак, фонетические признаки переднеязычности и среднеязычности мягких фонем второй артикуляции являются оттенковыми признаками, не влияющими существенно на качество этих мягких фонем. По артикуляционным особенностям своего образования мягкие фонемы первой и третьей артикуляции могут проявляться только в палатализованных оттенках.

Назализованность¹. Щелевые согласные фонемы бурятского языка могут легко назализоваться. Это происходит в позиции их непосредственной близости к носовым фонемам, когда они находятся рядом с носовыми или отделяются от них лишь одним гласным, например, в словах типа наян (наян) „восемьдесят“, наһан „возраст“, үмхи „гнилой“ и т. д.

На кимограммах линия N на отрезке соответствующих звуков регистрирует вибрации, свидетельствующие о выходе воздушной струи через носовую полость. (См. рис. 14, стр. 51 кимограмму слова наһан „возраст“).

Сравнительная легкость назализации щелевых согласных фонем, а также, как это будет показано ниже, гласных фонем в бурятском языке, объясняется особенностью его артикуляционной базы, для которой характерно относительно слабое мускульное напряжение полости рта, в том числе и мускулов мягкого неба. При расслабленных мускулах небная занавеска опускается, как при дыхании, и после носовых согласных под-

¹ Оттенковый признак назализованности следует отличать от фонематического признака назальности. (Подробно об этом см. на стр. 49—50).

нимается не сразу, что при артикуляции щелевых звуков в непосредственной близости от них определяет их назализацию, так как струя воздуха имеет тогда двухканальный выход через полость рта в основном, через полость носа дополнительно. На эту деталь артикуляции бурятских звуков следует обратить внимание при постановке правильного русского произношения в бурятских национальных школах, так как для русского языка характерна меньшая степень назализации, чем для бурятского.

2. Описание согласных фонем бурятского языка

Описание согласных фонем дается в порядке артикуляций активных органов: согласные первой артикуляции, второй, третьей и четвертой. Внутри каждой группы звуки описываются отдельно по способу их образования в обычном порядке (смычные — щелевые — дрожащие) с последующим делением внутри на сильные, слабые, сонантные и твердые, мягкие. Такой порядок описания более нагляден и обеспечивает большую системность в изложении материала.

Обычно в частных фонетиках принято давать описание, располагая согласные фонемы по способу их образования (смычные, аффрикаты, щелевые, дрожащие). Этот порядок не соответствует фонемному составу бурятского языка, так как смычные и щелевые звуки в первой и третьей артикуляциях могут быть оттенками одной и той же фонемы.

При описании самих отдельных фонем сначала дается обобщенное определение фонемы — перечень ее фонематических признаков, затем способ образования, более или менее общий для всех оттенков; после этого выявляются особенности каждого конкретного оттенка с привлечением экспериментальных данных, полученных пневматическим, палатографическим и рентгенографическим методами.

А. Согласные фонемы первой артикуляции (губные)

Фонема п — губно-губной смычный сильный твердый глухой звук.

При образовании этого звука нижняя губа плотно смыкается с верхней губой и энергично отходит при сильном напряжении ртовых мышц; это обуславливает большую силу и относительно долгую выдержку при ее артикуляции. Измерения углов подъема кривой S, отражающего раскрытие смычки, показывает в среднем около 108—110°; длительность выдерж-

ки в среднем колеблется в 10—12 сигмах. От большей силы и выдержки зависит, в свою очередь, значительная воздушность п. Сравните кимограмму слова пааяха „пыхтеть“ (рис. 23) с кимограммой слова бааяха „клубиться (о дыме)“ (рис. 24), записанных на одном обороте кимографа с максимальным соблюдением одинаковых условий эксперимента.

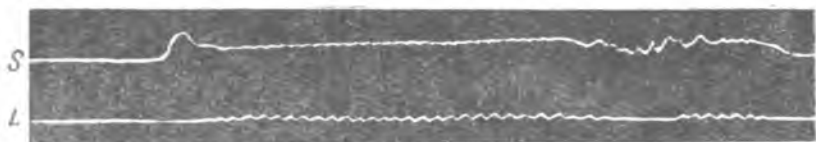

Рис. 23. Кимограмма слова пааяха „пыхтеть“.

Рис. 24. Кимограмма слова бааяха „клубиться (о дыме)“.

Сопоставление степени отклонения начальных звуков п и б показывает значительно большую воздушность первого по сравнению со вторым. Третья фаза бурятского п (всегда взрывная) иногда сопровождается придыханием. Однако, материалы кимограммы бурятских слов со звуком п показывают, что аспирация не является обязательным признаком фонемы п; в одинаковых фонетических условиях в одних случаях п артикулируется с придыханием, а в других случаях — без придыхания. Причем это не связано с индивидуальными артикуляционными особенностями, так как один и тот же человек может дать аспирированный и неаспирированный п.

В общем аспирация в бурятском языке носит факультативный характер, никакой фонематической значимости не имеет, и третья фаза бурятского п в основном представляет собой чистый сильный взрыв без дополнительного придыхания.

Фонема п имеет весьма ограниченное употребление в бурятском языке; встречается только в начальной позиции слова, преимущественно в начале слова.

В начале односложных звукоподражательных слов типа пас, пус, пос, пул или перед долгими гласными в словах как пааданха „падалица“, папайха „быть лохматым“, пүүд „пуд“ и т. д. фонема **п** произносится при более сильном напряжении артикулирующих органов и при более сильной воздушной струе, следовательно, с более сильным взрывом, чем в других позициях. Видимо, это можно объяснить тем, что долгие гласные и вообще любые гласные в первом слоге, особенно в односложных словах, артикулируются при относительно большем мускульном напряжении стенок резонаторов, к чему речевой аппарат готовится уже при артикуляции предыдущего согласного.

В словах мягкого ряда перед гласными **э, ү, үү** употребляются смягченные оттенки фонемы **п**; рентгено снимок смягченного оттенка (рис. 15) регистрирует профиль языка с несколько приподнятой его средней частью по сравнению с положением языка при артикуляции несмягченного оттенка, изображенного пунктиром на рис. 16.

Фонема **п** перед огубленными гласными **о, у, ү, үү** проявляется в огубленных оттенках; при этом произносится с большим выпячиванием губ в позиции перед **үү** и **ү**, чем перед **у** и **о**. Это не трудно установить простым наблюдением.

Таким образом, можно выделить следующие обязательные оттенки, т. е. конкретные звуковые выражения, в каких существует фонема **п** в бурятском языке:

1. Твердый неогубленный **п** — в словах твердого ряда перед неогубленными гласными **а, аа, аэ**, например, пампагар „пушистый“, пампаэха „быть пушистым“, паар „пары“.

2. Твердый огубленный (с относительно слабым огублением) **п** — в словах твердого ряда перед огубленными гласными **у, о**, например, пулаад „платок“, поршоонхо „поросенок“, поршогонохо „хрюкать“.

3. Смягченный неогубленный **п** — в словах мягкого ряда перед **э**, например, пэдьхэгэр „плотный, толстый“, пэглэгэр „косматый“.

4. Смягченный огубленный (с относительно сильным огублением) **п** — в словах мягкого ряда перед гласными **ү, үү**, например, пүсыхэ „разбухать, вздуться“, пүүехэ „шуметь“.

Некоторые исс. едователи бурятского языка считают, что звук **п** в бурятском языке как самостоятельная фонема употребляется только в заимствованных словах. Однако сравнение слов бааяха „клубиться (о дыме)“ и пааяха „пыхтегь“, буршаганаха „хмуриться, морщиться“ и пуршаганаха „шумно кипеть, клокотать“, не говоря уже о давно заимствованных из русского языка словах, вошедших в основной словарный фонд бурятского языка, как пулаад „платок“, пүүд „пуд“ и т. д. показывает, что сильный смычный эксплозивный **п** является самостоятельной фонемой в современном бурятском

языке, встречающиеся не только в заимствованных, но и в собственно бурятских словах.

В последнее время в бурятском языке четко наметилась тенденция к более частому употреблению фонемы **п** в связи с поступлением в словарный состав бурятского языка большого количества слов с фонемой **п** из русского языка; причем, если в собственно бурятских по происхождению словах употребление фонемы **п** в основном ограничивалось образными и звукоподражательными словами, то в связи с заимствованиями слов типа почта, паровоз, пароход, плуг и т. п. это ограничение снимается.

Фонема **п'** — губно-губной смычный сильный мягкий глухой звук.

Артикулируется аналогично твердому **п** сильной смычкой губ, но, как это ясно показывает рентгенограмма, со значительным дополнительным подъемом средней части языка по направлению к твердому небу. (Ср. рентгенограммы этих звуков рис. 15 и 16). Губы при этом несколько растягиваются в стороны.

Акустическим следствием сильного уменьшения объема ротового резонатора, вызванного подъемом средней части языка, является хорошо ощутимая на слух „мягкость“ (т. е. шум с более высокими собственными тонами, чем у соответствующего твердого **п**).

Подобно твердому **п** мягкая фонема **п'** бывает более сильной перед долгими гласными и в односложных словах; иногда в этом положении факультативно встречаются придыхательные оттенки.

Употребляется фонема **п'** очень редко, исключительно в начальной позиции слова, например: пилхагар „расплывшийся“, пинтагар „коротыш“, пезшэн „печь“, пяс (звукоподражательное слово) и т. д.

А. Д. Руднев рассматривал звук **п'** как „комбинаторный вариант“ мягкого **б'**¹. Однако при этом он упускал отмеченное выше фонематическое употребление **п'** в исконно бурятских образных и звукоподражательных словах. И тем более сейчас в связи с заимствованием большого количества слов из русского и через русский язык, как пионер, пенал, педучилище, пенсия, письмо и т. д., наличие самостоятельной фонемы **п'** в бурятском языке не подлежит сомнению.

Фонема **б** — губно-губной слабый твердый звук.

Артикулируется смычной или щелевой преградой между губами при слабом напряжении мышц окружности рта. Следовательно, фонема **б** в бурятском языке может проявляться в смычных и щелевых оттенках.

¹ А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. VIII.

Смычный или щелевой характер греглады легко устанавливается непосредственным визуальным наблюдением или более объективно на кимограммах (см. ниже).

Относительную слабость фонемы **б** можно обнаружить сопоставлением кимограммы смычного взрывного оттенка **б** с кимограммой сильной фонемы **п**: подъем кривой **S** кимограммы смычных взрывных оттенков фонемы **б** регистрирует более пологое отклонение, чем при записи сильной фонемы **п** (ср. рис. 23 и 24); измерение углов записей **б** в среднем дает $118-120^\circ$, среднее **п** — около $108-110^\circ$. Но более убедительным подтверждением слабости фонемы **б** является сам факт ее смычного и щелевого оттенкового проявления. Такое явление возможно только при слабом мускульном напряжении; в частности, в интервокальном положении. Именно благодаря слабому мускульному напряжению не успевает образоваться смычка, и поэтому фонема **б** в данном фонетическом положении и после сонанта **р** произносится всегда с щелевой преградой.

Смычные оттенки употребляются: в начале слова, в исходе слова, внутри слова в конце слога и в начале слога после согласных, кроме сонанта **р**.

Линия **S** кимограммы на отрезках смычных оттенков оставляет прямую черту по нулевой линии без вибрации, показывая этим полное прекращение потока воздуха через ртовый канал. При этом смычные оттенки в начале слога и в конце слога перед щелевыми согласными бывают эксплозивными (см. рис. 25 и 26), а в конце слога внутри слова перед смычными согласными — импловзивными (см. рис. 28).

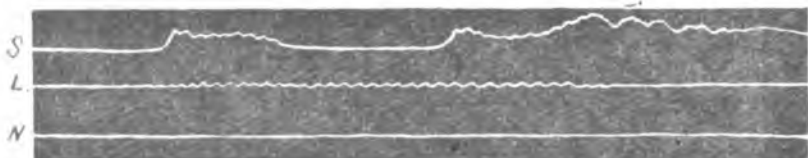

Рис. 25. Кимограмма слова бамбагар 'пушистый'.

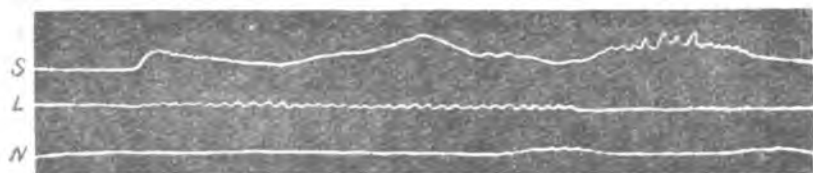

Рис. 26. Кимограмма слова дабжаганаха 'болтать (пер.)'.

В абсолютном исходе слова линия S регистрирует очень слабый взрыв, иногда даже совсем не дает размыкания (рис. 27).

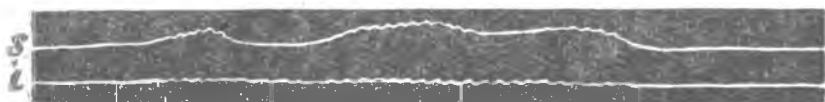

Рис. 27. Кимограмма слова абааб „я взял“.

В интервокальном положении и после р, как указывалось выше, фонема б проявляется в щелевых оттенках; на отрезках б в данном фонетическом положении кривая S кимограммы фиксирует слабые голосовые колебания (см. на рис. 27 отрезок первого б). На это явление обратил внимание А. Д. Руднев, однако недостаточно точно определил его как „билабиальный слабый смычный с постепенным разжатием, а не со взрывом, кроме начала слов, где — б взрывной“¹, тогда как на самом деле речь идет не об аффрикате, а о щелевом б.

Фонема б в исходе изолированного слова и в исходе слога внутри слова перед глухими согласными произносится глухо. См. кимограммы слов хабтагар „плоский“ (рис. 28) и хэб „модель, образец“ (рис. 29).

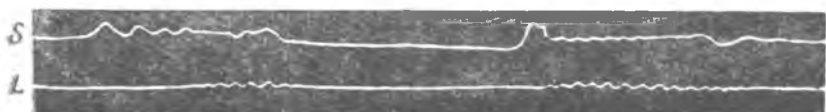

Рис. 28. Кимограмма слова хабтагар „плоский“.

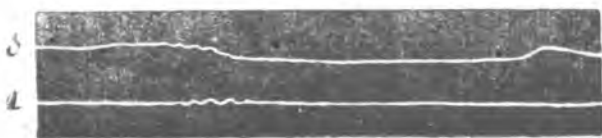

Рис. 29. Кимограмма слова хэб „модель, образец“.

На отрезках б гортанная кривая L регистрирует отсутствие работы голосовых связок.

Как и сильный согласный п, фонема б в словах мягкого ряда слегка палатализуется.

¹ А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. VIII.

При сочетании с огубленными гласными фонема **б** произносится с дополнительной лабиализацией.

Примеры: баатар „богатырь, герой“, бамбагар „пушистый“, бухал „копна“, хабар „весна“, бэрхэ „трудный, тяжелый“, эбэр „рога“, хабхаг „крышка“, харааб „я увидел“, үгөөб „я отдал“.

Фонема **б'** — губно-губной слабый мягкий звук.

Аналогично твердому **б**, фонема **б'** артикулируется слабой смычкой или щелью, образованной между нижней и верхней губами, отличаясь от него значительным дополнительным подъемом средней части языка к твердому небу. Как и при артикуляции мягкой фонемы **п'**, губы при **б'** несколько растянуты в стороны.

Подобно твердому **б** в интервокальном положении и после **р** фонема **б'** имеет щелевое проявление (см. рис. 30).

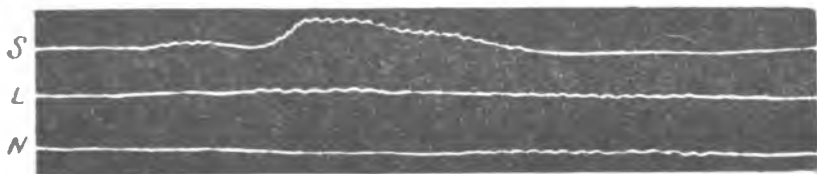

Рис. 30. Кимограмма слова абяан „звук“.

Фонема **б'** в бурятском языке по сравнению с твердой фонемой **б** встречается значительно реже и большей частью перед гласными высокого подъема **ии** и **и** исключительно в начальной позиции слога: причем, смычный оттенок **б'** употребляется только в начале слова, щелевой оттенок **б'** — внутри слова. Например, бии „есть“, бисалха „раздавить“, бира (усилительная частица), арбин „жир“, иибии „мать“, табин „пятьдесят“ и т. п.

А. Д. Руднев относительно щелевого характера фонем **б** и **б'** писал, что „между гласными и после **р** иногда может быть было бы правильное поставить **w**“, но он настаивал, что, несмотря на это, в „транскрипции лучше писать **б**, а не **в**¹, тем самым показывая их оттенковый характер.

Г. Д. Санжеев тоже отмечал употребление **w** в данных условиях². Однако знак **w** не может быть применим для обозначения щелевого оттенка бурятских **б** и **б'**, потому что в общей фонетической транскрипции этим знаком обозначаются

¹ А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. VIII—IX.

² Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка. М., 1941, стр. 16.

губные круглощелевые звуки, а бурятские б и б' в основном являются плоскощелевыми.

Фонема м — губно-губной смычный твердый носовой сонант.

Образуется смыканием губ при одновременном опускании небной занавески, что обуславливает одноканальный выход воздушной струи через полость носа. Губы при этом напрягаются очень слабо даже по сравнению со слабым б.

На кимограммах носовых звуков вообще, в частности губного м, видно, что раскрытие смычки дает очень слабый взрыв; на линии S сразу после м, т. е. сразу после раскрытия смычки, начинаются голосовые вибрации последующего гласного непосредственно без резкого отклонения (см. рис. 31)

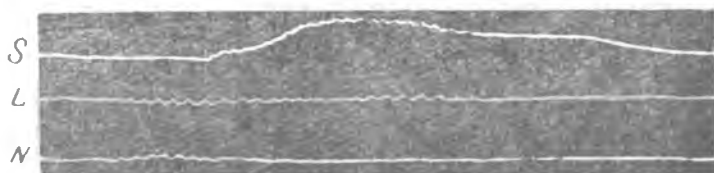

Рис. 31. Кимограмма слова мал „скот“.

Фонема м является одним из самых употребительных звуков в бурятском языке и встречается в любой позиции слова. В словах твердого ряда, согласно общей закономерности, употребляются несмягченные оттенки, например, мал „скот“, хадам „свекор, тесть“, хамта „вместе“.

В словах мягкого ряда соответственно употребляются смягченные оттенки, например, мэхэ „обман“, хэм „мера“, үмдэн „брюки“.

И в зависимости от сочетания с огубленными и неогубленными гласными фонема м проявляется в огубленных и неогубленных оттенках.

Таким образом, можно выделить следующие обязательные оттенки фонемы м:

1) несмягченный неогубленный оттенок, 2) несмягченный огубленный оттенок, 3) смягченный неогубленный оттенок, 4) смягченный огубленный оттенок.

Фонема м' — губно-губной смычный мягкий носовой сонант.

Как все мягкие фонемы, фонема м' отличается от соответствующей твердой пары мягкостью — дополнительным подъёмом средней части языка к твердому небу.

Фонема м' употребляется исключительно в начальной позиции слога: мяхан „мясо“, амин „дыхание“, миисгэй „кошка“, миин „просто, обыкновенно“.

Б. Согласные фонемы второй артикуляции (переднеязычно-среднеязычные)

Фонема т—переднеязычный апикальный смычный сильный твердый глухой звук.

Артикулируется смычной преградой, образованной между кончиком языка и альвеолами при сильном мускульном напряжении в теле языка.

Палатограмма т показывает, что язык касается твердого неба, охватывая его края своими боковыми частями и передней частью, причем спереди площадь смыкания доходит примерно до линии первых малых коренных зубов (см. рис. 32).

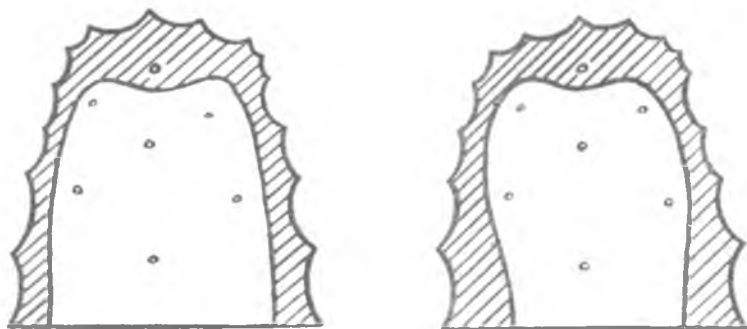

Рис. 32. Палатограммы 1) несмягченного т и 2) смягченного т.

Сильное напряжение активного органа несколько задерживает вторую фазу артикуляции, обуславливая этим большую силу и большую воздушность т.

Аналогично губному п фонема т факультативно имеет придыхательные оттенки. Но в основном третья фаза артикуляции бурятского т характеризуется сильным неаффрицированным взрывом без дополнительной аспирации. См. кимограмму т в слове таха „подкова“ (рис. 33).

Фонема т употребляется исключительно в начальной позиции слога и в зависимости от комбинаторных изменений встречается в четырех обязательных оттенках:

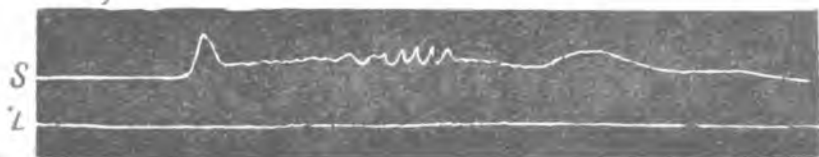

Рис. 33. Кимограмма слова таха „подкова“.

1. Твердый неогубленный оттенок употребляется перед неогубленными гласными **а, аа, аэ**: тарган „жирный“, тааха „гадать“, таэбан „мир, мирный“.

2. Твёрдый огубленный оттенок — перед огубленными гласными **у, уу, о, оо** и дифтонгами **оэ, уи**: тоһон „масло“, хатуу „твердый“, турлааг „ворона“.

3. Смягченный неогубленный оттенок — перед неогубленными гласными **э, ээ**: тэхэ „козел“, тээрмэ „мельница“, хэтэ „огниво“.

4. Смягченный огубленный оттенок — перед огубленными гласными **ү, үү, өө** и дифтонгом **үй**: түмэр „железо“, бүтүү „закрытый, глухой“, түимэр „лесной пожар“.

Образование смягченных оттенков связано, как указывалось выше, с небольшим подъемом средней части языка и обусловленным этим уменьшением ротового резонатора. См. рис. 34, где сплошной линией показан профиль языка при артикуляции смягченного оттенка **т**, а пунктиром — несмягченного **т**.

Рис. 34.

Следствием этого является увеличение площади смыкания языка с небом примерно на уровне больших коренных зубов, что четко фиксирует палатограмма (см. рис. 32).

Средние результаты измерений углов отклонения кривой S при взрыве почти не отличаются от средних данных губного п (см. стр. 65) и существенных различий в этом отношении между оттенками нет. Правда, можно говорить о более сильных оттенках в начале слова или перед долгими гласными, как это было отмечено выше при описании фонемы п, но это различие настолько незначительное, что может быть воспринято с трудом лишь хорошо натренированным слухом. Данные измерения углов т в различных позициях перекрещиваются и средние результаты определенных различий не дают.

Фонема т' — переднеязычно-среднеязычный смычный сильный мягкий глухой звук.

Субъективно-слуховые и экспериментальные наблюдения над артикуляцией бурятского т' показывают, что здесь речь может идти по крайней мере о двух оттенках. Из них первый оттенок является переднеязычным палатализованным; артикулируется плотной смычкой, образованной между передней частью спинки языка и передней частью твердого неба при сильном подъеме средней части языка по направлению к твердому небу (см. рис. 35).

Второй оттенок является среднеязычным; артикулируется смычкой средней части языка с передней и средней частями твердого неба; причем в данном случае язык иногда не ка-

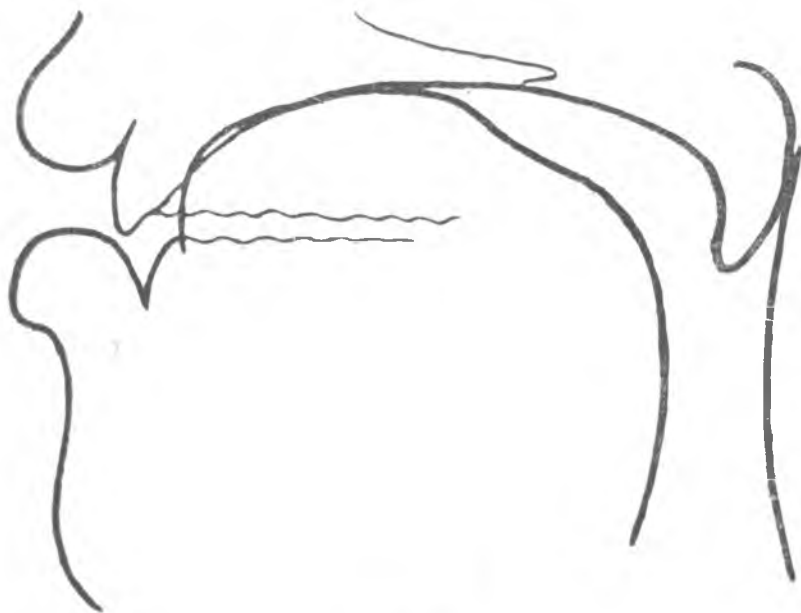

Рис. 35.

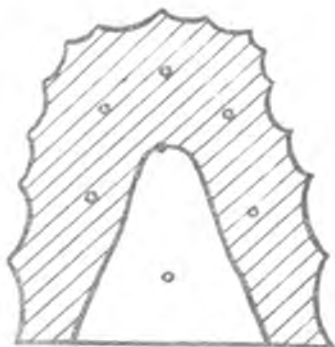

Рис. 36. Палатограмма переднеязычного т'.

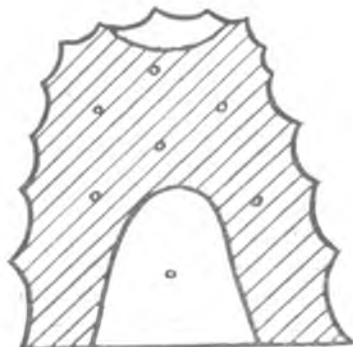

Рис. 37. Палатограмма среднеязычного т'.

сается передней части альвеол, и кончик его упирается в нижние резцы (см. палатограмму т' на рис. 37.).

Как видно из палатограммы, переднеязычный оттенок является сильно палатализованным (ср. с палатограммой твердого т рис. 32, стр. 73), среднеязычный — сильно продвинутым вперед. На слух они почти не различаются, видимо, потому, что их резонаторы по своему объему очень близки друг другу.

Переднеязычный оттенок употребляется в начале слова перед гласными переднего ряда, главным образом, перед долгим ии. Например, тиймэ „такой“, тииргэн „вытопанное поле“, этигэл (эт'эгэл) „доверие“. Перед кратким и звук т' обнаружен лишь в одном заимствованном из старописьменного монгольского языка слове титим „корона, венец“, греческого происхождения.

Среднеязычный оттенок употребляется в середине слова в начале слога перед гласными о, у. Например: хотигор (хот'огор) „кривой“, хотирхо (хот'орхо) „кривляться (пер.)“.

Несмотря на то, что т' произносится при сильном мускульном напряжении языка, третья фаза его артикуляции не имеет характерной для сильных смычных энергичной размычки. Кривая S на кимограммах во время размыкания показывает вместо резкого скачка, характерного, допустим, твердому т, несколько закругленный угол подъема (см. рис. 38).

Рис. 38. Кимограмма слова тийхэ „так делать“.

Это свидетельствует о небольшой аффрицированности бурятского т'. Но аффрицированность т' и ниже описанной фонемы д' очень слаба и резко отличается от полной аффрикации, которую мы имеем в современном монгольском языке, где аффрикаты представлены в большом количестве: ч, ц, дз, дж и т. д.

Фонема д — переднеязычный смычный слабый твердый звук.

Артикулируется аналогично фонеме т смычкой кончика языка и альвеол, но в отличие от нее при значительно слабом мускульном напряжении языка. Так же как и т, в зависимости от сочетания с гласными твердого или мягкого рядов, фонема д может проявляться соответственно в твердых и смягченных оттенках.

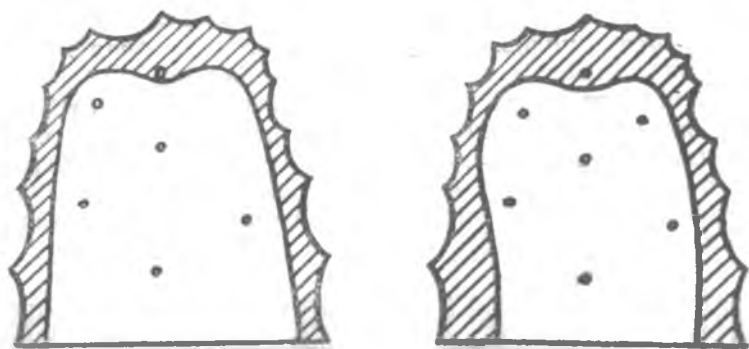

Рис. 39. Палатограммы 1) несмягченного д и 2) смягченного д.

Палатограммы соответствующих оттенков фонем т и д приблизительно одинаковы (ср. рис. 32 1) и 2) на стр. 73 и рис. 39 1) и 2) на стр. 77). Места касания показывают, что язык своими боковыми частями упирается в твердое небо с боков и спереди, образуя, таким образом, полную смычку, т. е. полностью закрывая выход воздушной струе через ртовый канал. Полосы прижатия при т и д у испытуемого Ш почти одинаковы, а у испытуемого Б при т несколько шире, чем при д; это свидетельствует, что при т язык прижимается к небу сильнее, чем при д.

Некоторое расширение полосы касания на палатограмме смягченного оттенка д (рис. 39—2) на уровне первых и вторых больших коренных зубов говорит о дополнительном подъеме средней части языка.

Фонетические изменения фонемы д в потоке речи аналогичны проявлениям смычных оттенков фонемы б (см. стр. 68—70). В начале слога употребляется эксплозивный оттенок (см. рис.

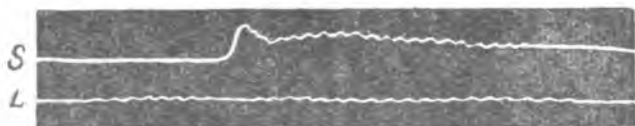

Рис. 40. Кимограмма слова дал „хлев“.

40). Результаты измерения углов подъема кривой S в среднем показывают около 120° .

Сравнение углов отклонения при т и д показывает различие в силе данных звуков: фонема д слабее фонемы т приблизительно на $10-12^\circ$ по данным измерения углов отклонения.

В конце слога внутри слова перед смычными согласными употребляются имплозивные оттенки, причем перед звонкими согласными — звонкие, перед глухими — глухие.

Внутри слова перед щелевыми согласными употребляется эксплозивный оттенок, который также перед звонкими согласными бывает звонким, перед глухим — глухим. Ср. кимограммы звонкого эксплозивного оттенка фонемы д в слове хадлан „покос“ (рис. 41) и глухого эксплозивного д в слове хадхуур „колючка, шип“ (рис. 42).

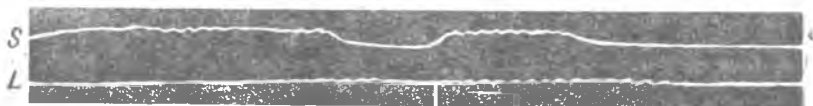

Рис. 41. Кимограмма слова хадлан „покос“.

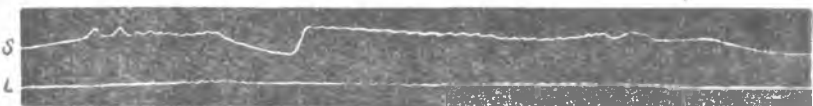

Рис. 42. Кимограмма слова хадхуур „колючка, шип“.

В исходе слова д иногда произносится без третьей фазы, без взрыва, и, как правило, в исходе синтагмы без участия голоса, т. е. в виде глухого имплозивного оттенка. (См. рис. 43)

Примеры: даха „доха“, одон „звезда“, хадлан „покос“, бадха „угри“, абаад „взяв“, үдхэн „густой“, дүүрэн „полный“, дунда „средний“.

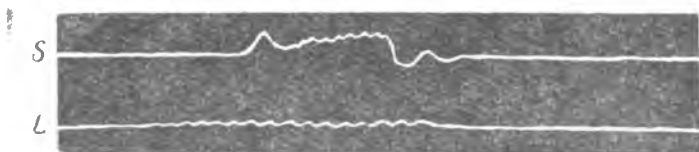

Рис. 43. Кимограмма слова буд „материя“.

Фонема d' — переднеязычно-среднеязычный смычный слабый мягкий звук.

Подобно фонеме t' , фонема d' проявляется в переднеязычных и среднеязычных оттенках. Соответствующие оттенки фонемы t' и d' артикулируются почти одинаково, отличаясь друг от друга лишь относительно сильной или слабой напряженностью мышц языка. Это различие отражается иногда на палатограммах: при t' (см. рис. 36 и 37 стр. 76) площадь касания несколько шире, чем при d' (см. рис. 44 и 45). Но в общем их палатограммы почти не отличаются друг от друга.

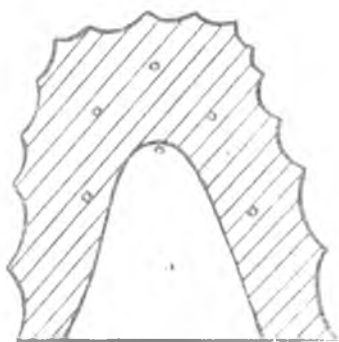

Рис. 44. Переднеязычный d' .

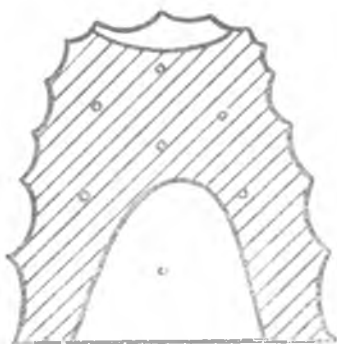

Рис. 45. Среднеязычный d' .

Переднеязычный оттенок употребляется в начале слога перед гласными переднего ряда $ии$, $ээ$ и встречается только как звонкий, всегда эксплозивный. Например: $диилэхэ$ „побеждать“, $эдеэн$ ($эд'ээн$) „еда“.

Среднеязычный оттенок употребляется в исходе слога внутри слова перед согласным x в глухом варианте и в начале слога перед гласным $үү$ в звонком огубленном варианте. Например: $хадьха$ „чирей, фурункул“, $бэдьхэ$ „опухоль, болезнь“, $эдюур$ „корыто для кормления животных“.

Ср. кимограммы переднеязычного звонкого оттенка в слове $эдеэн$ „еда“ (рис. 46) и среднеязычного глухого оттенка в слове $эдьхэлгэ$ „закваска“ (рис. 47).

Рис. 46. Кимограмма слова эдеэн „ела“.

Рис. 47. Кимограмма слова эдьхэлгэ „закваска“.

Фонема d' по сравнению с твердой фонемой d встречается в бурятском языке значительно реже: обнаружено ее употребление лишь перед долгими гласными $ии$, $ээ$, $үү$, перед согласным $х$.

Правда, следует обратить внимание на следующее явление. В словах типа гангинаха, ангир, мангир, дангинаха, хангирха, хангирхай и т. п. орфографическое сочетание „ГИ“ в хоринском диалекте произносится как сочетание среднеязычного d' с гласным $и$.

Аналогичное явление, по свидетельству Г. Д. Санжеева, наблюдается в говоре нижеудинских бурят¹.

Фонема n — переднеязычный смычный твердый носовой сонант.

Образуется слабой смычкой кончика языка и альвеол при одновременном опускании небной занавески. Это очень четко иллюстрируется на рентгенограммах (см. рис. 48).

Место касания языка на искусственном небе почти не отличается от соответствующих ртовых звуков t и d (ср. рис. 49 1) и 2) с палатограммами t и d стр. 73 и 77, рис. 32 и 39); также как при t и d место соприкосновения языка на искусственном небе при n окаймляет небо спереди и с боков, т. е. язык смыкается с твердым небом своими краями и передней частью, полностью преграждая путь воздушной струе через ртовый канал. Однако при n площадь касания немного уже, особенно спереди у верхних резцов, чем при t и d . Это, очевидно, объясняется общей для всех сонантов слабой артикуляцией. В отношении бурятских переднеязычных t , d , n , палатограммы которых в общем одинаковы, по силе артикуляции, следовательно, по ширине смыкания на небе наблю-

¹ Г. Д. Санжеев. Фонетические особенности говора нижеудинских бурят. Л., 1930, стр. 3.

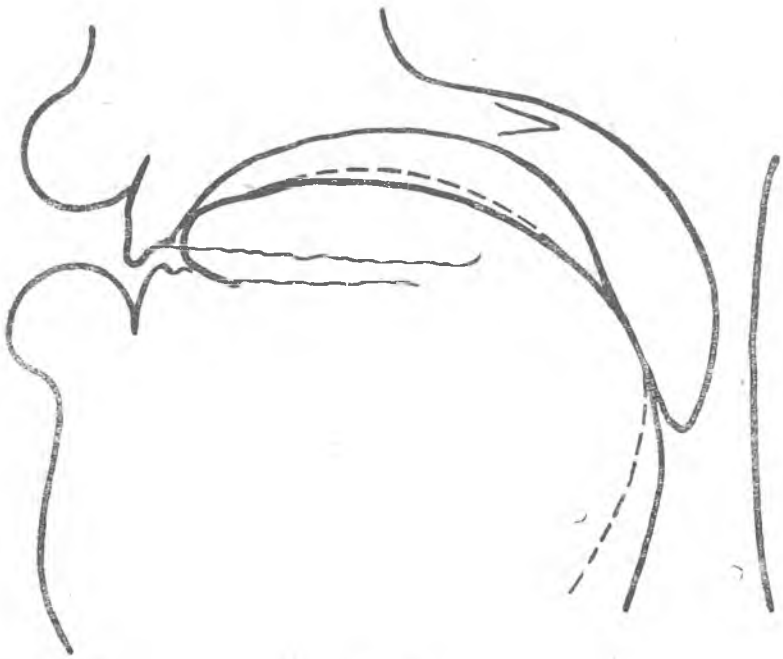

Рис. 48.

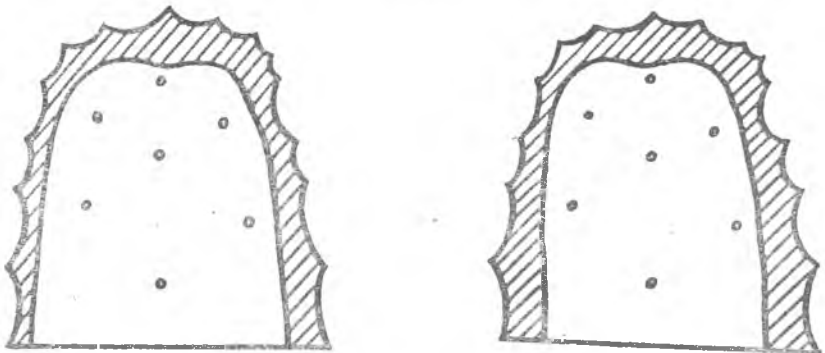

Рис. 49. Палатограммы 1) несмягченного н, 2) смягченного н.

дается следующая убывающая градация: 1—т, 2—д, 3—н.

Различные комбинаторные изменения фонемы н дают следующие обязательные оттенки:

1. Несмягченный оттенок в сочетании с гласными а, аа, аэ у, уу, о, оо, оэ: намар „осень“, манаэ „наш“, наадан „игра

веселье“, нугаһан „утка“, нуур „озеро“, нохоэ „собака“, оноо „попал“. ноэр „сон“.

2. Смягченный оттенок в сочетании с гласными э, ээ, ү, үү, өө: нэрэ „имя“, энээнэй „его (что-то)“, нүхэр „товарищ“, нүүдэл „кочевка“, мүнөө „сейчас“.

Палатограмма смягченного оттенка (см. рис. 49—2) фиксирует полосу соприкосновения языка на небе несколько широкую по сравнению с палатограммой несмягченного оттенка; расширение происходит, как у фонем т и д, приблизительно на линии первых и вторых больших коренных зубов, что опять-таки свидетельствует о дополнительной работе средней части языка, которая отразилась на рентгенограмме незначительным прогибом вверх средней части спинки языка. См. рис. 48, где профиль языка при смягченном н обозначен прямыми штрихами.

Фонема н употребляется преимущественно в начале слога; в исходе слога внутри слова встречается довольно ограниченно только перед переднеязычными согласными т, д, с, например: мандаха „процветать, здравствовать“, мантагар „головастый“, сэнтэй „ценный“, монсогор „круглый“.

В литературном бурятском языке н в исходе слова не встречается. В других диалектах, в частности в боханском, также в агинском подговоре хоринского диалекта фонема н употребляется в исходе слова в качестве показателя 3-го лица притяжательного склонения, которому в литературном языке соответствует мягкая фонема н' (нь).

Фонема н' — переднеязычно — среднеязычный мягкий носовой сонант.

Фонема н', как и сходные по основному активному органу мягкие фонемы т' и д', проявляется в переднеязычных и среднеязычных оттенках. Палатограммы этих оттенков почти не отличаются от соответствующих оттенков фонем т' и д' (см. рис. 36, 37, 44, 45, 50 и 51).

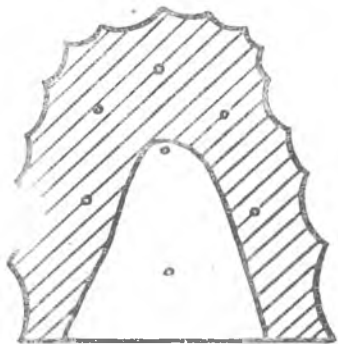

Рис. 50. Переднеязычный н'.

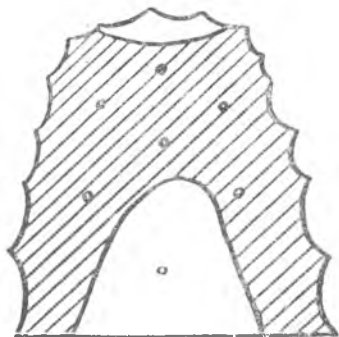

Рис. 51. Среднеязычный н'.

Переднеязычный н' образуется смычкой передней спинки языка с передней и частично средней частями твердого неба, так что очень приближается к среднеязычной артикуляции. И на самом деле перед задними у, уу, о фонема н' становится собственно среднеязычным. Это, видимо, обуславливается артикуляцией последующих гласных; характерное для артикуляции гласного заднего ряда отодвигание тела языка назад стражается „регрессивно“ на отодвигании места смычки: переднеязычная альвеолярно-переднетвердонебная смычная артикуляция заменяется среднеязычной передне-среднетвердонебной смычной артикуляцией.

В отличие от твердого н фонема н' артикулируется при значительно большем мускульном напряжении языка.

Можно различить следующие оттенки фонемы н':

1. Переднеязычный оттенок, встречающийся перед гласными переднего ряда и в исходе слова в качестве показателя третьего лица притяжательного склонения, например: ниидэхэ „летать“, энеэдэн „смех“, ахань „его брат“.

2. Среднеязычный оттенок встречается перед гласными заднего ряда: нюур „лицо“, нюрган „спина“ и т. д.

Палатограммы мягких фонем т', д', н', как уже указывалось, очень сходны между собой, но значительно отличаются от палатограмм соответствующих им твердых фонем т, д, н: при артикуляции мягких звуков фиксируется большая площадь смыкания, чем при твердых, вплоть до среднеязычной артикуляции; бывает затронута языком не только передняя, но и средняя часть твердого неба, соответственно фиксируются более широкие полосы по бокам.

Фонема с — переднеязычный щелевой сильный твердый глухой звук.

Шумообразующая щелевая преграда образуется сближением передней части спинки языка с передней частью твердо-

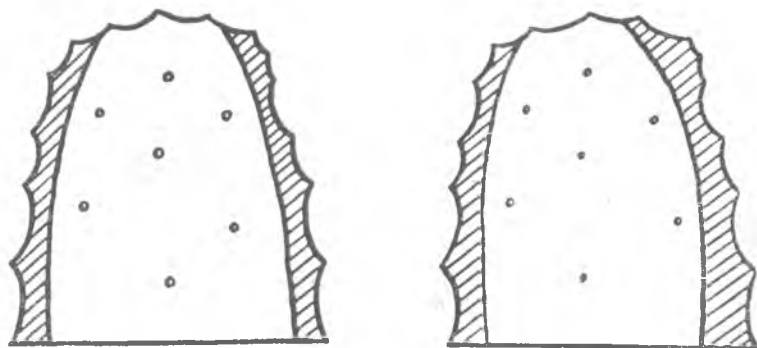

Рис. 52. Палатограммы 1) несмягченного с, 2) смягченного с.

го неба при плотном соприкосновении краев языка с верхними коренными зубами и краями твердого неба. См. палатограмму с (рис. 52).

Спереди против двух средних верхних резцов язык не касается искусственного неба, где и образуется щель для прохода воздушной струи; конец языка лежит за нижними резцами, при этом он может их касаться и не касаться, что никак не влияет на акустический эффект.

Смягченный оттенок (см. рис. 52—2) произносится при более узкой щели и несколько меньшем резонаторе.

Кимографические материалы показывают сильную воздушность с, о чем свидетельствует сравнительно большее отклонение линии S от нулевой линии на отрезке с (ср. степени отклонения при с и при соответствующем слабом з на рис. 7 (3 и 4), что косвенно также может свидетельствовать в бурятском языке о силе артикуляции.

Бурятский с приблизительно соответствует русскому с в словах сани, сукно. Несколько отличаются они друг от друга характером преграды: круглая в общем щель в бурятском языке более плоская и шире, чем в русском языке. Это обуславливает небольшую шипящую окраску у бурятского с по сравнению с русским с.

Фонема с является весьма употребительным звуком в бурятском языке и встречается преимущественно в начале слога. В исходе слова употребляется сравнительно редко, главным образом, в звукоподражательных словах типа хас, тэс, пас, нүс и т. д.

В середине слова в исходе слога встречается только перед сильным согласным х и реже перед т. Например, эсхэхэ „кроить“ бастриг „шест“.

Итак, в зависимости от позиционно-комбинаторных условий у фонемы с можно выделить четыре обязательных оттенка: 1) твердый неогубленный, 2) твердый огубленный, 3) смягченный неогубленный, 4) смягченный огубленный.

Примеры: сабан „снег“, астагар „раскоряченный, широко расставленный (о рогах)“, суглаан „собрание“, сэгээн „светлый“, тэххэгэр „пузатый“, сүлөө „свобода“.

В отличие от русского языка в бурятском нет соответствующей мягкой пары с'. Но в ряде западных диалектов, в частности в боханском, мягкая фонема с' встречается очень часто, как соответствие литературному х' в таких словах, как тамхин — тамсин „табак“, архи — арси „вино“, тархи — тарси „мозг“, хяаг — сяаг „пырей“ и т. д.

В данное время можно говорить о тенденции появления в литературном языке мягкого с' в связи с заимствованием из русского языка слов с палатализованным с', как сеялкэ, силос, секретарь и т. д.

фонема **з** — переднеязычный дорсальный щелевой слабый твердый звонкий звук.

Положение языка при артикуляции **з** и **с** в общем одинаково. Об этом свидетельствуют их палатограммы (ср. рис. 52 и 53).

Описание см. выше стр. 83—84. Но **з**, в отличие от **с**, произносится с участием голоса и при значительно слабом мускульном напряжении языка. Это иногда отражается на палатограммах: полосы касания языка при **з** чуть меньше, чем при **с**. Последнее в данном случае, очевидно, объясняется более энергичной работой языка при **с**. Но это, видимо, не обязательно для всех языков. В русском языке, например, по данным В. А. Богородицкого, наоборот, палатограммы **з** показывают более широкие полосы касания, чем палатограммы **с**¹.

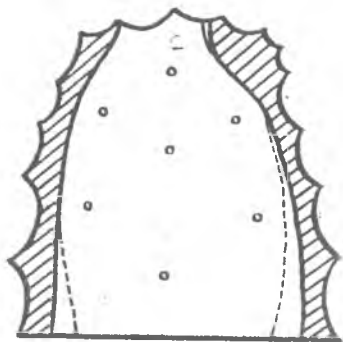

Рис. 53. Палатограмма **з**

Палатограммы бурятских **з** и **с** у испытуемого Ш почти полностью совпадают. Ср. рис. 52 и 53.

Фонема **з** употребляется только в начальной позиции слога; проявляется аналогично фонеме **с** в следующих четырех обязательных оттенках: 1) несмягченный неогубленный, 2) несмягченный огубленный, 3) смягченный неогубленный, 4) смягченный огубленный.

Примеры: зам „путь“, зузаан „толстый“, зөөри „имущество, средство, состояние“, зүгы „пчела“, хэзээ „когда“.

Подобно фонеме **с** бурятская фонема **з**, артикулируемая в общем круглой щелью, но несколько уплощенной по сравнению с артикуляцией **з** в русском языке, также характеризуется дополнительной „шипящей“ окраской.

Фонема **ш** — двухфокусный щелевой сильный смягченный глухой звук.

Артикулируется двумя щелевыми преградами. Как показывают рентгено снимки артикуляций бурятского **ш**, первая щель образуется между кончиком языка и альвеолярным выступом, вторая щель — между продвинутой вперед задней частью спинки языка и средней частью неба. На рис. 54 показан профиль языка при артикуляции твердого **ш**; пунктиром обозначен профиль языка при артикуляции **ш** в слове мягкого ряда.

В вышеприведенном определении фонемы **ш** сознательно употребляется термин „смягченный“, потому что бурятский

¹ В. А. Богородицкий. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, 1930, стр. 137.

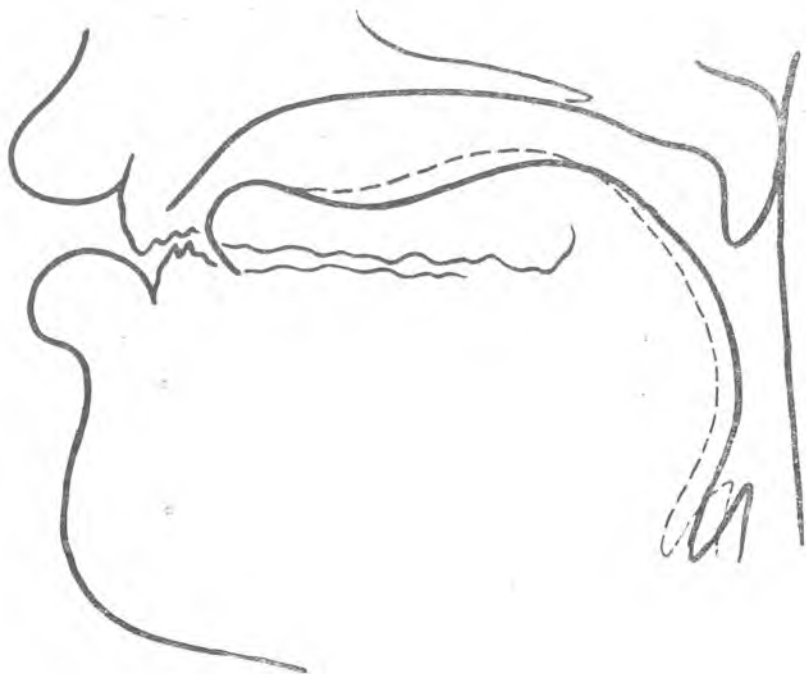

Рис. 54.

ш и ниже описанный **ж** занимают несколько обособленное положение в отношении групп мягких и твердых фонем. От твердого русского **ш** и **ж** в словах шар, жара отличаются мягкостью, но эта мягкость меньшей степени, чем мягкость русских палатализованных **ш** и **ж** в словах щи, щука, вожжи и т. п. Приблизительно в отношении русских **ш** и **ш'** бурятский **ш** занимает промежуточное положение. Видимо, бурятский **ш**, судя по описаниям Л. В. Щербы, приблизительно совпадает с соответствующим французским звуком¹. Это своеобразие бурятского **ш** дало повод А. Д. Рудневу выделить перед долгими гласными (в более четком произношении) палатализованный **ш**, как комбинаторный вариант непалатализованного **ш**.

Фонема **ш** является одним из самых употребительных звуков бурятского языка. Встречается преимущественно в начальной позиции слога; в исходе слова выступает лишь в качестве показателя второго лица при спряжении глаголов, например, орыш „ты входи“, баришш „ты держи“ и т. п.; в исходе слога

¹ Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. М., 1948, § 79, стр. 68—69.

внутри слова встречается очень редко, только в заимствованных словах перед согласными **м, л**, как например, **башмаг, башлаг**.

Как указывалось, в фонематической характеристике данной фонемы термин „смягченный“ употребляется условно. Как и все немягкие согласные, бурятский **ш** проявляется в смягченных и несмягченных оттенках. Таким образом, можно выделить следующие комбинаторные оттенки:

1. Несмягченный неогубленный оттенок употребляется в сочетании с гласными **а, аа**: **шарга** „сани“, **шаантаг** „клин“, **тагша** „чаша“.

2. Несмягченный огубленный оттенок — в сочетании с гласными **у, о, уу, оо**: **шуһан** „кровь“, **шоно** „волк“, **бушуу** „шустрый“, **ошоо** „пошел“.

3. Смягченный неогубленный оттенок — в сочетании с гласными **э, ээ, и, ии**: **шэнэ** „новый“, **хариш** „иди домой“.

4. Смягченный огубленный оттенок — в сочетании с гласными **ү, үү, өө**: **шүдэр** „путы“, **шүүдэр** „роса“, **үшөөһэн** „ива“.

Фонема **ж** — двухфокусный щелевой слабый смягченный звонкий звук.

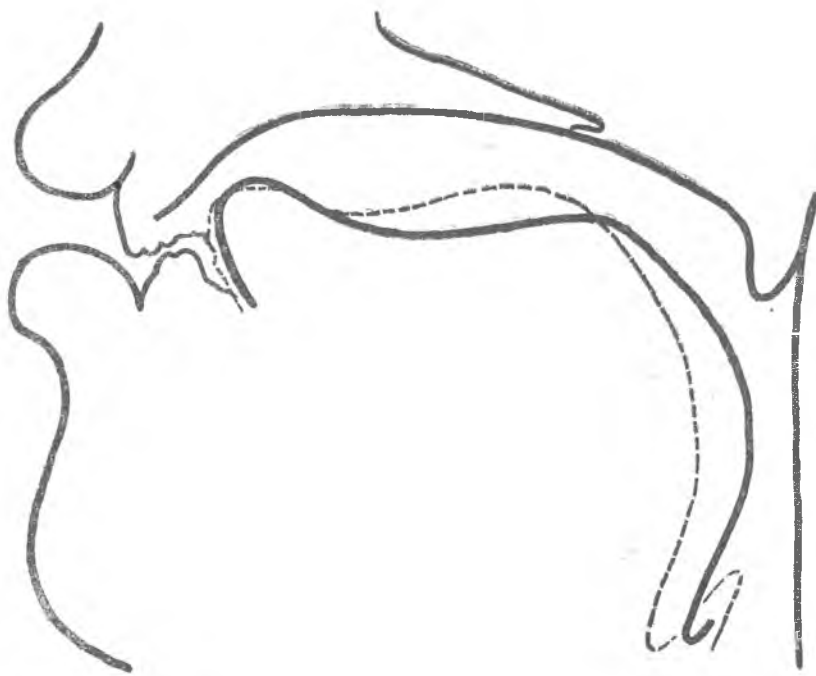

Рис. 55.

Сопоставление рентгенограмм и палатограмм фонемы **ж** и фонемы **ш** показывает почти одинаковое положение языка. (Ср. рис. 54 и 55, 56 и 57).

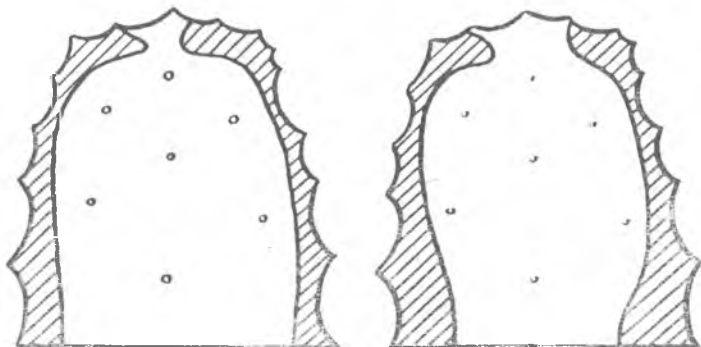

Рис. 56. 1) несмягченный ш, 2) смягченный ш.

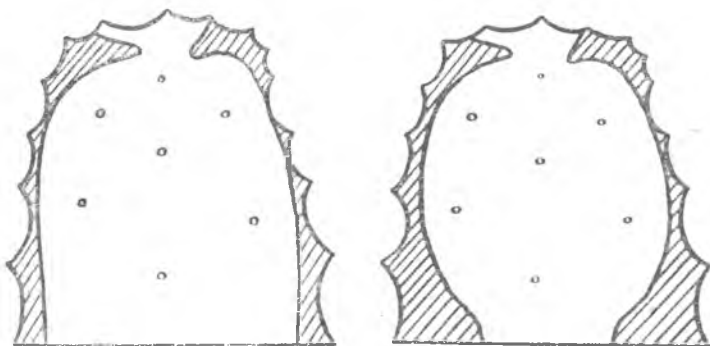
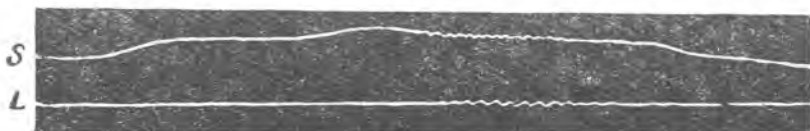

Рис. 57. 1) несмягченный ж, 2) смягченный ж.

Мышечные ощущения при артикуляции бурятских **ш** и **ж** показывают значительно большее мускульное напряжение при **ш** по сравнению с **ж**.

Кимограммы показывают, что **ш** от **ж** отличается глухостью.

Ср. кимограммы слов **жэл** „год“ (рис. 59) и **шэл** „стекло“ (рис. 58).

; Рис. 58. Кимограмма слова **шэл** „стекло.“

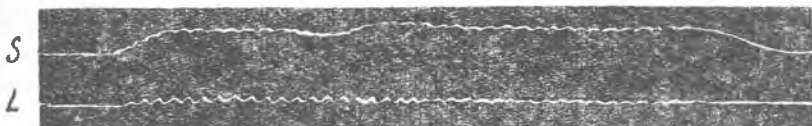

Рис. 59. Кимограмма слова жэл „год“.

Фонема ж, как и ш, проявляется в четырех обязательных оттенках:

1) несмягченный неогубленный, 2) несмягченный огубленный, 3) смягченный неогубленный, 4) смягченный огубленный.

Употребляется исключительно в начальной позиции слога, например, жажалха „жевать“, жэмэс „ягоды“, эжэн „хозяин“, ажал „работа“.

Фонема л — переднеязычный щелевой твердый боковой ртовый сонант.

При артикуляции л кончик и часть передней спинки языка упираются в верхние резцы, а задняя спинка языка несколько поднимается, соприкасаясь своими боками с краями твердого неба на линии больших коренных зубов, образуя небольшой прогиб в средней части языка.

Как видно из палатограммы смягченного л (рис. 61), место касания языка у больших коренных зубов значительно расширяется и, повидимому, язык чуть продвигается вперед, что дает небольшое сужение места смыкания у верхних резцов (Ср. рис. 60 и 61).

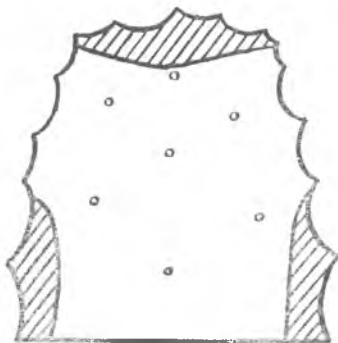

Рис. 60. Палатограмма несмягченного л.

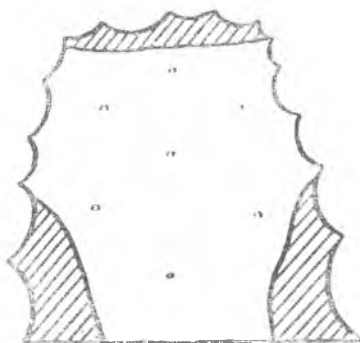

Рис. 61. Палатограмма смягченного л.

Обе палатограммы показывают, что язык не касается твердого неба на уровне первых и вторых малых коренных зубов и клыков, где и образуется свободный проход воздушной струе.

При артикуляции русского *л* боковые щели по обеим сторонам языка образуются несколько позади по сравнению с бурятским *л*; по данным В. А. Богородицкого, „на протяжении от малых коренных зубов до зуба мудрости при сохранении касания у задних углов неба“¹.

Фонема *л* употребляется в любой позиции слова.

Примеры: 1) несмягченный неогубленный *л*: лама „лама“, мал „скот“, алаг „пестрый“; 2) несмягченный огубленный *л*: галуун „гусь“, олон „много“, залуушуул „молодежь“; 3) смягченный неогубленный *л*: бэлэг — „подарок“, бээлэй „рукавицы“; 4) смягченный огубленный *л*: үлүү „лишний“, үглөө „утро“.

Фонема *л'* — переднеязычно — среднеязычный щелевой мягкий боковой ртовый сонант.

Аналогично смычным мягким фонемам *т'*, *д'*, *н'*, фонема *л'* проявляется в переднеязычных и среднеязычных оттенках. По сравнению с твердым *л* при артикуляции *л'* значительно увеличивается площадь смыкания языка на твердом небе как спереди, так и с боков (см. рис. 62, косая штриховка), вплоть до среднеязычной артикуляции (рис. 62, вертикальная штриховка); произносится он, таким образом, при сильном подъеме средней части языка и при опускании его задней части, поэтому

проход к передним коренным зубам закрывается, и боковая щель образуется только по бокам задней части языка. Как видно из палатограммы (рис. 62), при переднеязычном палатализованном *л'* полоса касания языка на искусственном небе спереди находится приблизительно на уровне первых малых коренных зубов, с боков доходит до вторых больших коренных зубов; при среднеязычном оттенке остается небольшой просвет у верхних резцов, а полоса касания захватывает и среднюю часть твердого неба.

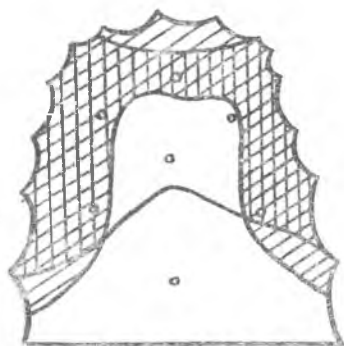

Рис. 62. Палатограмма *л'*.

Твердый *л* по сравнению с мягким *л'* произносится при более слабом мускульном напряжении языка.

Это различие в артикуляции отражается иногда на кимограммах (см. рис. 63 и 64).

На рис. 63 начало *л'* дает на кривой S заметное отклонение вниз, опускаясь почти до нулевой линии, что говорит о силе артикуляции, и переход к последующему *ээ* тоже отображается соответствующим отклонением вверх. А что касается

¹ В. А. Богородицкий. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, 1930, стр. 141—142.

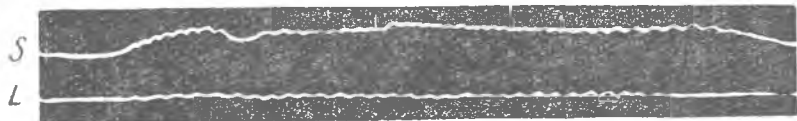

Рис. 63. Кимограмма слова элээ „коршун“.

Рис. 64. Кимограмма слова элээ „износился“.

твердого л, он не дает, как видно из рис. 64, сколько-нибудь заметного отклонения.

Фонема л' употребляется преимущественно в начале нервых слогов или в исходе слога перед согласным б, д, г, м. Примеры: бүлээн „теплый“, дальбагар „отвисший“, гульда „дубина“, эльгэн „печень“, гульмагар „длинный, тонкий“.

В начале слова л' употребляется очень редко лишь в словах не собственно бурятского происхождения: лимбэ „флейта“, лиис „лист“ и т. п.

Фонема р — переднеязычный какуминальный твердый сонантный звук.

Артикулируется кончиком языка, немного приподнятым над остальной его частью; кончик языка пассивно колеблется в струе проходящего воздуха, образуя одну или несколько (не больше 4-х) кратковременных смычек или щелей с задним скатом альвеол (см. рис. 65).

В отличие от русского какуминального р, бурятский р произносится при незначительном подъеме кончика языка, приближаясь, таким образом, к апиальному р. Об этом свидетельствуют полосы касания языка на искусственном небе, которые охватывают полукругом края твердого неба, иногда оставляя небольшой просвет у резцов. (См. рис. 65). Эта особенность артикуляции р обуславливает меньшую вибрантность, которая иногда становится просто ще-

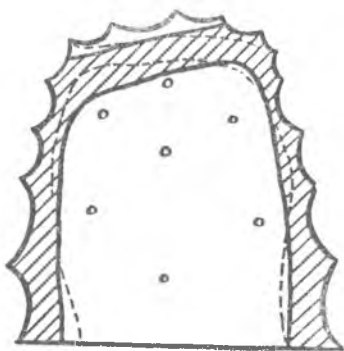

Рис. 65.

левой, что тоже объясняется слабостью мускульного напряжения артикулирующего органа, характерной для всех сонантных фонем.

Фонема **р** по сравнению с другими сонантными фонемами легко подвергается оглушению, причем употребление глухого **р** в бурятском языке строго обусловлено сочетанием его с последующими сильными согласными.

В абсолютном исходе слова **р** иногда является частично оглушенным. См. рис. 13 стр. 47 кимограмму слова гар „рука“. В слове шэртэхэ „пристально смотреть“ **р** перед сильным **т** является целиком глухим (см. рис. 66).

Рис. 66 Кимограмма слова шэртэхэ „пристально смотреть“.

В слове арбагар „косматый“ конечный **р** является целиком звонким. (См. рис. 67). Таким образом, существование частично глухого **р** в исходе слова факультативно.

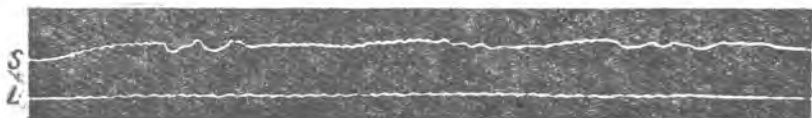

Рис. 67. Кимограмма слова арбагар „косматый“.

В позиции между гласными или в сочетании с другими сонантными и слабыми согласными фонемами **р** произносится с участием голоса, является сонантом в полном смысле, т. е. в произношении его голос преобладает над очень слабым шумом. Например, хара „черный“, тэрэ „тот“, тэргэн „телега“ и т. д. См. первый **р** в слове арбагар (рис. 67), где линия **L** на отрезке **р** регистрирует работу голосовых связок.

Таким образом, фонема **р** в бурятском языке употребляется в начале непервого слога или в конце слога внутри слова перед звонкими согласными в сонантных (звонких) оттенках, в исходе слога внутри слова, перед глухими согласными — в глухом оттенке, а в исходе слова — факультативно в полувзвонком оттенке¹. В собственно бурятских словах **р** в начале слова не встречается.

¹ Наличие у фонемы **р** оттенков с полным или частичным оглушением наряду со звонкими оттенками — сонантами обусловило в данной работе употребление термина сонантные.

Вибрации у оттенков фонемы **p**, как указывалось в начале, могут быть одноударными и больше, но не превышают 4-х ударов, иногда же употребляются просто щелевые оттенки. В употреблении их трудно установить определенную закономерность, потому что зависят они, главным образом, от индивидуальных особенностей.

Указанные выше оттенки (сонанты, глухие, частично глухие) фонемы **p**, согласно общему правилу согласных, в потоке речи получают дополнительные характеристики — смягченность, разные степени опогленности и пр.

Примеры: наран „солнце“, орон „страна“, хэрэхэ „просыпаться“, шэрүүн „жесткий, шершавый“, хэртэгэр „торчащий (об ушах)“, бархагар „грубый, бугристый“.

Фонема **p'** — переднеязычный какуминальный дрожащий мягкий сонантный звук.

В отличие от твердого **p** артикулируется при значительном дополнительном подъеме средней части языка к твердому небу. (См. рис. 68). Кончик языка приподнимается по направлению к заднему скату альвеол меньше, чем при твердом **p**, т. е. **p'** является еще менее какуминальным по сравнению с **p**.

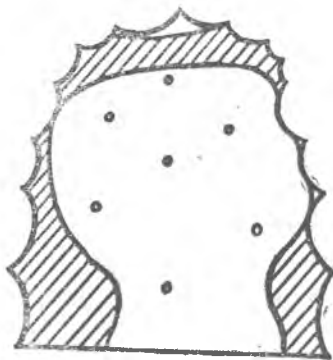

Рис. 68. Палатограмма **p'**.

Вибрантность фонемы **p'** незначительная: линия S кимограммы показывает один-два удара. (См. рис. 69).

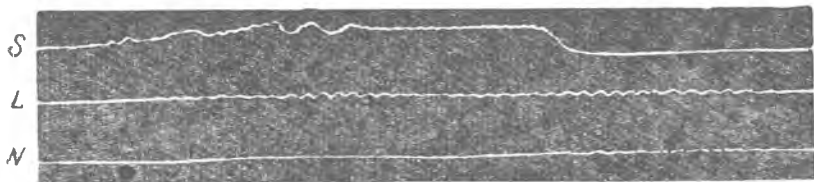

Рис. 69. Кимограмма слова харин „чужой“.

Встречается в начале непервых слогов или в исходе слога внутри слова перед звонкими согласными, в отличие от твердой пары — только в звонких оттенках.

Примеры: барюул „ручка, рукоятка“, борьбо „голень“, тарьян „зерно, хлеб“, харин „чужой“, харьдаг „гора, покрытая снегом“.

Мягкий р', как и твердая фонема р, не употребляется в начале собственно бурятских слов.

Фонема й — среднеязычный щелевой мягкий сонантный звук.

Артикулируется узкой плоской щелью, образованной сближением средней части спинки языка с твердым небом (см. рис. 70). В отличие от соответствующего русского звука „й“ в словах яма (йама), пою (пойу), который является в полном смысле сонантом, бурятский й может проявляться в зависимости от различных позиций в сонантных и несонантных (шумных) оттенках.

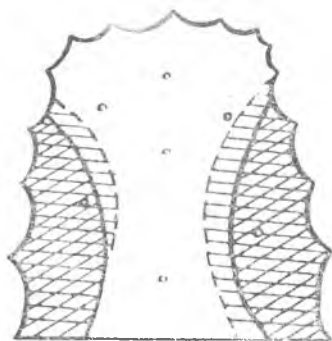

Рис. 70. Палатограмма й.

На палатограмме (рис. 70) косой штриховкой показано соприкосновение языка при сонантном й в словах твердого ряда; горизонтальная штриховка — место касания языка при шумном й в словах мягкого ряда. Небольшая продвинутость средней части языка (преграды) вперед показывает мягкорядное употребление й, что не влияет заметно на акустический эффект.

Шумность или сонантность выражается на палатограммах в изменении ширины полос касания; более широкая щель и соответственно меньшая площадь касания показывает сонантный й, наоборот, более узкая щель и соответственно большая площадь смыкания языка — шумный й. Шумные оттенки встречаются в начале слова или в середине двусложного слова, например: яһаһ (йаһаһ) „кость“, ехэ (йэхэ) „большой“, бэе (бэйэ) „тело“, ая (айа) „манера“, хая (хайа) „бросай“ и т. п.; сонантные оттенки встречаются в начале непервых слогов в многосложных словах (больше двух слогов). Например: баярлаха (байарлаха) „радоваться“, бэелүүлхэ (бэйэлүүлхэ) „осуществлять“ и т. д.

Эти оттенки несколько различаются на кимограммах: шумный оттенок между гласными на линии S дает дугообразное понижение, что говорит об относительно узкой щели (см. рис. 71).

Сонантный оттенок по типу кривой S невозможно отличить от соседних гласных (см. рис. 72).

Рис. 71. Кимограмма слова бэе (бэйэ) „тело“.

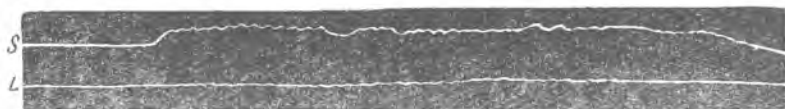

Рис. 72. Кимограмма слова баярлаха (байарлаха)
„радоваться“.

Фонема й в хоринском диалекте употребляется только в начальной позиции слога. Однако в некоторых других диалектах бурятского языка, в частности в боханском, встречается в исходе слова шумный й в качестве вопросительного аффикса, например, хараай „увидел ли“, йэрэй „пришел ли“ и т. д.

Кроме того, в некоторых западных диалектах звук й соответствует фонеме ж литературного языка, например, бох. йэл — лит. жэл „год“, бох. йаргал — лит. жаргал „радость“ и т. д.

В. Согласные фонемы третьей артикуляции (заднеязычно-увулярные)

Фонема х — заднеязычно-увулярный щелевой твердый сильный глухой звук.

Выше было отмечено, что зависимость твердых фонем третьей артикуляции от мягкорядности или твердорядности слов вызывает смену основных активных органов, а именно, в словах мягкого ряда употребляются заднеязычные оттенки (активный орган — задняя часть языка), а в словах твердого ряда — увулярные (активный орган — мягкое небо с язычком).

Заднеязычные оттенки, как показывает рентгенограмма (см. рис. 73), образуются сближением задней части спинки языка с границей твердого и частью мягкого неба; характерный для них шум образуется узкой уплощенной щелью между задней частью языка и примерно границей твердого и мягкого неба.

При артикуляции увулярных оттенков (см. рис. 74) активным органом является не задняя часть языка, а мягкое небо с язычком; последний, сближаясь с задней частью языка, вибрирует в струе проходящего воздуха, образуя характерный для увулярных оттенков шум, более низкий, чем у заднеязычных оттенков. Это обусловлено тем, что тело языка значительно отодвигается назад (задняя его часть не остается полностью безучастной, а поднимается навстречу к сближающемуся к ней мягкому небу и образует в ртовой полости сравнительно большой резонатор (см. рис. 74).

Рис. 73.

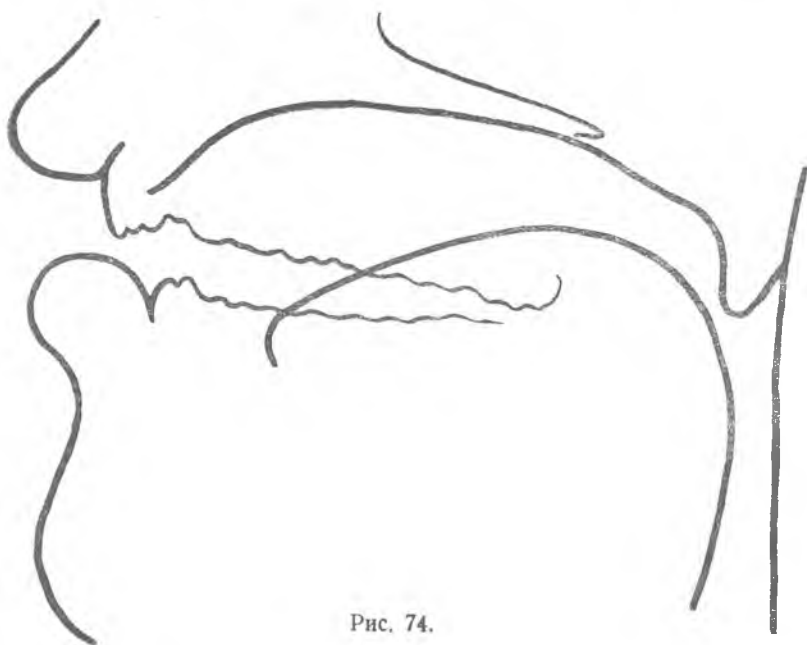

Рис. 74.

Вибрантность увулярных оттенков фонемы х отчетливо отражается на кимограммах. (См. рис. 75).

Рис. 75. Кимограмма слова буха „бык“.

На отрезке х линии S записаны крупные ритмичные колебания, соответствующие вибрации мягкого неба с язычком.

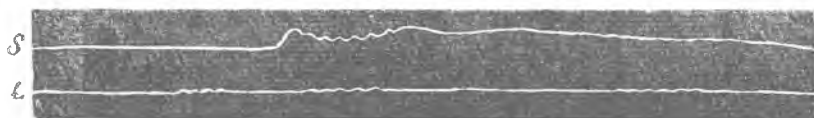

Рис. 76. Кимограмма слова бэхэ „чернила“.

Отрезок заднеязычного х на линии S, как видно из кимограммы слова бэхэ „чернила“ (рис. 76), колебаний не дает и, вообще, не может дать, потому что задняя часть языка вследствие своей массивности не дает колебаний подобно кончику языка или маленькому язычку (uvula).

Таким образом, можно выделить следующие четыре оттенка фонемы х:

1. Увулярный неогубленный оттенок, употребляющийся перед неогубленными гласными твердого ряда а, аа, аэ: хабар „весна“, хаан „хан, царь“, гахаэ „свинья“.

2. Увулярный огубленный оттенок — перед огубленными гласными твердого ряда у, уу, уи, о, оо, оэ: хуһан „береза“, хахуули „удочка“, хуимар „шустрый“, мохоэ „тупой“ и т. д.

3. Заднеязычный неогубленный оттенок — перед неогубленными гласными мягкого ряда э, ээ: бэхэ „чернила“, хээрэ „поле, степь“, бэрхэ „трудный, тяжелый“.

4. Заднеязычный огубленный оттенок — перед огубленными гласными мягкого ряда ү, үү, үи, өө: хүхэ „синий“, хүхүүлхэ „кормить грудь“, хөөһэн „пена“.

Фонема х в бурятском языке встречается только в начальной позиции слога.

Фонема х' — заднеязычный щелевой сильный мягкий глухой звук.

По сравнению с заднеязычным оттенком твердой фонемы х мягкий х' артикулируется при сильном дополнительном подъеме средней части языка и при очень узкой щели, обра-

зованной сближением с твердым небом не только задней спинки языка, но и частично средней части спинки языка (см. рис. 77), но основная шумообразующая преграда находится

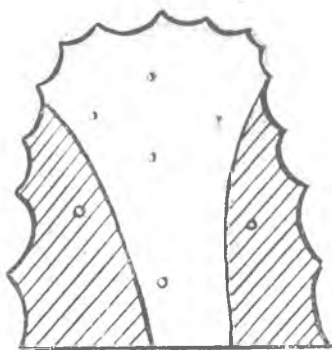

Рис. 77. Палатограмма х'.

между задней спинкой языка и задней частью твердого неба, а частичное участие средней части языка в данном случае играет дополнительную роль. Бурятский х' акустически более близок к русскому палатализованному х в слове химия.

В ряде диалектов бурятского языка мягкий х' дает мягкий с¹, например, хоринский хяг — боханский сяг „пырей“, хоринский тархи — боханский тарси „мозг“, хоринский хюаха — боханский сюаха „скоблить“ и т. д.

Фонема х' употребляется исключительно в начальной позиции

слога, преимущественно в начале слова в огубленных и неогубленных оттенках.

Примеры: хилээмэ „хлеб“, хяг „пырей“, хиидэхэ „развеваться“, хюрөө „пила“, хюаха „скоблить“, хюурхан „гнида“, хёрхо „зоркий“.

Фонема г — заднеязычно-увулярный слабый твердый звук.

Как и все твердые согласные третьей артикуляции, фонема г проявляется при мягкорядном составе слова в заднеязычных оттенках, а при твердорядном составе слова в увулярных оттенках. Соответственно этому употребляются и разные активные органы.

Заднеязычные оттенки артикулируются слабой смычкой или щелью, образованной между задней частью спинки языка и передней частью неба. Профиль языка почти не отличается от заднеязычного оттенка фонемы х (см. рис. 73, стр. 96).

Увулярные оттенки артикулируются также слабой смычкой или щелью, но активным органом в данном случае является небная занавеска, которая несколько опускаясь к задней спинке языка, образует соответствующие шумообразующие преграды — смычку или щель. Как и при артикуляции увулярного оттенка фонемы х (см. выше) задняя часть языка не остается полностью безучастной, она поднимается вверх к задней части мягкого неба (см. рис. 74), но играет в данном случае пассивную роль. Л. Р. Зиндер по этому поводу, т. е. по определе-

¹ См. Г. Д. Санжеев. Фонетические особенности говора нижеудинских бурят. Л., 1930, стр. 2; Его же. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1, М., 1953, стр. 39.

нию различной роли задней части языка, предлагает следующий весьма показательный эксперимент: „если широко открыть рот и сильно высунуть из него язык, то произнести заднеязычный смычный оказывается невозможно, произнесению же язычкового (увулярного) это нисколько не мешает“.

Увулярные оттенки от заднеязычных легко можно различать и по палатограммам; увулярные на искусственном небе не оставляют никаких следов, а заднеязычные дают полосы соприкосновения у задних углов твердого неба, приблизительно на уровне вторых больших коренных зубов при артикуляции щелевых оттенков, или полосу по заднему краю искусственного неба при смычных оттенках (см. рис. 78 и 79).

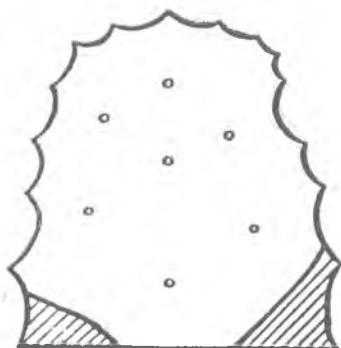

Рис. 78. Палатограмма щелевого г.

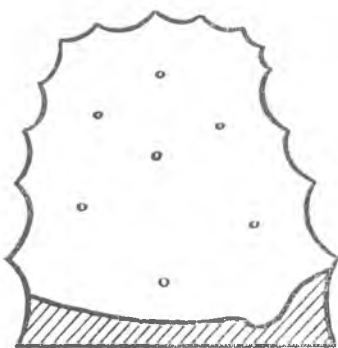

Рис. 79. Палатограмма смычного г.

Кроме того, в бурятском языке встречаются заднеязычные оттенки в словах твердого ряда в опосредованном через редуцированные гласные сочетаниях с мягкими согласными в словах типа хаяг (хайаг) „пусть бросит“, оёг (ойог) „пусть сошьёт“ и т. п.

Смычные оттенки употребляются: в начале слова, в исходе слова, внутри слова в исходе слога или в начале слога после согласных, кроме **р** и часто **л**.

Щелевые дрожащие оттенки употребляются внутри слова в интервокальном положении и после **р**, а также иногда после **л**, при этом они являются всегда только звонкими. Смычные оттенки бывают в начале слова звонкими, в исходе слова — глухими, внутри слова в начале слога — звонкими, а в исходе слога являются звонкими, если последующий слог начинается со звонких согласных, и являются глухими, если последующий согласный — глухой.

Это легко проверить на кимограммах. (См. рис. 80, 81 и 82).

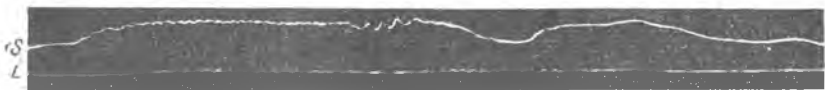

Рис. 80. Кимограмма слова гаэхамшаг „удивительный“.

Рис. 81. Кимограмма слова багша „учитель“.

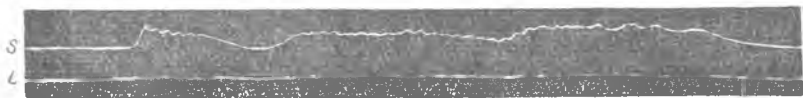

Рис. 82. Кимограмма слова баглагар „густой (о лесе).“

Из кимограммы видно и то, что смычные оттенки являются эксплозивными в начале слогов (рис. 80 — начало), а в исходе слова взрыв почти не заметен (см. рис. 80 — конец). В исходе слога внутри слова является почти импловзивным, его третья фаза накладывается на начало последующего согласного (рис. 81 и 82).

Примеры: гал „огонь“, гушан „тридцать“, бүгдэ „весь“, һэргэг „чуткий“, бага „ребенок“, үгэ „слово“.

Фонема г' — заднеязычный смычный слабый мягкий звук.

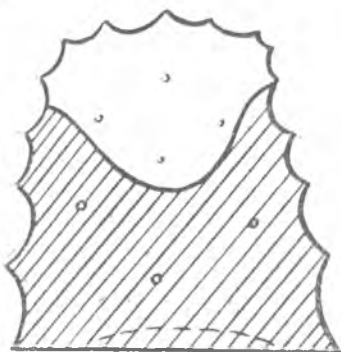

Рис. 83. Палатограмма г'.

Артикуляция мягкого г' значительно отличается от артикуляции соответствующего по активному органу оттенка твердого г. Сильная палатализованность г' влечет за собой, во-первых, увеличение площади смыкания языка на нёбе (см. рис. 83), во-вторых, значительное продвижение языка вперед. См. место смыкания на искусственном нёбе (рис. 83), палатограмма г' (рис. 83) показывает: передняя граница соприкосновения языка в середине неба находится приблизительно на уровне первых больших

коренных зубов, а с боков доходит до самых клыков. Задняя граница смычки на палатограмме (рис. 83) не отразилась; судя по рентгеноскопии артикуляции г', она лежит сразу за пределами твердого неба. Иной раз на палатограммах отражается узенькая незадетая языком полоска по заднему краю искусственного неба, как это показано пунктиром на рис. 83.

Сильный дополнительный подъем средней части языка обуславливает продолжение смычки вперед по твердому небу, включением и средней части спинки языка; однако, основная звукообразующая преграда связана с задней частью языка, так как резонатор, определяющий акустическое качество, находится за смычкой задней части языка.

Фонема г' встречается исключительно в начальной позиции слога, преимущественно в начале непервых слогов.

Примеры: долгеэн „волна“, анги „класс (пол.)“, дунгя „глупый“, гиэхэ „рассветать“.

Как уже указывалось выше, в словах типа гангинаха „визжать“, дунгинаха „звенеть“, хангирха „звенеть, бряцать“ и т. д. сочетание литературного „ГИ“ заменяется в агинском говоре на сочетание д' и и. (см. стр. 80).

В ряде западных диалектов литературному ГИ в вышеперечисленных словах соответствует сочетание й плюс гласный, например:

бох. ганянаха — лит. гангинаха „визжать“,
бох. аийар — лит. ангир „желтоватокрасный“ и т. д.

Фонема нг — заднеязычно — увулярный смычный твердый носовой сонант.

Подобно фонемам х и г, фонема нг в зависимости от употребления в словах мягкого или твердого рядов проявляется соответственно в заднеязычных и увулярных оттенках.

Заднеязычный оттенок нг артикулируется одинаково с заднеязычным смычным оттенком фонемы г (см. стр. 99), но при опущенной небной занавеске, что обуславливает довольно большую площадь соприкосновения задней части языка с мягким небом (см. рис. 84).

Увулярный оттенок образуется опусканием небной занавески на несколько приподнятую и отодвинутую назад заднюю часть языка (см. рис. 85).

Фонема нг употребляется исключительно в исходной позиции слогов: или в конце слова, или внутри слова перед согласными х и г. Ряд бурятских слов сохраняет нг даже при прибавлении аффиксов, начинающихся с согласных. Так например, слово анг (ан) „зверь“ в дат. падеже будет ангда (анда) „зверю“, в совм. пад. ангтай (антай) „зверем“. При этом происходит адаптация — частичная ассимиляция в первой и в начале второй фазах последующих за нг переднеязычных д и т; при переходе нг в д или т небная занавеска не сразу закры-

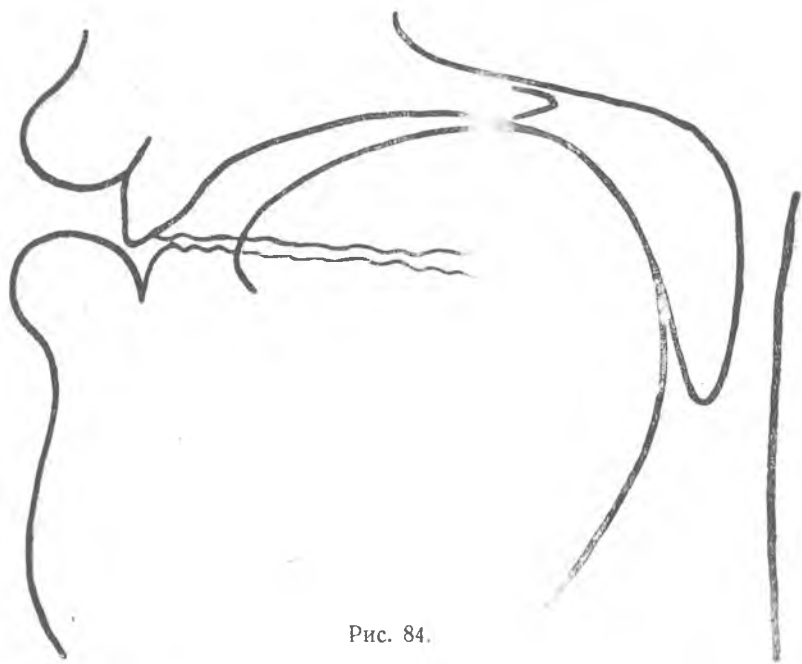

Рис. 84.

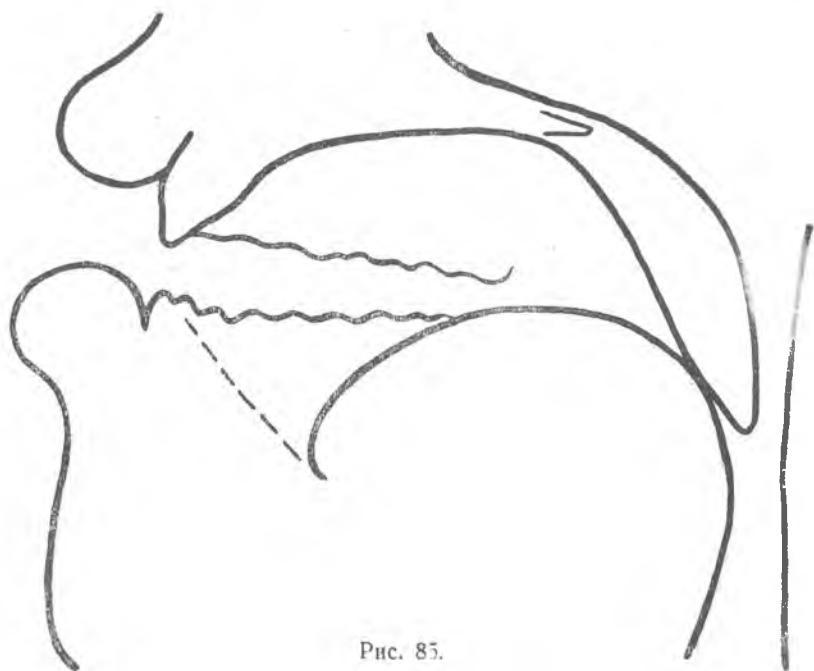

Рис. 85.

вает проход в носовую полость, поэтому первая и частично вторая фазы д и т сохраняют назальность, т. е. произносятся как переднеязычный носовой н.

Итак, у фонемы нг можно выделить заднеязычный и увулярный оттенки.

Примеры: занг „привычка, нрав“, ангхан „начало, исток“, энггэр „лацканы, борта“, хүнг „человек“.

Как указывалось выше (см. стр. 59), очень редко в словах твердого ряда встречается заднеязычный нг в непосредственном сочетании с палатализованными х' и г'; Например, ангни „класс (пол.)“, ханггинаха „звенеть“ и т. д.

В отношении фонематичности звука нг в бурятском языке существуют две противоположные точки зрения. Одни считают звук нг самостоятельной фонемой, другие — оттенком фонемы н. А. Д. Руднев относит звук нг к самостоятельным фонемам, описывая и классифицируя его без квадратных скобок¹. Г. Д. Санжеев определяет нг как „заднеязычный нг, ... не являющийся самостоятельной фонемой и представляющий собой лишь комбинаторный вариант переднеязычного н“².

Действительно, „оттенковость“ как будто подтверждается тем, что он имеет строгую позиционную закрепленность, т. е. употребляется только в исходе слога и может заменяться переднеязычным н в таких словах, как хүнг „человек“ в дат. пад. хүндэ „человеку“, зонг „народ“ в дат. п. зондо „народу“ и т. д.

На самом же деле другие факты говорят о том, что звук нг является самостоятельной фонемой в звуковой системе современного бурятского языка.

Во-первых, не во всех случаях происходит замена заднеязычно-увулярного нг на переднеязычный н. Если в слове хүнг „человек“, зонг „народ“ при прибавлении аффиксов происходит замена нг на н, то в словах типа анг „зверь“, ганг „трещина“, зоболонг „страдание“ и др. такой замены нет, например, ангда, зоболонгдо. Следовательно, нельзя говорить о постоянной замене нг на н и наоборот.

Во-вторых, в ряде диалектов переднеязычный н употребляется в исходе слова с грамматическим значением показателя принадлежности третьего лица, чему соответствует в литературном языке мягкий н' (нь), например: даланг „семьдесят“ — далан (лит. далань) „его лопатка“.

¹ У Руднева „в квадратные скобки заключены описания тех звуков, которые являются только в виде комбинаторных изменений других фонем и сами не являются самостоятельными фонемами“. (См. его „Хори—бурятский говор“, вып. 1, Петроград, 1913—1914, стр. 1.)

² Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка. М. — Л., 1941, стр. 20.

Следовательно, переднеязычный **н** может употребляться в исходе слова с дифференцирующей ролью, т. е. употребляется как самостоятельная фонема, отличная от **нг**.

В-третьих, обращает на себя внимание своеобразное поведение исходного **нг** основы в синтагме на стыке слов, а именно: в синтагме перед последующим словом даже с гласным началом этот исходный **нг** сохраняется, например, модонг оёор „деревянное дно“, үбгэнг аба „дед“, түргэнг ошохо „быстро пойти“ и т. д. аналогично сочетаниям типа сад и лес (сат и лес) в русском языке (см. стр. 61).

И, наконец, система согласных звуков бурятского языка имеет строгое деление на четыре артикуляционных ряда, фонематически противопоставляемых друг другу: согласные первой артикуляции, второй, третьей и четвертой. Первые три деления проходят по всем монгольским языкам. В системе этого фонематического деления звук **н** относится ко второй артикуляции, а **нг** — к третьей, следовательно, они противопоставляются фонематически.

Г. Четвертая артикуляция (фарингальная)

Фонема **һ** — фарингальный щелевой слабый твердый звук.

Артикулируется щелевой преградой, образованной между отодвинутым назад корнем языка и выпяченной нижней частью задней стенки глотки (фаринкса). А. Д. Руднев и другие исследователи бурятского языка определяют **һ**, согласно традиционной трактовке, как „гортанный“ звук. Однако данное выше описание, впервые определенное Л. В. Щербой¹, представляется более правильным.

Кимограммы **һ** в различных фонетических условиях дают глухие и звонкие варианты употребления, которые имеют строгую позиционную обусловленность: в начале слова произносится без участия голоса, в середине слова — с участием голоса, звонко. См. кимограммы глухих и звонких оттенков на стр. 46 рис. 12. Легкость озвончения **һ** в интервокальном положении, видимо, объясняется общей закономерностью слабых фонем.

Глухой оттенок по единодушному утверждению исследователей бурятского языка (Кастрен, Руднев, Санжеев и др.) напоминает немецкий **h**.

Второй оттенок — звонкий **һ** близок к украинскому звуку, графически обозначенному буквой „г“, например, в словах гора, огонь, богатый и т. д.

Примеры: һабар „лапы“, һуудал „скамейка“, һүүдэр „тень“, эһэн „сажа“, арһан „кожа“.

¹ См. М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику. Л., 1948, стр. 32, сноска 2.

II
Г Л А С Н Ы Е

Гласные звуки являются в основе своей музыкальными тонами¹, образующимися в отличие от согласных звуков беспреградной укладкой органов речи на пути относительно слабой воздушной струи при общем разлитом мускульном напряжении всего произносительного аппарата.

В гласных, как и во всяких музыкальных тонах, различаются высота тона, зависящая от частоты колебаний воздушных частиц, и сила тона, зависящая от амплитуды их колебаний.

Однако в общей фонетике давно установлено, что ни высота основного тона, ни сила его не определяют качество гласных как звуков человеческой речи. Их качество связано с дополнительными тонами, или обертонами, которые в фонетике обычно называются формантами. Возникновение формант гласных звуков объясняется двояко: а) форманты возникают вместе с основным тоном в гортани и усиливаются в надгортанных резонаторах; б) форманты возникают в надгортанных резонаторах. Неопределенность в решении вопроса не отражается существенно на практической стороне фонетики, потому что для нее важно в первую очередь то, что существенную роль играют в том и другом объяснении надгортанные полости — резонаторы различной формы и объема, что и кладется в основу описания и классификации гласных.

В фонетике известно два типа классификации гласных: физиологический и акустический.

Последний заключается в делении гласных по формантам, т. е. в определении характерных для каждого гласного формантных зон. Производится это в настоящее время довольно точно специальными аппаратами (спектрограф, осциллограф и т. п.)².

Наиболее практичной и потому наиболее распространенной является физиологическая классификация гласных звуков,

¹ В бурятском языке, как и во многих других языках, в определенных позициях возможны и глухие гласные; при шепотной речи все гласные являются глухими.

² Спектральный анализ гласных бурятского языка произвести пока не удалось по разным организационным причинам. Однако такой анализ является одной из ближайших задач исследований по фонетике бурятского языка.

т. е. деление гласных по положению произносительных органов, за которыми всегда имеется в виду образование различных по форме и объему резонаторов. Обычно под классификацией гласных понимается именно физиологическая классификация.

В истории языкознания известно несколько систем физиологической классификации, данных фонетистами разных школ.

Одной из наиболее распространенных является система классификации английского фонетиста Bell'a, которая применялась во всех основных работах по бурятскому и монгольскому языкам (также и по тюркским языкам). В частности, А. Д. Руднев в „Хори-бурятском говоре“ полностью проводит классификацию гласных по Bell'у, который делит гласные на три ряда по горизонтальному положению языка: передний (front), задний (back) и средний (mixed); и на три ряда по степени подъема: узкие (high), широкие (low) и средние (mid). По степени подъема Руднев выделял для бурятских гласных дополнительно четвертую ступень — „полуузкие“, куда относил долгий и краткий „э“.

Несмотря на уточнение дополнительным рядом, классификация А. Д. Руднева не отражает достаточно точно систему гласных бурятского языка. В частности, не учитывается форма языка в том или ином его положении в полости рта, которая, как будет показано ниже, имеет существенное значение для определения, следовательно, и классификации бурятских гласных.

Наиболее совершенной в этом отношении является классификационная система акад. Л. В. Щербы, в основу которой также кладутся положение языка по горизонтали и по степени подъема.

Отличительной особенностью системы Л. В. Щербы является четкое определение крайне верхнего положения языка и крайне нижнего, предельно переднего положения языка и предельно заднего положения. Все остальные положения языка представляют бесконечную гамму тончайших переходов, которые можно определить только по отношению к вышеуказанным четко определенным положениям языка.

При этом имеется в виду, что деления гласных по артикуляционным рядам и по степени подъема тесно связаны между собой. И фактически определение гласных в системе Щербы по четырем артикуляционным рядам — переднему, заднему, смешанному и центральному — основано на сочетании горизонтальных и вертикальных положений языка, при котором учитывается не только положение языка в той или иной части ротовой полости, но и его форма, также отражающаяся на характере резонатора, следовательно, на характере самих звуков. Деление гласных по четырем основным артикуляционным ря-

дам (см. ниже) проводится в отвлечении от признака огубленности.

Передний ряд. Язык всем своим телом занимает крайне переднее положение, кончик языка находится у нижних передних зубов¹; это переднее положение языка связано с общей тенденцией подъема средней части спинки языка по направлению к передней части твердого неба; в полости рта образуются два резонатора: сравнительно большой резонатор — за приподнятой средней частью языка и небольшой по объему — перед средней частью языка; объем и форма этих резонаторов изменяются в зависимости от степени подъема: предельно верхний подъем в этом ряду соответствует артикуляции кардинального „i“, предельно нижний подъем — кардинальному „a“. Остальные гласные переднего ряда располагаются между этими двумя кардинальными гласными в соответствии с различной степенью подъема средней части языка.

К этому ряду гласных в бурятском языке относятся: ии, и, ээ, э, аэ, а.

Примеры: иимэ „такой“, нидхэ „брови“, тээли „ось“, тэргэн „телега“, манаэ „наш“, бата „крепкий“ и т. д.

Задний ряд. Язык всем своим телом отходит назад, занимая крайне заднее положение; это положение тела языка связано с общей тенденцией подъема задней части спинки языка по направлению к задней части мягкого неба; перед поднятой в различной степени задней спинкой языка образуется сравнительно большой резонатор, изменяющийся в зависимости от степени подъема языка. Предельно верхний подъем в этом ряду соответствует артикуляции кардинальных гласных — огубленного у и неогубленного гласного этого подъема; предельно низкий — а. Остальные заднерядные гласные располагаются между ними, отличаясь друг от друга степенью подъема.

В бурятском языке к этому ряду гласных относятся уу, у, оо, о, аа.

Примеры: ууха „пить“, ухаа „каурый“, хооһон „пустой“, хорон „яд“, хааха „закрывать“.

Центральный ряд. Кроме переднего и заднего рядов, Л. В. Щерба выделял еще два основных артикуляционных ряда — смешанный и центральный, противопоставляя их друг другу в отличие от прежних фонетистов, иногда отождествлявших термины „смешанные“ и „центральные“². „Под центральными Л. В. понимал гласные, артикулируемые путем подъема средней части спинки языка к средней части неба, т. е. к границе между твердым и мягким небом“³.

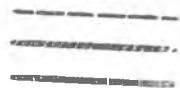
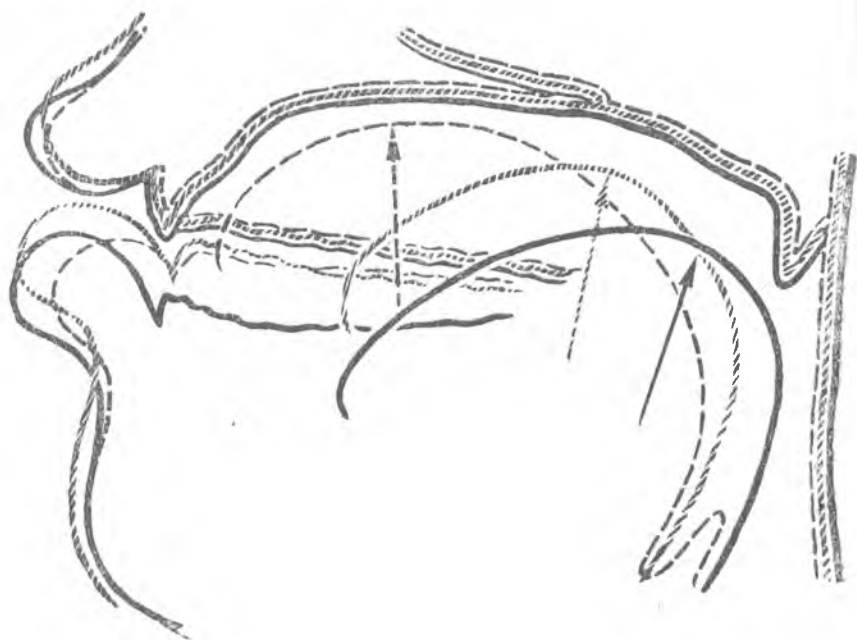
¹ При дорсальной артикуляции гласных, свойственной гласным бурятского языка.

² М. И. Матусевич. Л. В. Щерба как фонетик. Сб. „Памяти ак. Л. В. Щербы.“ Л., 1951, стр. 76.

³ Там же.

Однако отождествление средней части неба с границей твердого и мягкого неба не совсем точно, т. к. все небо делится на две неравные части: твердое небо, занимающее передние две трети всего неба, и мягкое небо, составляющее заднюю треть неба¹.

Рентгенограммы гласных показывают, что гласным переднего ряда свойственна общая тенденция подъема средней части языка к передней части твердого неба (т. е. к первой трети всего неба), а гласным переднего отодвинутого ряда — к задней части твердого неба (т. е. ко второй трети всего неба). Поэтому согласно второй части определения центральных гласных,

контур профиля языка при *ии*;
контур профиля языка при *yy*;
контур профиля языка при *уу*.

Рис 86.

данного М. И. Матусевич (см. выше), при артикуляции гласных центрального ряда средняя часть языка поднимается именно к границе твердого и мягкого неба.

¹ В. Н. Тонков. Учебник нормальной анатомии человека. Изд. 5, т. 1, Л., 1953, стр. 296.

На рис. 86 сопоставлены рентгенограммы бурятских гласных трех артикуляционных рядов: гласного переднего ряда **ии**, гласного центрального ряда **үү** и гласного заднего ряда **уу**.

В связи с подъемом средней части языка к границе твердого и мягкого неба, передняя часть языка вместе с кончиком отходит назад в соответствии со степенью подъема: чем выше подъем, тем больше отходит назад передняя часть языка. Это отодвигание передней части языка назад больше, чем даже при артикуляции соответствующих по подъему гласных заднего ряда.

Вместе с тем бурятские гласные центрального ряда очень близки по месту положения языка в полости рта с гласными заднего выдвинутого вперед ряда. Однако имеется существенное различие между ними в том, что при артикуляции последних поднимается задняя часть спинки языка, а при артикуляции центральных — средняя часть спинки языка. Это артикуляционное различие в свою очередь приводит к значительному акустическому различию между ними. Видимо, этим объясняется тот факт, что никто из исследователей монгольских языков вообще, бурятского в частности, не относил к гласным заднего образования звуки, классифицируемые в данной работе как центральные, а относили к так называемым средним. Некоторые исследователи считали их даже гласными переднего ряда.

Сказанное выше и рентгенографические материалы позволяют отнести к центральному ряду следующие гласные звуки современного бурятского языка: **үү**, **ү**, **өө**.

Примеры: **үүдэн** „дверь“, **үхэр** „бык“, **хөөһэн** „пена“ и т. д.

Смешанный ряд. Как и при образовании гласных центрального ряда, язык занимает по горизонтали среднюю часть в полости рта. Но в отличие от всех предыдущих рядов гласных, где тенденцию к подъему вверх имеет одна из частей спинки языка (средняя — при гласных переднего и центрального рядов, задняя — при гласных заднего ряда), при артикуляции гласных смешанного ряда тенденцию к подъему вверх имеет вся спинка языка. Одновременный подъем всей спинки языка придает языку равномерно выгнутый профиль. Таким образом, в полости рта нет деления на два резонатора, как при образовании трех вышеописанных рядов; образуется лишь один удлинённый резонатор, изменяющийся в зависимости от степени поднятия всей спинки языка.

В бурятском языке к смешанному ряду относится **оэ**, также близки к смешанным гласным некоторые редуцированные оттенки кратких гласных **э**, **о** и др.

Выше было отмечено, что только крайне верхние и крайне нижние положения языка дают четко фиксированную и сравнительно легко определяемую артикуляцию; все остальные положения по степени подъема всей спинки языка или ее частей представляют гамму незаметных переходов между этими крайними положениями языка и могут определяться весьма условно лишь по отношению к ним. Однако Л. В. Щерба по соображениям практической целесообразности наметил в этой беспрерывной гамме переходов подъема языка шесть ступеней, из которых первая и шестая совпадают с крайними по подъему положениями языка.

Чем выше степень подъема, тем более характерен профиль спинки языка для каждого артикуляционного ряда гласных. И наоборот, чем ниже степень подъема, тем менее характерен профиль языка; и примерно с пятой ступени подъема (отсчет идет сверху) уклады языка у гласных смешанного и центрального рядов совпадают. Они совпадают на этих ступенях также и с описанными ниже гласными пятых-шестых ступеней переднего отодвинутого назад, и заднего выдвинутого вперед рядов. Поэтому в классификационной таблице Щербы пятые и шестые ступени гласных смешанного и центрального рядов отсутствуют.

Кроме описанных четырёх основных артикуляционных рядов Л. В. Щерба намечает еще дополнительные ряды: передний, отодвинутый назад, задний выдвинутый вперед и смешанный выдвинутый вперед, подчеркивая этим относительный характер положений языка, определяющих тот или другой ряд гласных. Из дополнительно выделенных рядов для бурятского языка имеет значение передний отодвинутый назад, и задний выдвинутый вперед.

Передний отодвинутый назад ряд. Тело языка по сравнению с его общим положением при переднерядных гласных занимает несколько сдвинутое назад положение. Сохраняется общая тенденция подъема средней части языка, свойственная артикуляции гласных переднего ряда, но в отличие от последней в связи с отодвинутостью тела языка назад, средняя часть языка поднимается к задней части твердого неба (а не к передней части, как при произнесении гласных переднего ряда).

К гласным этого ряда относятся в бурятском языке некоторые оттенки фонем **ии, и, ээ, э, аа**.

Примеры: харгы „дорога“, хизаар „граница“, эхэ „мать“, хээрэ „поле, степь“.

Задний выдвинутый вперед ряд. Тело языка по сравнению с задним рядом отходит несколько вперед приблизительно до положения смешанного или центрального рядов, а задняя спинка языка почти сохраняет свое заднее положение.

ние. Сохраняется также общая для гласных заднего ряда тенденция подъема задней части языка к мягкому небу.

К этому ряду относятся выдвинутые вперед оттенки задних гласных фонем *уу, у, оо, о, а*.

Примеры: морин „лошадь“, уляһан „осина“, туулган „свинец“, ооля (собственное имя), аха „брат“.

1. Фонематические группы гласных бурятского языка

Выше было дано общefonетическое деление гласных бурятского языка по артикуляционным рядам и степени подъема без учета того, какую роль играют эти описанные фонетические признаки гласных по рядам в звуковой системе бурятского языка.

В фонематическом аспекте, т. е. с точки зрения роли звуков в различении смысла слов, у гласных звуков бурятского языка намечается три ряда. При этом в состав одного слова входят только гласные одного из двух первых рядов при нейтральном употреблении гласных третьего ряда. Эти три ряда не совпадают точно с четырьмя артикуляционными рядами, но, как будет показано ниже, опираются на них и своеобразно переплетаются с ними, регулируя по определенным правилам сочетание звуков в слове. Это явление установлено давно и известно под названием сингармонизма гласных звуков или просто гармонии гласных¹. Обычно гласные в тюркских языках в аспекте сингармонизма делятся на два ряда, а в монгольских языках — на три ряда. Специфика каждого языка при этом заключается в том, какие именно фонетические признаки по рядам лежат в основе сингармоничных рядов гласных звуков. Поэтому в задачи частной фонетики входит выявление фонетических признаков, лежащих в основе деления гласных по сингармоничным рядам, описание и объяснение их.

В монголоведческой традиции три фонетических ряда в аспекте сингармонизма гласных называются: 1) передним, 2) задним и 3) нейтральным рядами. Однако эти названия сингармоничных рядов неточно отражают действительную картину вокализма бурятского языка: как было уже отмечено, три фонематических ряда, хотя и опираются на четыре артикуляционных ряда, но не совпадают точно с ними и, например, гласные одного только переднего артикуляционного ряда в системе бурятского вокализма могут относиться ко всем трем фонематическим рядам. Целесообразно поэтому дать другие названия для трех фонематических рядов гласных звуков бурятского языка, не совпадающих с обозначением артикуляцион-

¹ Подробно о явлении сингармонизма см. на стр. 165—173.

ных рядов общefonетической (физиологической) классификации гласных. Из этих соображений Г. Д. Санжеев употребляет „монгольские термины эрэ „мужской“, эмэ „женский“ и саармаг „нейтральный“..., не считая их, как это делалось ранее, эквивалентными с терминами „задний“, „передний“ и „средний“¹. Термины „мужской“, „женский“ и „нейтральный“, хотя и имеют монгольскую грамматическую традицию, терминологически восходящую к тибетской, в общей фонетике не употребительны и вызывают иные ассоциации (ср. грамм. род).

В данной работе употребляются термины „мягкий“ и „твердый“ ряды, вместо употребляющихся в монголоведении неправильных терминов „передний“ и „задний“ ряды².

В современном бурятском языке, таким образом, существует фонематическое деление гласных по трем рядам (твердый, мягкий и нейтральный ряды), при котором гласные одного ряда фонематически противопоставляются гласным другого ряда. Эти три ряда вокализма в звуковой системе бурятского языка дают следующую картину взаимоотношения с четырьмя основными артикуляционными рядами физиологической классификации гласных:

1) Фонематическая группа гласных твердого ряда охватывает все существующие в бурятском языке гласные звуки заднего, заднего выдвинутого рядов и все гласные нижних подъемов (примерно 5-й и 6-й ступени) переднего и переднего отодвинутого рядов;

2) фонематическая группа гласных мягкого ряда охватывает все существующие в бурятском языке гласные звуки центрального ряда, гласные среднего подъема (примерно 3-й и 4-й ступеней) переднего и переднего отодвинутого рядов;

3) фонематическая группа гласных нейтрального ряда охватывает гласные верхнего подъема (примерно 1-й — 2-й ступеней) переднего и переднего отодвинутого рядов.

Дифтонги бурятского языка в аспекте сингармонизма распределяются по двум рядам — твердому и мягкому — по качеству более напряженного основного элемента в их составе **уи, аэ, оэ** относятся к твердому ряду, **үи** — к мягкому ряду.

Таким образом, все гласные звуки бурятского языка строго распределяются по трем рядам, образующим три противостоящие друг другу фонематические группы:

1. Твердый ряд: **уу, у, оо, о, аа, а, аэ, оэ, уи.**

¹ Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1, М., 1953, стр. 83.

² Термины „твердый“ и „мягкий“ ряды для монгольских языков в этом смысле были впервые употреблены А. Бобровниковым. См. его „Грамматику монгольско-калмыцкого языка“, Казань, 1949, стр. 6.

II. Мягкий ряд: үү, ү, өө, ээ, э, үи.

III. Нейтральный ряд: ии, и.

Положения языка по степени подъема в каждом артикуляционном ряду, о чем уже писалось, представляют гамму незаметных переходов, и определение гласных по этому положению, т. е. по степени подъема, может производиться весьма условно по отношению к предельно верхним и предельно нижним положениям языка.

Но наблюдения над употреблением бурятских гласных звуков различных подъемов в составе аффиксов позволяют сделать вывод о том, что в фонематическом отношении все гласные по степени подъема объединяются в две зоны, определяя, таким образом, две фонематические группы гласных звуков бурятского языка по степени подъема. Возьмем аффиксы -аар, -оор, -ээр, -өөр, которые, несмотря на различие в гласных звуках по подъему (-аа, -оо, -ээ, -өө), выступают в бурятском языке с одним грамматическим значением как показатели орудного падежа; употребление того или другого варианта аффикса определяется только законами сингармонизма: хада „гора“ в орудном падеже хадаар (аффик. -аар), модон „дерево“ — модоор (афф. -оор), тэргэн „телега“ — тэргээр (афф -ээр), түмэр „железо“ — түмэрөөр (афф. -өөр).

Перечисленным гласным аа, оо, ээ, өө противопоставляются гласные более высокого подъема уу, үү. Поэтому аффиксы — уур или үүр не могут быть показателями орудного падежа, хотя отличаются от вышеуказанных аффиксов орудн. пад. только своими гласными элементами; эти суффиксы имеют другое грамматическое значение — образуют имена существительные от глагола со значением орудия или результата действия¹. Например, от глагольной основы хада — „жать“ прибавлением аффикса — уур образуется имя существительное хадуур „серп“; от основы бүлэ — „сбивать (масло)“ — бүлүүр „маслобойка“ (афф — үүр) и т. д. Как видно из этих примеров, аффиксы, различающиеся гласными звуками уу и үү, выступают также с одним грамматическим значением.

Подобных примеров, где аффиксы с более открытыми гласными будут выступать с одним грамматическим значением, а аффиксы с более закрытыми гласными — с другим значением, можно привести большое количество. Например, аффиксы дат. пад. -да, -до, -дэ: ахада „брату“, мориндо „коню“, тэргэндэ „телеге“; аффиксы причастия будущего времени -ха, -хо, -хэ: гараха „выйдет“, ошохо „пойдет“, ерэхэ „придет“; аффиксы отглагольных прилагательных -уу, -үү: шамдаха „спешить“ — шамдуу „спешный“ (звучит как уу), хүхихэ „радоваться“, — хүхюү „веселый“ (как -үү); афф. отглагольных имен -аа, -оо, -ээ, -өө: халаха „отделяться“ — халаа „отросток, ветвь“, сомохо

¹ См. Грамматическое приложение к „Словарю...“ К. М. Черемисова.

„стоговать“ — **СОМОО** „стог“, **ДЭБИХЭ** „махать“ — **ДЭБЕЭ** (аффт. -ЭЭ) „взмах“, **ҮХЭХЭ** „взбираться в гору“ — **ҮХӨӨ** „подъем“ и т. д. Приведенные примеры со всей очевидностью показывают, что гласные более закрытые определяют состав аффиксов с одним грамматическим значением, а гласные более открытые — состав аффиксов с другим грамматическим значением. Таким образом, гласные более высоких подъемов противопоставляются гласным более низких подъемов.

Эти две группы можно назвать общепринятыми в монголоведении терминами узкие и широкие, придав им фонематическое значение как противопоставление одной группы гласных другой по степени подъема.

Узкие гласные охватывают все гласные верхних подъемов приблизительно 1—2 ступени по таблице Щербы: **ҮҮ, Ү, уу, у, ии, и**, дифтонги: **үи** и **уи**.

Широкие гласные охватывают все гласные средних и нижних подъемов, приблизительно с 3 по 6 ступеней по таблице Щербы: **аа, а, ээ, э, оо, о, өө** и дифтонги **аэ, оэ**.

Огубление. В бурятском языке, как и в других языках, различаются огубленные (лабиализованные) и неогубленные (нелабиализованные) гласные.

При образовании последних губы не принимают участия; передней границей резонатора являются зубы. К этой группе гласных в бурятском языке относятся: **аа, а, ээ, э, ии, и** и дифтонг **аэ**.

При образовании огубленных гласных губы сближаются друг с другом, в большей или меньшей степени выдвигаясь вперед, и образуют переднюю границу резонатора, следовательно, изменяют в той или иной мере его объем и форму. К этой группе относятся фонемы: **уу, у, үү, ү, өө, оо, о**, а также дифтонги с основным огубленным началом **үи, үи, оэ**.

Огубление гласных, как и согласных, определяется следующими моментами:

- 1) степень сближения губ между собой,
- 2) степень выпячивания губ вперед,
- 3) степень мускульного напряжения при этих работах,
- 4) формой отверстия между губами.

Из них первые три момента определяют степень огубления, а четвертый момент — характер огубления.

Все имеющиеся в бурятском языке огубленные гласные различаются друг от друга, помимо положения языка в полости рта, степенью и характером огубления. Различия в степени и характере огубления представляют также гамму незаметных переходов между различными огубленными гласными.

По характеру огубления можно выделить две группы: а) круглоогубленные, куда относятся все огубленные гласные мягкого ряда **үү, ү, өө** и начальный элемент дифтонга **үи**; плоскоогубленные, куда относятся все огубленные гласные

твердого ряда **уу, у, оо, о** и начальные элементы дифтонгов **уи** и **оэ**. Этому делению соответствуют две тенденции в изменении степени и характера огубления. Одна — от широкого более или менее круглого огубления к узкому круглому огублению приблизительно в следующей последовательности: **оо—у—у(и)—уу**; другая — от более широкого плоского огубления к более узкому плоскому огублению, приблизительно в такой последовательности: **о—о(э)—оо—у—у(и)—уу**. Эти две тенденции находятся в прямо пропорциональной зависимости по отношению к степени подъема гласных: чем выше гласный по степени подъема, тем огубление более сильное, и наоборот. Например, в группе круглоогубленных при **уу** происходит более сильное огубление по сравнению с другими гласными этой группы: губы сильно выпячиваются вперед, больше напрягаются¹ и образуют форму сильно суженного круглого отверстия; или в группе плоскоогубленных при **уу** губы выдвигаются вперед больше по сравнению с другими плоскоогубленными гласными, относительно больше напрягаются, образуя форму сильно суженного плоского отверстия. Остальные гласные в этой гамме последовательных переходов начинают все больше и больше уменьшать степень огубления, т. е. выпячивание губ вперед становится все меньше, соответственно ослабляется степень напряженности ртовых мышц, и отверстие между губами от более узкого постепенно превращается в более широкое в форме круглой и плоской щели. При гласных **о, оо, оэ, оо** огубление очень слабое, мало заметное простому визуальному наблюдению; губы, хотя и образуют переднюю границу резонатора (что является основным при огублении), мало выдвигаются вперед, и отверстие между ними сравнительно широкое. Это, видимо, дало повод А. Д. Рудневу причислить звуки **о, оо, оэ, оо** к группе нелабиализованных гласных². Разумеется, эти звуки к неогубленным относиться не могут. Делабиализация каждого из них при сохранении положения других артикулирующих органов дала бы совершенно другой звук; например, делабиализация **оо** дает звук близкий отодвинутому назад долгому **ээ**, или **о** дает звук близкий к редуцированному **а** и т. д.

У дифтонгов **уи, уи, оэ**, как уже указывалось, первые элементы **у—, у—, о—** являются огубленными гласными звуками. Звук **у (и)** по степени выпячивания губ вперед занимает примерно промежуточное положение между обычными **уу** и **у,**

¹ Что касается степени мускульного напряжения ртовых (губных) мышц, то гласные мягкого ряда (круглоогубленные) являются более напряженными, чем гласные твердого ряда (плоскоогубленные). Звук **оо** среди круглоогубленных является по степени напряженности самым слабым, но по отношению к плоскоогубленным является более напряженным даже по сравнению с **уу**, являющимся среди плоскоогубленных самым сильным.

² А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. II.

по напряженности и по степени сужения превосходит даже долгий үү, что, видимо, объясняется влиянием последующего его второго элемента и. Поэтому этот дифтонг очень сильно лабиализует предшествующий согласный (см. выше, стр. 54), звук у(и) по степени и характеру огубления находится примерно между уу и у, а о(э) между оо и о.

Таким образом, у огубленных гласных современного бурятского языка можно выявить до некоторой степени схематизированно два типа огубления:

1. Круглое огубление, более напряженное.
2. Плоское огубление, менее напряженное.

К первому типу относятся: үү, ү, ү(и), өө;

Ко второму типу — уу, у, у(и), оо, о, о(э).

Огубленность и неогубленность гласных в бурятском языке играет существенную фонематическую роль, так как они могут служить основанием для различения фонем, а что касается различия в степени и характере огубления, то они могут иметь результатом лишь различие в оттенках.

Все гласные фонемы бурятского языка по характеру их артикуляции можно разделить на простые гласные (монофтонги) и сложные гласные (дифтонги и дифтонгоиды).

Первые произносятся при однородном укладе органов речи на всем или почти на всем протяжении звучания, что и определяет общее качество этой группы гласных звуков. Кратковременные переходные уклады перед или после основного уклада, обусловленные артикуляцией соседних согласных, не играют существенной роли в качестве гласных фонем. В современном бурятском языке к монофтонгам относятся все крапкие и долгие фонемы: а, аа, о, оо, у, уу, э, ээ, ү, үү, өө, и, ии.

Дифтонги¹, или двугласные, а также дифтонгоиды¹ произносятся при разнородных, последовательно сменяющих друг друга укладах органов речи; гласный начинается одним качеством с характерным для него укладом и переходит в другое качество с соответствующим изменением уклада. И это сложное сочетание артикуляции с обусловленными ими акустическими эффектами используется в языке как одна звуковая единица — фонема, поэтому в бурятском языке между этими качественно различными элементами дифтонга нельзя провести морфологическую границу.

Вместе с тем для бурятских гласных сложной артикуляции характерна тенденция к сближению разнородных укладов в их артикуляции вплоть до полного их слияния во времени. Иначе говоря, дифтонги и дифтонгоиды превращаются в монофтонги — в гласные с одной простой укладкой. Причем, такое слияние разнородных укладов в однородный соответствующий

¹ М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику. Л., 1948, стр. 60—61.

щим образом отражается на акустическом эффекте¹. Например, дифтонг **аэ**, в котором исторически, очевидно, начальным элементом был „а“, конечным — „і“, в бурятском языке, особенно в непервых слогах, развился в долгий монофтонг **а**; произошло сближение укладов во времени вплоть до полного слияния. Начальный широкий „а“ под влиянием конечного узкого **і**-образного звука становится более высоким по подъему, элемент „і“ под влиянием начального широкого элемента становится более открытым, и в результате в бурятском языке имеем дифтонг **аэ**, который часто проявляется просто как долгий монофтонг **а**.

Аналогичная эволюция происходит с дифтонгом, который частично в непервых слогах артикулируется как долгий монофтонг **о**; исторически этот дифтонг, видимо, представлял сочетание „о“ и „і“.

Однако процесс монофтонгизации у отдельных дифтонгов зашел очень далеко, и в результате в бурятском языке на основе исходных дифтонгов образовались качественно различные звуки, частично совпадающие с соответствующими по укладу долгими монофтонгами.

Исторический дифтонг **еі**² в первом слоге бурятских слов развился в долгий **ии**, в непервых слогах развился в долгий **ээ**. В последнем случае он фонематически совпал с соответствующим долгим монофтонгом **ээ**. Например, ст. п. монг. *teuimü* „такой“ дало в бурятском **тиимэ** „id“, ст. п. монг. *ger-tei* „с юртой“ дало в бурятском **гэртээ** что орфографически обозначается **гэртэй** „id“.

Исторический дифтонг **иі** в первом слоге бурятских слов сохранился как дифтонг **уи**, в непервых слогах по диалектам частично развился в долгий монофтонг **ии**, частично сохранился как дифтонг **уи**. Например, ст. п. монг. *γuixu* „просить“ дало в бурятском **гуиха** „id“, ст. п. монг. *xigiyangγui* „краткий“ дало в бурятском по диалектам хурянгий — хуряангуи, что орфографически унифицированно передается **хуряангы** „id“.

Исторический дифтонг **иі** в первом слоге также сохранился как дифтонг **үи**, в непервых слогах развился в **ии**, сов-

¹ Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1, М., 1953, стр. 80—81.

² Вопрос о том, в старописьменном монгольском языке (точнее в диалекте, легшем в основу этого языка) сочетание букв типа *ayü*, *eyü* и т. д. внутри слова, *ai*, *ei* и т. д. в исходе слова обозначали дифтонги или сочетание звуков, остается невыясненным в монголоведении до сих пор (см. Г. И. Рамstedt. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. СПб., 1908, стр. 29). А поэтому в данной работе чисто условно, опираясь на данные современных монгольских языков, допускается толкование этих буквенных сочетаний как дифтонгов типа *ai*, *ei* и т. д., как некоторые переходные состояния независимо от их более древних состояний, обозначаемых указанными буквенными сочетаниями.

пав, таким образом, с дериватом дифтонга *иі* в первом слоге (см. выше), но по диалектам сохранился и как *үи*. Например, ст. п. монг. *цүйле* „деятельность“ дало в бурятском *үилэ* „id“; ст. п. монг. *үгүи* „нет“ дало в бурятском *үгии* — *үгүи* „id“.

Итак, учитывая вышесказанное, можно говорить о четырех дифтонгах в современном бурятском языке *аэ, оэ, уи, үи* как об особой фонематической группе в системе гласных звуков.

Эти дифтонги, как и монофтонги, можно разделить на широкие *аэ, оэ* и узкие *уи, үи* по их первым элементам, учитывая также их функции в образовании слов и морфем. В современном бурятском языке эти дифтонги орфографически обозначаются: *аэ* как „ай“, *оэ* как „ой“, *уи* как „уй“, *үи* как „үй“; исторический *еі*, который утратил в современном бурятском языке свой дифтонговый характер, обозначается орфографически как „эй“; он относится к группе широких гласных и грамматически выполняет однородную функцию с дифтонгами *ай* (*аэ*) и *ой* (*оэ*). В образовании оболочек морфем эти широкие дифтонги соответствуют друг другу функционально, и, чередуясь между собой по законам сингармонизма, противопоставляются узким дифтонгам. Например, оболочки аффиксов род. п. имен существительных на — *н* формируются широкими дифтонгами (и бывшим дифтонгом *эй*), но ни в коем случае не узкими: *саһан* „снег“ — *саһанай*; *морин* „лошадь“ — *мориной*, *хүн* „человек“ — *хүнэй*; точно также в состав оболочек аффиксов отыменных прилагательных входят только широкие дифтонги (также — *эй*), а не узкие; *гурбан* „три“ — *гурбатай* „трехлетний“, *долоон* „семь“ — *долоотой* „семилетний“, *нэгэн* „один“ — *нэгэтэй* „однолетний“ и т. д. и т. п.

Все изложенное показывает наличие ярко выраженной тенденции исторических дифтонгов к монофтонгизации. Дифтонги *уи, үи* сохранились лишь в первых слогах; последний из них и в первом слоге иногда произносится как долгий монофтонг „и“. Дифтонги *аэ, оэ* артикулируются и как дифтонги, и как долгие монофтонги *а, о*. А другие полностью потеряли дифтонговый характер, качественно совпав с существующими в языке монофтонгами, например, исторический *еі*, который артикулируется просто как *ээ*.

Итак, в современном бурятском языке можно говорить только о четырех дифтонгах: *аэ, оэ, уи, үи*.

Длительность. Количественная характеристика гласных звуков бурятского языка, в отличие, например, от русского языка, служит основанием для различения фонем, т. е. используется как фонематический признак, позволяющий различать гласные с относительно небольшой длительностью от соответствующих им качественно гласных звуков с относительно большей длительностью.

Однако известны случаи, когда в некоторых языках существует противоположение гласных по трем степеням длительности. В частности, в эстонском языке все гласные в количественном отношении делятся на краткие, долгие и сверхдолгие, где каждая степень длительности „имеет ярко выраженное смысловозначительное значение“, например, *koli* „хлам“, *kooli* (o-долгое) „школы“, *kooli* (o-сверхдолгое) „в школу“, *sada* „сто“, *saada* (a-долгое) „пришли“, *saada* (a-сверхдолгое) „получить“¹ и т. д.

Наиболее обычным является противоположение двух степеней длительности — долгих и кратких.

Но также существует много языков, где отсутствует фонематическое противопоставление гласных звуков по длительности и где разная степень длительности зависит только от фонетических условий. В этих языках различные степени длительности звуков носят оттенокый характер.

В системе вокализма бурятского языка количественная сторона имеет фонематическое значение, противопоставляющее долгие гласные кратким.

Учитывается при этом, что признак длительности звуков сам по себе явление относительное, ибо в языке на самом деле нет четко определенных абсолютных границ между различными степенями длительности. Наоборот, количественный признак гласных представляет собой гамму различных длительностей. Кроме того, долгота одних и тех же гласных меняется в зависимости от позиционно-комбинаторных условий, темпа речи и других причин.

Тем не менее, в бурятском языке в этой гамме длительностей выделяется зона длительностей кратких гласных и зона длительностей долгих гласных фонем. Однако и это деление является до некоторой степени относительным, так как в определенных фонетических условиях краткие гласные произносятся с такой же длительностью, как долгие в других условиях, например, при произнесении слов по слогам с намеренным скандированием и т. д. Но при произнесении слов в одном темпе долгие гласные в них резко отличаются по длительности от соответствующих кратких, превышая последние примерно в два и больше раза. Это особенно рельефно выделяется, когда долгие и краткие гласные встречаются в одном слове. Например, *таха* „подкова“ может быть произнесено по слогам *таа-хаа* с сохранением того же содержания; если же произнести первый слог, намеренно удлинив его гласный примерно в два раза по сравнению с гласными второго слога, то изменится содержание слова, так как за оболочкой *тааха* в бурятском языке закреплено значение „отгадывать“.

¹ Э. Пялль. Учебник эстонского языка. Таллин, 1955, § 8, стр. 20.

Различная степень длительности гласных бурятского языка обуславливается разными причинами, однако, деление на долгие и краткие не зависит от живых фонетических закономерностей, а является исторически установившимся в языке фактом, который используется в качестве фонематического признака гласных фонем бурятского языка.

Различные же степени длительности в зоне долгих или в зоне кратких обусловлены чисто фонетическими причинами. Долгота обуславливается позицией гласного в слове: долгота первослогового гласного отличается от долгот непervasлоговых гласных; долгота строго обуславливается количеством слогов слова: в многосложных словах гласные короче, чем соответствующие гласные в словах, состоящих из одного или двух слогов; большое влияние на длительность гласного имеет закрытость и открытость слога: в открытых слогах гласные длиннее, чем в закрытых слогах. Длительность зависит также от самого качества гласных: открытые краткие гласные длиннее, чем закрытые краткие. На длительность гласных отражается также их сочетание с теми или другими согласными: после щелевых согласных гласный оказывается длиннее, а после смычных согласных короче и т. д.

Все эти различные причины, обуславливающие длительность гласных, требуют отдельных измерений и вычислений. И для более объективных результатов этих измерений требуется производить их не менее чем 10 раз на каждый конкретный случай по кимографическим записям у нескольких лиц.

Исследование длительности бурятских гласных производилось в лаборатории экспериментальной фонетики им. акад. Щербы при ЛГУ на большом кимографе при малой скорости вращения (145 мм/сек.). Скорость вращения вала проверялась электрокамертоном со стандартной частотой колебания 100 герц.

В результате измерений получены длительности гласных, выраженные в сигмах (сигма—0,01 сек), т. е. в абсолютном выражении.

Так как длительность гласных зависит от многих причин, о которых говорилось выше, в частности от индивидуальных особенностей речи и от темпа ее, то абсолютные выражения длительности в сигмах у одного и того же гласного в одних и тех же фонетических условиях дают самые различные результаты со значительным расхождением между ними с разницей до десяти и больше сигм.

Это говорит о больших вариациях в абсолютной длительности одного и того же гласного в одних и тех же фонетических условиях как в произношении одного человека в зависимости от темпа его речи, так особенно в произношении разных людей, в зависимости от их индивидуальных особенностей речи (одним свойственен более медленный темп речи, дру

гим — более быстрый темп речи). Кроме того, могут встретиться в записях и случайные отклонения, зависящие от возможных внешних причин. Поэтому для получения более или менее достоверных данных в фонетической практике выводятся средние арифметические нескольких измерений, выражающихся в сигмах. Эти средние величины и характеризуют длительность данного гласного в данном конкретном фонетическом условии. Однако эти абсолютные выражения средних длительностей звуков в сигмах практически мало удобны. Данные разных испытуемых будут давать различные результаты, и практически трудно сопоставимы числа трех-четырёхзначные.

Поэтому более удобным и наглядным является выражение средних длительностей звуков в отношениях, т. е. сравнение всех средних длительностей по отношению к одной из длительностей, принятой за единицу. В этом случае, например, вместо средних абсолютных данных 11,1 сигма для гласного э и 34,1 сигма для гласного ээ в слове элээ, будут даны относительные данные в виде 1 для э и 3 для ээ. Эти относительные цифры также выводятся из средних данных. При таком методе выражения длительности гласных при записях у различных испытуемых при различных темпах их произношения будут получены одинаковые цифры в отношениях, потому что несмотря на различные абсолютные данные, отношения между ними остаются одними и теми же. В результате, при помощи этих отношений можно получить общую картину системы длительностей, свойственных данному языку. Само собой разумеется, что эти отношения выводятся на основе абсолютных данных, т. е. из длительностей гласных, выраженных в сигмах.

Предварительная работа в этом направлении показала, что исследование количественной стороны гласных звуков бурятского языка может дать ключ к разрешению многих вопросов, касающихся различных закономерностей в изменении и пр. исхождении звуков и даже некоторых морфем. В результате измерений подтверждаются многие слуховые наблюдения Г. Д. Санжеева в области бурятского и других монгольских языков. Вычисления показали также, что деление бурятского вокализма на краткие и долгие при записи с максимальным учетом одинаковых условий эксперимента дает отношение кратких к долгим как 1:2,5; 1:2,7 и т. д.

Однако еще многие намечающиеся закономерности в этом направлении остаются не подкрепленными достаточным количеством измерений, и поэтому многие явления пока остаются в гипотезах.

Как указывалось выше, в данной работе не ставилась задача исследования количественной стороны гласных звуков, а основная цель сводилась к определению качественной характеристики звуков современного бурятского языка.

Вместе с тем, наличие ценных методических и теоретических пособий акад. Л. В. Щербы по исследованию количественной стороны звуков и работ по частной и общей фонетике Л. Р. Зиндера и М. И. Матусевич, также наличие образцовых работ в области исследования количественной стороны гласных, как „Фонетика таджикского языка“ В. С. Соколовой и, наконец, имеющаяся при филологическом факультете ЛГУ прекрасная лаборатория экспериментальной фонетики со всеми необходимыми аппаратами для подобных работ, дают возможность широкого и полного исследования в области количественных изменений бурятского вокализма по намеченному плану. Это и является ближайшей задачей — продолжением фонетического исследования современного бурятского языка.

Фонематическое противоположение долгих и кратких гласных в бурятском языке очевидно, и это нашло отражение в современной бурятской графике.

К кратким гласным фонемам относятся: а, о, э, и, у, ү.

К долгим гласным фонемам относятся: аа, оо, ээ, ии, уу, үү, өө.

Самостоятельную группу в этом отношении составляют бурятские дифтонги, представленные четырьмя фонемами аэ, оэ, уи, үи, которые по длительности почти не отличаются от долгих фонем, т. е. являются в количественном отношении долгими.

Краткие и долгие гласные находятся в определенной связи и группируются в пары, но тем не менее их фонематическая самостоятельность вполне очевидна и легко может быть доказана на парах слов, где краткие гласные и соответствующие им долгие, выступая в одинаковых фонетических условиях, служат основанием для различения слов и морфем.

Примеры: а — аа таха „подкова“ — тааха „отгадывать“, о — оо боро „серый“ — бороо „дождь“, э — ээ дэрэ „изголовье, подушка“ — дээрэ „наверху“, у — уу ула „подошва“ — уула „гора“, ү — үү шүдэр „пути“ — шүүдэр „роса“, и — ии һориho „испытывать“ — һориho „гримасничать“.

Противоположение звуков а—аа, о—оо, э—ээ, у—уу, ү—үү, и—ии основывается на количественном различии, хотя к этому прибавляются также качественные различия как степень открытости и закрытости, степень напряженности и т. д.

Из пар противоположений в этой группе выделяется долгое өө, не имеющее себе краткой пары, которое при этом не смешивается с другими гласными фонемами благодаря своему особому качеству.

Напряженность и ненапряженность. Большая или меньшая степень мускульного напряжения произносительного аппарата при образовании гласных звуков в различной степени влияет на тембровую характеристику гласного. Зву-

ки, образованные при большем мускульном напряжении речевых органов, т. е. более напряженные, характеризуются более четким и ярким звучанием, в отличие от менее напряженных, характеризующихся менее четким, неопределенным звучанием¹.

Учение о напряженности и ненапряженности в трактовке Л. В. Щербы имеет существенное значение в определении общего характера вокализма разных языков². Например, вокализм бурятского языка отличается меньшей напряженностью даже по сравнению с русским вокализмом, который, как определяет Л. В. Щерба, оказывается значительно менее напряженным, чем гласные фонемы французского языка³.

Вместе с тем, существует различие в степени напряженности внутри состава гласных бурятского языка. Во-первых, все долгие гласные бурятского языка являются более напряженными по отношению к кратким гласным. А Д. Руднев различал их как „narrow“ и „wide“, специально объясняя в примечании, что „... во всех случаях различие бурхор (хоринский диалект бурятского языка — И. Б.) пар wide и narrow при одинаковых остальных условиях, заключается исключительно в ненапряженности и напряженности их...“⁴

Во-вторых, все краткие гласные первого слога являются более напряженными по сравнению с краткими же гласными непервого слога. Иначе говоря, все краткие гласные непервых слогов произносятся при очень слабом мускульном напряжении стенок резонирующей полости и, следовательно, с менее четким акустическим эффектом, чем гласные первых слогов.

Это различие в бурятском языке определяет редукцию гласных — широко распространенное явление в монгольских языках вообще. Многие исследователи бурятского языка отождествляют это явление с количественной редукцией, выделяя в группе кратких гласных еще редуцированные „сверхкраткие“, или, по терминологии других, краткие гласные подразделяются на „нормальные“ (нередуцированные) и „краткие“ (редуцированные). На самом деле измерение длительности кратких гласных бурятского языка в различных позициях, по данным кимограмм, показывает, что количественная редукция наличествует не во всех непервослоговых позициях кратких гласных. Наоборот, конечные редуцированные гласные оказываются длиннее, чем первослоговые нередуцированные гласные. (Об этом см. выше).

¹ Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912, § 46, стр. 74—76.

² М. И. Матусевич. Л. В. Щерба как фонетик. Сб. памяти акад. Л. В. Щербы. Л., 1951, стр. 78.

³ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 76.

⁴ А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. 1.

Таким образом, выделенные многими исследователями бурятского языка три категории гласных звуков: 1) долгие, 2) нормальные и 3) краткие по количественному соотношению не являются только количественной дифференциацией.

Долгие и краткие дифференцируются действительно по длительности, мало отличаясь качественно, а так называемые краткие и сверхкраткие, или, как еще говорят, „нормальные“ и краткие различаются в основном не по длительности, что также имеет место в определенных фонетических условиях (см. ниже), а по степени мускульного напряжения резонирующих полостей.

По определению Л. В. Щербы, „напряженные“ звуки звучат ясно и качественно определено; в ненапряженных — качество согласного как-то скрадывается, и они звучат до некоторой степени безразлично¹. Такое определение вполне приемлемо к характеристике нередуцированных и редуцированных кратких бурятских гласных, которые довольно четко различаются друг от друга. Поэтому многие исследователи предлагали выделить третью категорию гласных „неполного образования“ и свести все гласные непервого слога, по крайней мере, к двум гласным — к редуцированным а и э, согласно закону сингармонизма. Действительно, в акустическом аспекте существует такое различие между краткими гласными первого и непервого слогов. Все краткие гласные непервых слогов близки между собой в том смысле, что звучат не отчетливо, грубо говоря, объединяются качеством неопределенности их акустического эффекта. Исходя из этого, ряд бурятоведов выделяли отдельную фонематическую группу редуцированных гласных. Однако при более напряженном, намеренно отчетливом произношении этих гласных получается определенный звук, соответствующий по гармонии гласных нередуцированным а, э, о и. Например, в слове тэбэрхэ все три э различны, особенно отличаются по качеству первослоговое э от последующих э. Но это слово можно произнести и намеренно подчеркивая гласные во всех слогах, как тэ-бэр-хэ, т. е. так, что во всех слогах будет произноситься один и тот же гласный, равный первослоговому э, и это никак не будет отражаться на смысловой стороне слова, что, видимо, дало повод исследователям противоположной точки зрения (Санжеев и др.) считать редуцированные гласные оттенками соответствующих им кратких гласных. Краткие гласные современного бурятского языка произносятся отчетливо только в первых ударных слогах, а в непервых слогах произносятся неопределенно. Но тем не менее, как видно из только что приведенного примера, непервослоговые могут быть произнесены также отчетливо.

¹ Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912, стр. 76.

Гласные непервых слогов не осознаются носителями языка как особые самостоятельные звуки, а отождествляются с соответствующими первослоговыми гласными, т. е. являются оттенками фонем.

Таким образом, с точки зрения последних, бурятские гласные фонемы, как и русские, фонематически не различаются по степени напряженности. Это подтверждается и тем, что бурятские долгие гласные, которые по отношению к кратким являются более напряженными, можно произнести значительно ослабляя мускульное напряжение речевых органов, что также не будет влиять на смысл слова. Значит долгие и краткие дифференцируются с фонематической точки зрения по количеству, а не по степени напряженности. И краткие гласные непервых слогов могут быть, как уже видно из изложенного, произнесены ненапряженно и напряженно (как и первослоговые гласные), что также не отразится на смысловой стороне слова.

Кроме того, появление редуцированных и нередуцированных гласных строго обусловлено фонетическим положением.

Все изложенное позволяет говорить о 17 гласных фонемах в современном бурятском языке: **а, аа, о, оо, э, ээ, и, ии, у, уу, ү, үү, өө, аэ, оэ, уи, үи.**

Эти фонемы образуют определенную систему фонематических групп. В зависимости от основания деления одни и те же фонемы попадают в различные фонематические группы.

I.

1. Твердоярдные: **а, аа, о, оо, у, уу, аэ, оэ, уи.**
2. Мягкорядные: **э, ээ, ү, үү, өө, үи.**
3. Нейтральнорядные: **и, ии.**

Основание деления — традиционная сочетаемость в одном слове.

II.

1. Широкие: **а, аа, о, оо, э, ээ, өө, аэ, оэ.**
2. Узкие: **у, уу, ү, үү, и, ии, уи, үи.**

Основание деления — степени подъема языка.

III.

1. Неогубленные: **а, аа, э, ээ, и, ии, аэ.**
2. Огубленные: **о, оо, у, уу, ү, үү, өө, оэ, уи, үи.**

Основание деления — работа губ.

IV.

1. Монофтонги: а, аа, о, оо, э, ээ, и, ии, у, уу, ү, үү, өө.

2. Дифтонги: аэ, оэ, уи, үи.

Основание деления — характер сочетания отдельных работ артикулирующих органов в образовании гласных (одновременность и разновременность).

V.

Монофтонги делятся на

1. Краткие: а, о, э, и, у, ү.

2. Долгие: аа, оо, ээ, ии, уу, үү, өө.

Основание деления — относительная длительность.

Система гласных фонем может быть иллюстрирована в следующей таблице:

		твердый ряд		мягкий ряд		нейтральн. ряд
		неогубленн.	огубл.	неогубленн.	огубл.	неогубленн.
широкие	краткие	а	о	э	—	—
	долгие	аа	оо	ээ	өө	—
узкие	краткие	—	у	—	ү	и
	долгие	—	уу	—	үү	ии

Примечание: В таблицу не включены дифтонги аэ, оэ, уи, үи; первые два относятся к группе широких гласных, а уи и үи к группе узких; дифтонг үи относится к мягкому ряду, а остальные три—к твердому ряду.

2. Описание гласных фонем бурятского языка

Описание гласных фонем дается в порядке трех сингармоничных рядов: гласные твердого, мягкого и нейтрального рядов. Внутри каждой группы звуки описываются отдельно: сначала неогубленные, затем огубленные и в конце дифтонги с последующим делением монофтонгов на краткие и долгие.

Обычный порядок расположения материала в частных фонетиках — передние, задние, смешанные — не соответствует фонетической системе бурятского языка, где оттенки одной и той же фонемы могут относиться к различным фонетическим рядам.

При описании отдельных звуков дается, согласно установившейся традиции в фонетике, характеристика положения основных артикулирующих органов (языка и губ); за этими положениями, разумеется, всегда имеется в виду образование различных резонаторов, свойственных тому или иному гласному звуку.

Описание гласных основывалось, главным образом, на рентгенограммах, лишь в некоторых случаях для корректировки данных рентгенограмм привлекался палатографический метод. А общим фоном для объективно-экспериментальных методов, естественно, был всегда субъективно-слуховой метод.

А. Гласные фонемы твердого ряда

Фонема **а** — твердоярдный широкий неогубленный краткий монофтонг.

В бурятском языке фонема **а** по сравнению с другими гласными фонемами является гласным самого низкого подъема и может быть более передним и более задним по горизонтальному положению языка в зависимости от влияния сочетающихся с ней согласных.

При сочетании с согласными первой и второй артикуляции краткий **а** артикулируется при предельно нижнем и крайне переднем положении языка; тело языка лежит плоско на дне полости рта, кончик его упирается в нижние резцы, отчего, видимо, появляется небольшой прогиб на передней спинке языка (см. рис. 87), т. е. гласный носит несколько апикальный характер; при сочетании с мягкими согласными употребляется также передний, но более закрытый **а**, при котором несколько приподнимается передняя и средняя части спинки языка (см.

рис. 88). Сопоставление рентгенограмм этих артикуляций (рис. 87 и 88) показывает очень незначительную разницу, которая, однако, влияет на акустический эффект: при соседстве с мягкими согласными **а** имеет несколько высокий характерный тон (тембр), чем при сочетании с твердыми согласными.

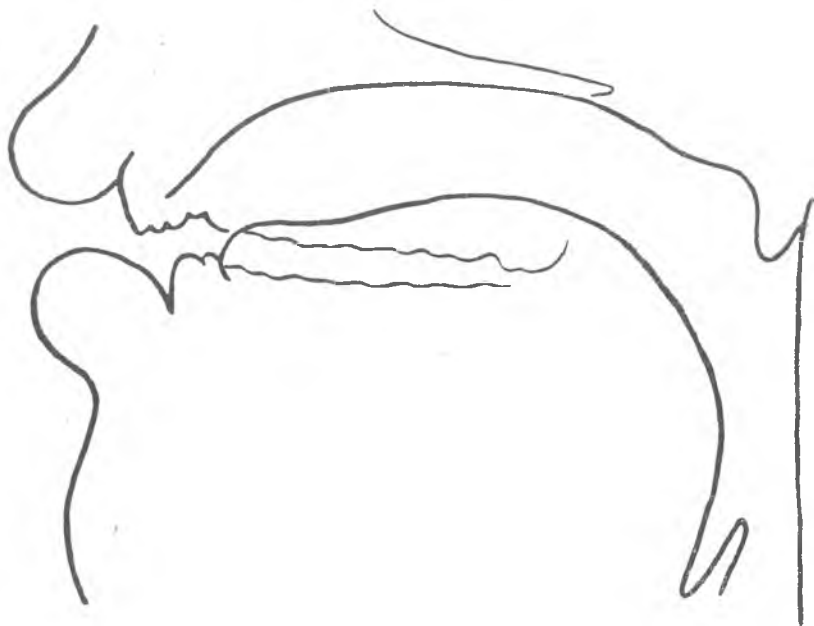

Рис. 87.

В словах типа **баха, даха, таха, хабар, гар**, т. е. в позиции между согласными первой-второй и третьей артикуляций, **а** произносится с легким скольжением от более переднего положения языка к более заднему, или наоборот. Однако, нужно заметить, что влияние **увулярных**¹ согласных более сильное, и в таких случаях фонема **а** на большем протяжении своего звучания является гласным более задней артикуляции. И вообще, бурятский краткий **а** имеет тенденцию к задней артикуляции, например, изолированное произнесение **а** обязательно дает заднерядный гласный. Это, очевидно, дало повод многим бурятоведам, в частности А. Д. Рудневу, считать бу-

¹ В словах твердого ряда вообще, в частности при сочетании с **а**, из согласных фонем третьей артикуляции употребляются только увулярные оттенки. (Подробно см. стр. 59).

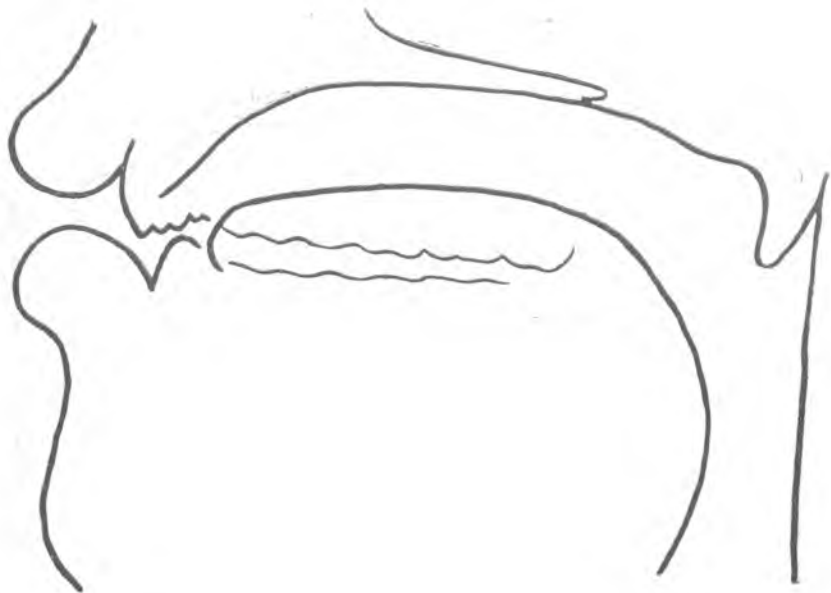

Рис. 88.

рятский **а** гласным заднего ряда вообще. Тем не менее, это определение фонемы **а** не точно, так как у ней имеются среди других и переднерядные оттенки (см. рис. 87 и 88).

При образовании заднего **а** тело языка заметно отходит назад, занимая, однако, несколько более переднее положение, чем кардинальный предельно задний „**а**“ классификации Л. В. Щербы; употребляется он при непосредственном сочетании с увулярными оттенками согласных третьей артикуляции и фарингальным **н** (см. рис. 89).

Все вышеуказанные разновидности фонемы **а** встречаются только в первых ударенных слогах. В непервых слогах все краткие фонемы употребляются только в редуцированных оттенках.

При артикуляции редуцированного оттенка фонемы **а** язык занимает более высокое положение по степени подъема, чем при нередуцированных оттенках, и приблизительно соответствует четвертой ступени кардинальных гласных по таблице Л. В. Щербы. Некоторый подъем языка, видимо, объясняется тем, что, в связи с ослаблением мускулов произносительных органов, в частности мышц языка, появляется тенденция к обычному положению языка, т. е. к положению покоя. Как

Рис. 89.7

известно, при состоянии покоя язык заполняет всю полость рта, почти соприкасаясь с небом. По артикуляционному ряду трудно установить более или менее определенное положение языка при редуцированных оттенках, и оно не поддается точному рентгенографированию, потому что почти невозможно дать точное изолированное его произнесение; чтобы это сделать необходима специальная натренированность.

Резюмируя все изложенное о фонеме а, можно обобщенно наметить следующие обязательные оттенки ее:

1) переднерядный, самый низкий по подъему, относительно напряженный; употребляется в первом слоге при обязательном отсутствии непосредственного соседства увулярных и фарингальных согласных: тарган „жирный“, арбан „десять“, бата „крепкий“;

2) переднерядный, более закрытый, чем первый оттенок, также относительно напряженный; употребляется в первом слоге в сочетании с мягкими согласными: амин „дыхание“, м'ахан (мяхан) „мясо“, танил „знакомство“.

3) Заднего выдвинутого вперед ряда, низкого подъема; относительно напряженный; употребляется в первом слоге в непосредственном сочетании с увулярными и фарингальными согласными: хара „черный“, баха „лягушка“, хахал „борода“;

4) редуцированный ненапряженный; употребляется в непрерывных слогах твердорядных слов после краткого или долгого „а“ и краткого или долгого „у“ в первом слоге. Примеры выше.

Фонема **аа** — твердорядный широкий неогубленный долгий монофтонг.

Рентгенограммы артикуляций долгого **аа** в различных фонетических условиях позволяют судить о двух оттенках, довольно четко различающихся по положению языка: первый — переднего, отодвинутого назад ряда, второй — заднего ряда.

Первый употребляется при сочетании с согласными первой и второй артикуляции; образуется при предельно нижнем и несколько отодвинутом назад по сравнению с переднерядным кратким **а** положении языка (см. рис. 90).

Рис. 90.

Второй оттенок употребляется при сочетании с увулярными и фарингальными согласными; при его артикуляции тело языка отходит глубоко назад, занимая, таким образом, предельно заднее и нижнее положение (см. рис. 91).

Влияние мягких согласных на долгий **аа** менее значительно, чем на соответствующую краткую фонему. Рентгенограм-

Рис. 91.

Рис. 92.

мы иногда фиксируют незначительный подъем передней и средней части спинки языка. (см. рис. 90 и 92).

Акустически они почти не различаются, заметен лишь кратковременный переходный „и“-образный звук в начале или конце **аа** в зависимости от позиции мягкого согласного по отношению к **аа**.

Обычно долгие **аа**, как это видно из рентгенограмм, произносятся при большем челюстном растворе, чем соответствующие им краткие. Но это не имеет существенного значения в звукообразовании, так как в принципе возможна артикуляция любых долгих гласных с таким же челюстным раствором, как и краткие гласные. Возможно произнесение и кратких гласных при максимально опущенной челюсти, что также не отразится на облике слова. Это объясняется тем, что для гласных „а“ и вообще гласных нижняя стенка или стенка ротовых резонаторов определяется положением языка.

А. Д. Руднев определяет долгий **аа** как „low-back-narrow“ и, сопоставляя с кратким **а**, пишет, что различие между ними „заключается исключительно в ненапряженности и напряженности их“¹. Долгие гласные, действительно, в основном произносятся при большем напряжении стенок резонирующих полостей, чем соответствующие краткие гласные. Однако возможно произношение долгих гласных с меньшим напряжением артикулирующих органов, например, в спокойной беседе и т. д., где долгие гласные, несмотря на одинаковую с первослоговыми краткими гласными степень напряженности, будут противопоставляться им.

Поэтому отличие долгого **аа** от соответствующего краткого **а** заключается не „исключительно в напряженности и ненапряженности“, а, главным образом, в количественной стороне.

Долгая фонема **аа** по сравнению с кратким **а** является более устойчивым в качественном и количественном отношении и встречается в двух вышеперечисленных оттенках.

Примеры: залаа „гребешок, кисточка“, баабгай „медведь“, хааха „закрывать“, зааха „указывать“, харааха „ругать“.

Фонема **у** — твердоярдный узкий огубленный краткий монофтонг.

Субъективные ощущения и рентгенограмма артикуляций звука **у** показывают, что он относится к числу задних гласных: тело языка глубоко отодвигается назад, и его задняя часть поднимается по направлению к мягкому небу, занимая несколько открытое положение по сравнению с самым узким гласным заднего ряда; соотносительно к таблице Л. В. Щербы занимает приблизительно вторую ступень в шкале заднерядных гласных. См. рис. 93, фиксирующий **у** в слове **бу**.

¹ А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. 1.

Рис. 93.

Губы при образовании *y* сближаются между собой, сравнительно мало выдвигаясь вперед, и образуют переднее отверстие резонатора в форме узкой уплощенной щели.

При сочетании с согласными первой и второй артикуляции употребляется *y*, несколько продвинутый вперед, чем крайне задний *y*, который употребляется при сочетании с увулярными и фарингальными согласными. Палатограммы этих артикуляций показывают, что при первом язык довольно значительно соприкасается с краями твердого неба, примерно на уровне больших коренных зубов (см. рис. 94). Заднерядный оттенок *y*, несмотря на одинаковую степень подъема, не оставляет следов на искусственном небе, так как язык оттянут назад глубже, именно к задней части мягкого неба. Эти два варианта фонемы *y* довольно четко различаются на слух: выдвинутый вперед *y*, в отличие от заднерядного, обладает более высокими характерными тонами, что объясняется различием в объеме резонаторов.

Достаточно заметное влияние на краткий *y* оказывают мягкие согласные. При сочетании с ними *y* артикулируется при чуть продвинутом вперед и несколько приподнятом положении языка, что также обуславливает некоторое повышение характерного тона.

Таким образом, фонема *y* встречается в следующих трех обязательных оттенках:

1) заднего ряда: хуһан „береза“, гутал „ичиги“, уһан „вода“;

2) заднего выдвинутого вперед ряда: турлааг „ворона“, ута „длинный“, бута „кочка“;

3) выдвинутого вперед ряда и чуть приподнятого, чем первые два оттенка: н'урган (нюрган) „спина“, унян „дым“, уряал „приглашение“.

Краткая фонема **у** в современном бурятском языке употребляется только в первых слогах и, в отличие от **а**, не имеет редуцированного оттенка. И в количественном отношении является более устойчивой.

Фонема **уу** — твердорядный узкий огубленный долгий монофтонг.

По сравнению с кратким **у** долгий **уу** артикулируется при более высоком подъеме языка, соответствуя по таблице Л. В. Щербы примерно промежуточному положению между предельно верхним подъемом и второй ступенью. Причем мышцы стенок резонаторов, в том числе и языка, напряжены значительно больше, и огубление более сильное, чем при кратком **у**.

Проявляется в двух оттенках: **уу** — заднего ряда: ууха „пить“, хадхуур „колючка“, хургуули „школа“; **уу** — заднего выдвинутого ряда: дуулаха „петь“, туулган „свинец“, суурга „замок“.

Наиболее употребительным является заднерядный оттенок, который употребляется при соседстве с увулярными и фарингальными согласными; задний выдвинутый оттенок употребляется при сочетании с согласными первой и второй артикуляций при обязательном отсутствии соседства увулярных и фарингальных согласных. При сочетании с мягкими согласными **уу** приобретает переходный „и“-образный призвук в начале или в конце.

В изолированном произношении **уу** является также заднерядным: см. рентгенограмму слова уу „пей“ (рис. 96). Палатограммы этого оттенка не дают отпечатков.

При заднем выдвинутом **уу** полосы касания на искусственном небе немного шире и передняя граница соприкосновения несколько более вперед, чем при кратком выдвинутом **у**; захватывает часть твердого неба против первых больших коренных зубов (Ср. рис. 95 и 94).

А. Д. Руднев определяет бурятский **уу** как „high — back — palto — round“ и, сопоставляя с русским **у**, правильно замечает, что хоринский **уу** „значительно более задний, чем русский „у“ (даже в таких словах как у х о) и менее узкий.“¹

Фонема **о** — твердорядный широкий огубленный краткий монофтонг.

¹ А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. IV.

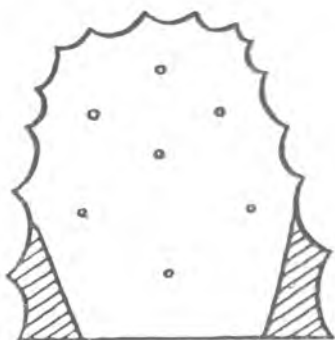

Рис. 94. Краткий у.

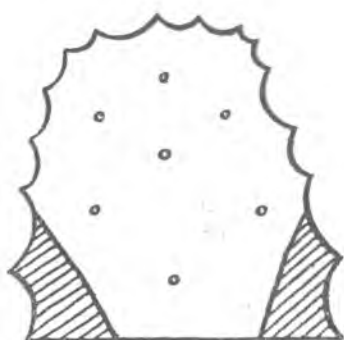

Рис. 95. Долгий уу.

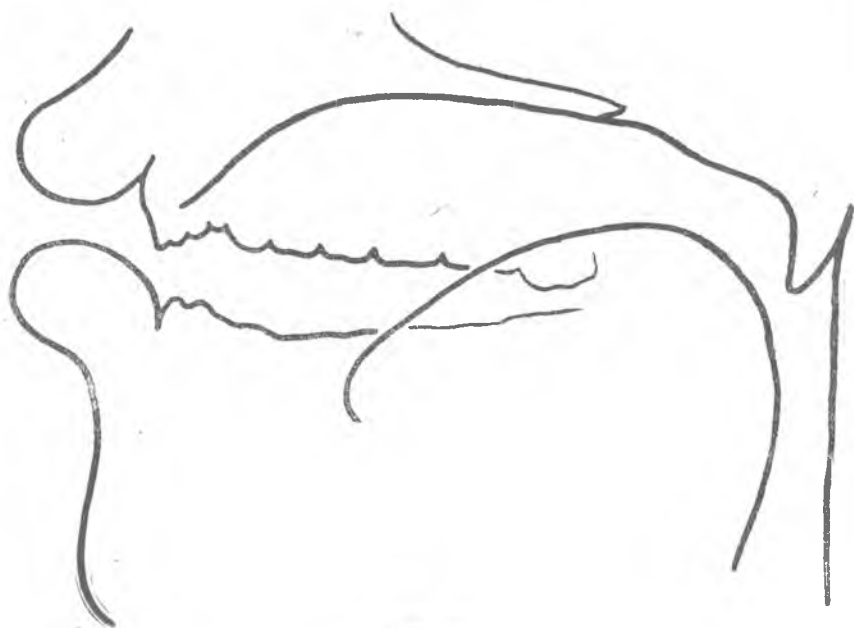

Рис. 96.

Краткий **о** относится к гласным заднерядного образования: тело языка значительно оттянуто назад, задняя его часть несколько приподнята по направлению к задней части мягкого неба, занимая по подъему среднее положение между задними гласными бурятского языка узким **у** и широким **а**.

Таким образом, звук **о** по степени подъема приблизительно соответствует четвертой ступени кардинальных гласных заднего ряда по таблице Л. В. Щербы.

Бурятский **о**¹ по сравнению с русским **о** произносится при очень незначительном огублении, как правильно заметил Г. Д. Санжеев, губы не выдвигаются и не напрягаются, они немного сближаются между собой, образуя уплощенную щель, более широкую, чем при **у**. Отметив слабое выдвижение губ вперед при артикуляции бурятского **о**, А. Д. Руднев отнес его к группе нелабиализованных гласных; однако, он не учел при этом, что, несмотря на это, передней границей резонатора являются губы, а не зубы, как это бывает при действительно нелабиализованных гласных.

При сочетании с согласными первой и второй артикуляции звук **о** произносится при несколько продвинутом вперед положении языка, причем непосредственное соседство его с мягкими согласными обуславливает более высокий подъем, занимающий примерно промежуточное положение между третьей и четвертой ступенями.

Аналогично краткому **а** фонема **о** в непервых слогах подвергается заметной качественной редукации.

По положению артикулирующих органов редуцированный **о** почти не отличается от соответствующих нередуцированных первослоговых **о**, но вследствие значительно ослабленного мускульного напряжения речевых органов, в том числе и ротовых (губных) мышц, произносится с весьма неопределенным акустическим эффектом, мало отличаясь на слух от редуцированного **а**. Это, очевидно, послужило причиной для ряда исследователей бурятского языка считать редуцированные **о** и **а** одной фонемой², объединяя признаком неясности их акустического эффекта. Но эта точка зрения вызывает возражения, основанные в частности на том, что при попытке произнести эти гласные более четко проявляется ясно соответствующий первослоговому гласному или **о**, или **а**, и т. д. и появление редуцированных вариантов строго обусловлено определенным фонетическим положением, т. е. непервыми неударенными слогами.

Таким образом, представляется правильным, как это и делается большинством бурятоведов, рассматривать редуцированный **о** оттенком фонемы **о**, а не отличной от нее другой фонемой.

Итак, в итоге можно выделить четыре довольно четко проявляемых обязательных оттенка фонемы **о**:

1) заднего ряда, относительно напряженный и открытый оттенок; употребляется в первом слоге в сочетании с увуляр-

¹ При этом следует иметь в виду, что бурятский **о** является монофтонгом, он не имеет характерного для русского ударенного дифтонгоидного **о** начального более узкого элемента.

² Грамматика бурят-монгольского языка. Изд. АН СССР, М.-Л., 1938, стр. 24-25.

ными и фарингальными согласными: гохо „крючок“, сохо „жук“, хорон „яд“;

2) заднего выдвинутого вперед ряда, также относительно напряженный и открытый оттенок; употребляется в первом слоге, если нет в непосредственном соседстве увулярных и фарингальных согласных: одон „звезда“, торгон „шелк“, сорго „труба“;

3) заднего выдвинутого вперед ряда, относительно напряженный, немного более закрытый, чем предыдущие два оттенка; употребляется в первом слоге в непосредственном сочетании с мягкими согласными: н'одонон (недонон) „прошлый год“, ойохо (оехо) „шить“, хонин „овца“; на последнем примере под влиянием увулярного х при образовании звука о язык чуть отходит назад, но сохраняет более закрытое положение, и акустически он близок не первому оттенку, а третьему.

4) редуцированный оттенок по положению языка, видимо, соответствует трем предыдущим оттенкам в зависимости от сочетающихся с ним согласных, употребляется в непервых слогах; примеры выше.

Фонема **оо**—твёрдорядный широкий огубленный долгий монофтонг.

В отличие от соответствующей краткой фонемы **о**, долгая фонема **оо**, помимо большей длительности и напряженности, произносится еще при более высоком подъеме языка, но не такой, как кардинальный гласный третьей ступени, имеющийся в немецком языке, а чуть ниже, приблизительно занимающий промежуточную ступень между третьей и четвертой.

Встречается в любой позиции слова и в зависимости от сочетания с различными согласными употребляется в следующих оттенках:

1. Оттенок заднего ряда, образующийся при предельно заднем положении языка (см. рис. 97). Употребляется в сочетании с увулярными согласными третьей артикуляции и фарингальным **h**: хооһон „пустой“, боохо „преграждать“, долоон „семь“.

2. Оттенок заднего выдвинутого ряда (см. рис. 98). Употребляется при сочетании с согласными первой и второй артикуляций, кроме мягких, и при обязательном отсутствии непосредственного соседства увулярных и фарингальных согласных: тоолоо „сосчитал“, ороо „вошел“, боолзуур „глотка“.

3. Оттенок заднего выдвинутого ряда, но в отличие от второго оттенка, артикулируется при незначительном подъеме средней части языка и еще большим продвижением тела языка вперед. Употребляется при сочетании с мягкими согласными, чем и обуславливается некоторый подъем средней части языка: Ооля (имя собственное), боори „холм“, бол'оо (болео) „перестал“.

Рис. 97.

Рис. 98.

Фонема **аэ** (ай) — твердорядный широкий неогубленный дифтонг.

Начальный элемент — гласный переднего ряда, широкий, приблизительно соответствует пятой ступени кардинальных гласных по таблице Л. В. Щербы; конечный элемент — также переднего ряда, широкый, но по отношению к начальному элементу более закрытый, приблизительно соответствует четвертой ступени классификации Л. В. Щербы.

Исторически этот дифтонг, видимо, представлял сочетание элементов типа „а“ и „i“, что отразилось на его орфографии в исходе слов в старомонгольском письменном языке.

Со временем получилось артикуляционное, следовательно, и акустическое сближение этих элементов вплоть до полного слияния их между собой, что в результате дало долгий монофтонг.

В современном бурятском языке, главным образом в первых слогах, фонема **аэ** проявляется как долгий монофтонг **ä**. На рис. 99 зафиксировано изолированное произношение этого звука.

Явление монофтонгизации исторического дифтонга легко объясняется фонетически как сближение и, наконец, как полное слияние двух разнородных укладок в одну простую.

Рис. 99.

Первый элемент **а** под влиянием закрытого второго элемента стал произноситься при более высоком подъеме языка, а второй элемент, наоборот, стал произноситься более открыто.

Исследователи бурятского языка определяли фонему **аэ** по-разному. Одни рассматривали его как долгий монофтонг (Руднев). Другие (авторы школьных грамматик) считают эту фонему дифтонгом и соответствующим образом обозначают. Третьи, в частности Г. Д. Санжеев, считают дифтонгом, факультативно проявляющимся как долгий монофтонг, что правильно отражает сущность этого явления.

Таким образом, фонема **аэ** в современном бурятском языке проявляется в двух факультативных оттенках: 1) как дифтонг и 2) как долгий монофтонг.

Примеры: **аэл** (айл) „семья“, **хилаэха** (хилайха) „коситься“, **танаэ** (танай) „ваша“, **манаэ** (манай) „наша“.

Фонема **оэ** (ой) — твердорядный широкий огубленный (по первому элементу) дифтонг.

Первый элемент относится к гласным заднего выдвинутого вперед ряда среднего подъема, соответствуя примерно четвертой ступени. Второй элемент соответствует кардинальным гласным четвертой ступени переднего отодвинутого назад ряда. Причем первый элемент является огубленным, чем и объясняется легкое огубление второго элемента (четкое в начале, исчезающее к концу). Выдвинутость первого элемента и отодвинутость второго объясняется также сближением артикуляций данного дифтонга, который иногда, особенно в непервых слогах, артикулируется просто как долгий монофтонг. По горизонтальному положению языка этот долгий монофтонг занимает среднее между **о** и **э** место, приближаясь по укладу языка к гласному смешанного ряда с подъемом несколько ниже четвертой ступени. На рис. 100 дан рентгено снимок артикуляции изолированного произношения этого звука, который по положению языка мало отличается от **аэ** (см. рис. 99 и 100).

Различие между **оэ** и **аэ** в основном, видимо, заключается в огубленности первого и неогубленности второго.

Фонема **оэ**, аналогично фонеме **аэ**, может проявляться как долгий монофтонг, правда, это происходит значительно реже.

Проявление фонемы **оэ** в дифтонге или монофтонге весьма факультативное. Но тем не менее намечается некоторая тенденция в том, что монофтонг чаще употребляется в непервых слогах, а дифтонг в первых. Это можно объяснить общей закономерностью бурятского языка, дающего более напряженные гласные в первом слоге и менее напряженные в последующих слогах.

Средняя длительность **оэ** почти не отличается от длительности долгого **оо**.

Фонема **оэ** является весьма употребительным звуком в бурятском языке и встречается в любой позиции, кроме не-

Рис. 100.

оосредственного сочетания с мягкими согласными: **ОЭ** (ой) „лес“ проэ (орой) „вершина“, ороэхо (оройхо) „окутывать“.

А. Д. Руднев определяет эту фонему как долгий монофтонг „mid-front-narrow (всегда долгий)“ и сравнивает его с немецким **ö** в слове *töne* „тоны“¹, что является не совсем точным.

Фонема **уи** (**уй**) — твердоярдный узкий огубленный (по первому элементу) дифтонг.

Первый элемент — огубленный гласный заднего выдвинутого вперед ряда, близкий к выдвинутому оттенку краткой фонемы **у** (см. выше); второй элемент — узкий гласный переднего отодвинутого назад ряда.

У фонемы **уи** также наблюдается сближение укладов обоих элементов, но оно не дает в первом слоге полной монофтонгизации.

Встречается она только в первых слогах твердоярдных слов: **уилаха** (уйлаха) „плакать“, **гуиха** (гуйха) „просить“, **буила** (буйла) „верблюды“ и т. д.

Исторический дифтонг *ui*, давший в бурятском языке описанный здесь первослоговой дифтонг **уи**, в непервых слогах

¹ А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. II.

благодаря монофтонгизации и ослабления огубленности развился в долгий монофтонг **ии** (ы), который качественно совпал с долгим монофтонгом **ии**, став, таким образом, оттенком этой фонемы.

Б. Гласные фонемы мягкого ряда

Фонема **э** — мягкорядный широкий неогубленный краткий монофтонг.

Подобно всем кратким фонемам бурятского языка, фонема **э** легко приобретает различные оттенки под влиянием сочитающихся с ней согласных.

В сочетании с твердыми согласными первой и второй артикуляции при обязательном отсутствии непосредственного соседства заднеязычных и фарингальных согласных употребляется относительно открытый переднерядный оттенок **э**.

Рентгенограмма этого оттенка (рис. 101), отображающая его в слове тэрэ „он“, показывает, что при его артикуляции язык находится в переднем положении, кончик его касается нижних резцов, а средняя часть несколько выгибается вверх по направлению к твердому небу, касаясь его своими боковыми краями на уровне больших и малых коренных зубов, что объективно подтверждается палатограммой (рис. 102). По степени подъема **э** занимает среднее между узким **и** и широким **а** положение, соответствуя приблизительно четвертой ступени кардинальных гласных по классификации Л. В. Щербы.

Этот оттенок **э** употребляется исключительно в первом слоге:

а) в абсолютном начале слова перед согласными первой и второй артикуляции и

б) между согласными этих артикуляций.

Например: эрхэ „мастерство“, эшэ „ручка, рукоятка“, тэргэн „телега“, Сэлэнгэ „Селенга (название реки)“.

В позиции после или перед мягкими согласными фонема **э** произносится при более высоком подъеме языка как закрытый **э**, приблизительно соответствующий переднерядному гласному с подъемом между третьей и четвертой ступенями. Этот оттенок близок соответствующему русскому звуку в позиции между мягкими согласными в словах типа пень, тень и т. д., который примерно совпадает с кардинальными гласными третьей ступени. Палатограммы закрытого **э** показывают более широкие полосы касания на искусственном небе, чем палатограммы открытого **э** (ср. рис. 102 и 103).

Как видно из рис. 103, большая площадь соприкосновения наблюдается на уровне больших коренных зубов, что, видимо, обусловлено большим подъемом средней части спинки языка.

Рис. 101.

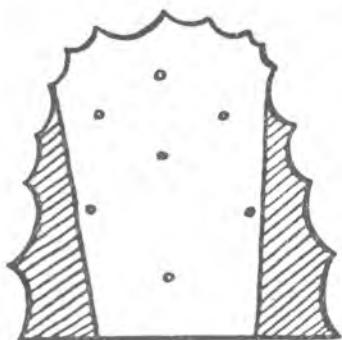

Рис. 102.

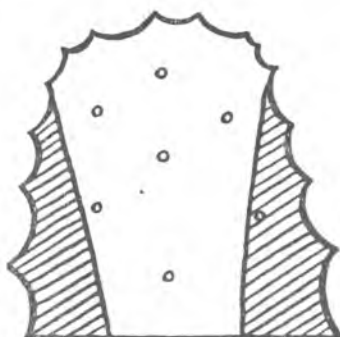

Рис. 103.

Закрытый оттенок употребляется также только в первом слоге, но более ограниченно, в основном после среднеязычного й, реже после х' и перед палатализованными н', р', л'.

Например: йэхэ (ехэ) „большой“, йэрэн (ерэн) „девьяносто“, энеэдэн „смех“, элеэ „коршун“, эрээрэн „пестрый“ и т. д.

Под влиянием заднеязычных¹ и фарингальных согласных

¹ В словах мягкого ряда, в частности в сочетании с э употребляются только заднеязычные оттенки фонем третьей артикуляции (подробно см. стр. 59).

Рис. 104.

(при непосредственном сочетании с ними) фонема э артикулируется при немного отодвинутом назад положении языка, в какой-то мере приближаясь по артикуляционному ряду к гласным центрального ряда. На рис. 104 дана рентгенограмма этого оттенка в слове хэ: по степени подъема он почти не отличается от открытого оттенка (ср. рис. 101 и 104), но кончик языка немного опущен вниз и чуть отодвинут назад, в результате чего образуется более объемистый резонатор в передней части полости рта и, соответственно, получается звук с более низким характерным тоном. Палатограммы этого оттенка дают полосы касания примерно на уровне больших коренных зубов (см. рис. 105).

Примеры: эхэ „мать“, гэр „дом“, хэлэн „язык“, хэрэг „дело“.

Перечисленные оттенки употребляются исключительно в первых слогах.

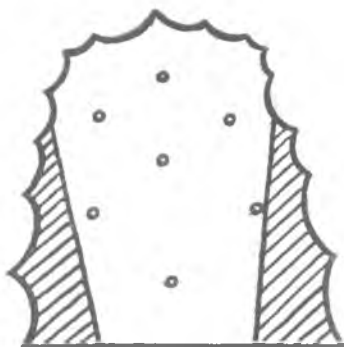

Рис. 105.

В первых слогах фонема э подвергается качественной и частично количественной редукции. Редуцированные оттенки по степени подъема языка не отличаются от предыдущих нередуцированных оттенков, но у них нет четко выраженной тенденции подъема какой-либо части неба; мускулы языка и стенок резонирующих полостей расслаблены, а спинка языка принимает равномерно выгнутый профиль, несколько напоминающая по профилю гласные смешанного ряда, при этом кончик касается нижних резцов и все тело языка находится в переднем положении.

Примеры см. выше.

Фонема ээ — мягкорядный широкий неогубленный долгий монофтонг.

В отличие от соответствующей краткой фонемы долгая фонема ээ характеризуется большей устойчивостью. Основываясь на данных рентгенограмм и слуховой проверки, можно выделить два более или менее четко различимых оттенка. Первый оттенок употребляется в сочетании с губными и переднеязычными согласными, второй оттенок употребляется в сочетании с заднеязычными и фарингальными согласными. Последний отличается сравнительно низким характерным тоном,

Рис. 106.

обусловленным заметным опусканием передней части спинки языка вниз, что наглядно зафиксировано на рентгенограмме (см. рис. 107.).

Оба оттенка по степени подъема языка соответствуют открытому краткому э, т. е. четвертой ступени по таблице Л. В. Щербы.

Рис. 107.

Сравните рис. 106 и 107, где на рис. 106 зафиксирован открытый оттенок краткого э, на рис. 107—оттенок долгого ээ.

Кроме того, в качестве оттенков долгого ээ выступает бывший дифтонг *ei, который в современном бурятском языке произносится как долгий монофтонг, но более закрытый, чем ээ. Так произносится орфографическое сочетание букв эй. Факультативно иногда этот оттенок может быть произнесен как дифтонгоид с постепенным изменением уклада языка от открытого э к закрытому е, что также подтверждает дифтонговое происхождение этого звука.

Процесс монофтонгизации исторического дифтонга *ei есть также результат слияния двух разнородных укладов в один простой: исходный эй при взаимосближении укладов через эе дал просто ээ.

Долгота этого производного монофтонга в среднем не отличается от долгот вышеописанных оттенков.

При образовании долгого ээ, а также и краткого э губы не играют существенной роли, они могут быть растянуты в стороны и могут находиться в нейтральном положении, никак не отражаясь на характере звука в том и другом случае.

Обычно оттенки долгого ээ произносятся при большем челюстном растворе, чем оттенки краткого э, но это также не отражается на характере звука, так как долгие могут быть произнесены с обычным акустическим эффектом при одинаковом с кратким э челюстном растворе.

Фонема ээ употребляется в бурятском языке в любой позиции слова. Учитывая некоторое своеобразие производного от дифтонга долгого ээ (эй), можно выделить три обязательных оттенка:

1-ый оттенок употребляется в любой позиции слова в сочетании с согласными первой и второй артикуляции: тээрмэ „мельница“, бээлэй „рукавицы“, шэрээ „кровать“.

2-ой оттенок употребляется в любой позиции слова в сочетании с согласными третьей и четвертой артикуляции: хээрэ „поле“, һээр „отросток реберной кости“, бүхээг „навес“.

3-ий оттенок употребляется преимущественно в исходе слов, являясь фонетической реализацией букв эй: хүнээ (хүнэй) „человека (род. п.)“, эрбээхээ (эрбээхэй) „бабочка“, гэрээ (гэрэй) „юрты (род. п.)“.

Многие бурятоведы склонны считать ээ (эй) самостоятельной фонемой, отличной от обычного долгого ээ. Причем обосновывают это, главным образом, различной функциональной нагрузкой орфографического ээ, являющегося во всех случаях употребления долгим монофтонгом, и орфографического сочетания эй, также преимущественно употребляющегося в виде долгого монофтонга и лишь факультативно (реже) в виде дифтонгоида. Но известно, что фонемы не имеют никакого смыслового содержания, в том числе и грамматического. Следовательно, различная функциональная нагрузка не может служить основанием выделения фонем. Вместе с тем, исследования показывают, что монофтонговое звучание орфографического эй почти не отличается от ээ в артикуляционно-акустическом отношении; в определенных позициях, особенно в изолированном произношении отдельных слов с этими звуками, они совпадают. Следовательно, чисто фонетические — артикуляционно-акустические данные недостаточны для различения этих звуков как самостоятельных фонем.

Для объективной проверки этого вывода был проделан следующий эксперимент: испытуемому — носителю бурятского языка был предложен для чтения вслух следующий список слов:

гэрэй	гэрэй
элеэ	элээ
хээээ	гэрэй

гэрэй	гэрээ
хүнэй	гэрэй
манай	хэлээ
гэрээ	гэрээ
мориной	хүнэй
гэрээ	гэрэй

Чтение этих слов вне контекста не дало никакой разницы между произношением *эй* и *ээ*. И это было подтверждено другим испытуемым, ошибочно воспринимавшим пары слов из этого списка типа *гэрээ* и *гэрэй*.

Таким же убедительным доказательством однофонемности орфографических *эй* и *ээ* является тот факт, что школьники— буряты перестают делать ошибки в словах типа *гэрээ* и *гэрэй* в отношении правописания *эй* или *ээ* лишь только тогда, когда они изучат и усвоят безличные и возвратные склонения и зазубрят правописание слов типа *бээлэй*, *элээ*, *эrbээхэй* и т. д.

Фонема *ү* — мягкорядный узкий огубленный краткий монофтонг.

Фонема *ү* употребляется только в первом слоге мягкорядных слов и встречается в двух обязательных оттенках.

Первый оттенок употребляется в сочетании с твердыми согласными: артикулируется при высоком подъеме языка, соот-

Рис. 108.

ветствующем приблизительно второй ступени кардинальных гласных по таблице Щербы в центральном ряду (рис. 108).

Как видно из рентгенограммы (рис. 108), кончик языка значительно отходит назад от резцов, корень языка, наоборот, продвигается вперед. Все тело языка, таким образом, собрано в середине полости рта с четко выраженной тенденцией подъема по направлению к границе твердого и мягкого неба.

При сочетании с мягкими согласными, для которых характерна дополнительная работа средней части языка, употребляется второй оттенок. Он произносится при более закрытом положении языка, следовательно, с более высоким характерным тоном. Профиль языка, судя по рентгеноскопии и соответствующему акустическому эффекту, отличается от положения, зафиксированного на рис. 108, чуть более высоким подъемом и незначительной продвинутой вперед.

Влияние заднеязычных и фарингальных согласных на характер γ очень незначительное; рентгенограмма γ в слове хүхэ „синий“ (рис. 109) фиксирует небольшой отход корня языка назад (ср. рис. 108 и 109); на слух они почти не отличаются друг от друга.

Рис. 109.

В отличие от вышеописанных огубленных фонем, γ произносится при более сильном и круглом огублении.

Позиционная постоянность звука γ обуславливает отсутствие больших колебаний в количественном отношении между различными вариантами.

Аналогичного с бурятским Ү звука в русском языке нет. Он имеется в большинстве известных монгольских языков и диалектов и является очень употребительным. А. Кастрен¹ сравнивал его со шведским „и“, а монголисты более позднего периода: Б. Я. Владимирцов², А. Д. Руднев³ — находят сходство с норвежским „и“ в словах типа hus „дом“.

Д. А. Алексеев отмечает, что отличительной чертой хоринского диалекта „является неразличение говорящими на этом диалекте звуков ө и Ү, что признано всеми исследователями без исключения“⁴. Однако, дело здесь не в том, что представители этого диалекта не различают эти два гласные звука, а в том, что в этом диалекте существует только одна краткая мягкорядная фонема, соответствующая и более узкому и более широкому гласным этого ряда других диалектов. Причем наиболее употребительным основным оттенком этой фонемы является более узкий гласный Ү. Эта особенность хоринского диалекта, легшего в основу литературного бурятского языка, нашла отражение в орфографии последнего: фонема Ү обозначается буквой „Ү“, независимо от того, что в произношении отдельных слов допустимы и более широкие оттенки типа „ө“. Однако, произношение более узкого оттенка этой фонемы в виде Ү является уже орфоэпической нормой, поддерживаемой орфографией.

Итак, учитывая вышеизложенное, можно в современном бурятском языке различать довольно четко два обязательных оттенка фонемы Ү:

1) употребляется в непосредственном сочетании с твердыми гласными; сравнительно открытый: дүрөө „стрема“, үхэр „бык“, үбэл „зима“, хүхэ „синий“;

2) более закрытый, чем первый; употребляется в сочетании с мягкими согласными: н'үдэн (нюдэн) „глаз“, үнеэн „корова“, х'үрөө (хюрөө) „пила“ и т. д.

Фонема үү — мягкорядный узкий огубленный долгий монофтонг.

В отличие от краткого ү, долгий үү артикулируется при более высоком подъеме, занимает он предельно верхнее положение в центральном ряду гласных. Дальнейший подъем языка в этом направлении дает уже шум, свойственный щелевому согласному.

Долгий үү употребляется в любой позиции слова, устойчиво сохраняя свое основное однородное звучание.

¹ М. А. Кастрен. Указ. соч., стр. 2—3, § 10.

² Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Л., 1929, стр. 53.

³ А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. V.

⁴ Д. А. Алексеев. Диалекты бурят-монгольского языка. Уч. записки ЛГУ, № 98, 1949, стр. 167.

Огубление при үү более сильное, чем при кратком ү, и мышцы губ и стенок резонаторов напряжены также значительно больше.

На рис. 110 и 111 даны рентгенограммы үү у разных испытуемых Т и Ш в изолированном произнесении.

Рис. 110 (Т).

Примеры: үүдэн „дверь“, нүүдэл „кочевка“, хирүү „робкий“.

Фонема өө — мягкорядный широкий огубленный долгий монофтонг.

Вместе с фонемами ү и үү долгий өө относится к группе гласных центрального ряда. Язык собран в середине полости рта и имеет тенденцию подъема вверх к границе твердого и мягкого неба, занимает по степени подъема более открытое положение, чем при үү и ү, соответствуя примерно третьей ступени кардинальных гласных.

Губы образуют переднюю границу полости рта в форме круглой щели, но более широкой, чем при үү и ү.

Фонема өө, также как и долгий үү, является весьма устойчивой в качественном отношении. Различные позиционно-комбинаторные условия, в каких встречается фонема өө, не изменяют основное качество данного звука; он на всем своем протяжении (или на основном) сохраняет однородный уклад органов речи с характерным для нее звучанием.

Рис. 111 (Ш).

При непосредственном соседстве с мягкими согласными долгий **oo** приобретает „и“-образный призвук, очень кратковременный и малозаметный.

Рентгенограммы артикуляции **oo** фиксируют следующие профили языка у двух испытуемых: рис. 112—Т, рис. 113—Ш, которые очень мало отличаются друг от друга. Как видно из сопоставления рентгенограмм (ср. рис. 108, 109, 110, 111, 112, 113), профиль языка при **oo** почти аналогичен с профилями языка при **yy** и **y**, отличаются лишь по степени подъема.

А. Д. Руднев определяет бурятское **oo** как mid-out back-pagow и сравнивает с французским „о“ в слове *homme* „человек“¹. Такое сравнение, несмотря на неточность, имеет некоторое основание, так как французский „о“ относится к заднему выдвинутому ряду², и дальнейшее продвижение языка вперед приближается к укладу гласного центрального ряда. Следует только учесть при этом, что французский „о“ является более открытым и настраивается при подъеме задней части языка.

¹ А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. II.

² Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. М., 1948, стр. 49.

Рис. 112 (Т).

Рис. 113 (Ш).

Фонема **өө** встречается в большинстве монгольских языков и диалектов, в частности в бурятском языке употребляется очень часто и во всех позициях.

Примеры: **өөрөө** „сам“, **дүрөө** „стремя“, **хюрөөдэхэ** „пилить“, **төөдэй** „бабушка“, **бүрхөөхэ** „покрывать“.

Фонема **үй** (үй)—мягкорядный узкий огубленный (по первому элементу) дифтонг.

Первый элемент — огубленный гласный крайнего верхнего подъема переднего отодвинутого назад ряда; второй элемент — также самого высокого подъема переднего отодвинутого назад ряда. Таким образом, эти два элемента дифтонга **үй** произносятся в общем при одинаковом укладе языка, отличаясь друг от друга лишь по работе губ, которые образуют переднюю границу при начальном элементе и постепенно исчезает к концу артикуляции, определяя тем самым дифтонговый характер этой фонемы. Разогубление иногда запаздывает, и тогда фонема **үй** произносится как долгий монофтонг. Но это происходит очень редко по сравнению с монофтонгизацией других дифтонгов.

Дифтонг **үй** развился из* **ii**. Первый элемент, видимо, представлял гласный высокого подъема центрального ряда „**и**“, а второй элемент — „**и**“. Артикуляционное сближение этих разнородных укладов, свойственное всем дифтонгам бурятского языка, дало слияние по артикуляции языка. Дифтонговость сохранилась лишь в огублении.

Исторический ***ii** в бурятском языке в последнем слоге развился в неогубленный долгий монофтонг **ии** (ы), который совпал с существовавшей уже нейтральной фонемой **ии** и выступает как ее оттенок. Здесь, очевидно, имеет место такой же процесс, который произошел в непервых слогах с твердорядным дифтонгом ***ui** (уй) (см. выше стр. 144—145).

Таким образом, дифтонг **үй** в бурятском языке употребляется только в первом слоге мягкорядных слов: **үйлэ** „деятельность“, **гүихэ** „бежать“, **түимэр** „лесной пожар“.

В. Гласные фонемы нейтрального ряда

Фонема **и**—нейтральный узкий неогубленный краткий монофтонг.

Рентгенограммы артикуляций **и** показывают, во-первых, что он по степени подъема занимает приблизительно вторую ступень по таблице Л. В. Щербы; во-вторых, что он по артикуляционному ряду может быть переднерядным и переднеотодвинутым в зависимости от различных фонетических условий.

На рис. 114 дан рентгено снимок переднерядного **и**, на рис. 115—переднего отодвинутого назад ряда **и**.

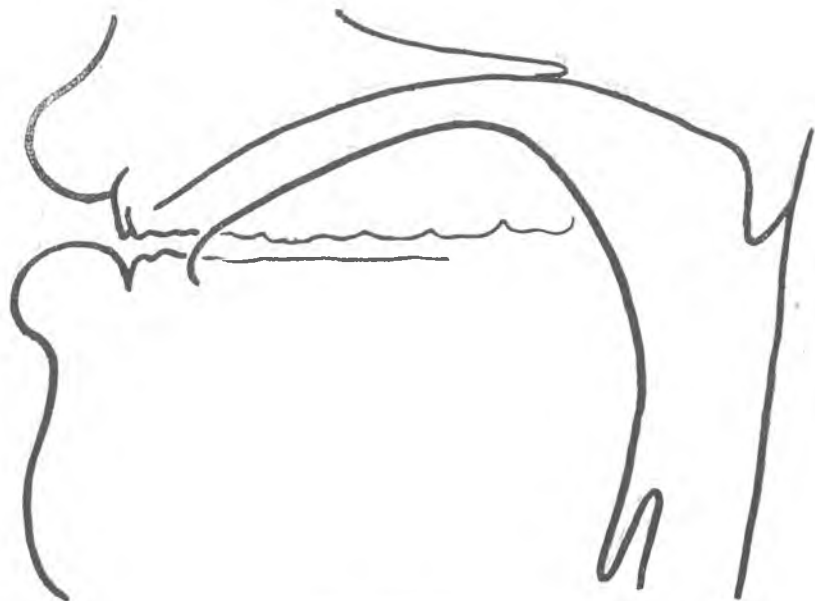

Рис. 114 (Т).

Рис. 115 (Т).

Фонема **и** чаще всего встречается после мягких (палатализованных) согласных, причем после согласных первой и второй артикуляций (**б'**, **м'**, **н'**, **п'** и очень редко после **л'**, **т'**) в переднерядном оттенке: бидэ „мы“, пинтагар „коротыш“, минии „мой“, нилха „дитя“, нидхэ „брови“, лимбэ „лимба (музыкальный инструмент)“, титим „корона“; после согласных третьей артикуляции (**г'**, **х'**)— в переднем отодвинутом назад оттенке: гилэгэр „блестящий“, хизаар „граница“, хирзага „злой“.

Вне сочетания с мягкими согласными фонема **и** употребляется только в абсолютном начале слова. В данном фонетическом положении употребляется оттенок, который по сравнению с переднерядным оттенком является более открытым (см. рис. 116). Характерно, что этот оттенок употребляется исключительно в словах твердого ряда. Например: инаг „дружеский“, илалта „победа“, илгаха „сортировать, различать“, иргаха „резать, слепить (глаза)“, илдам „приветливый, учтивый“.

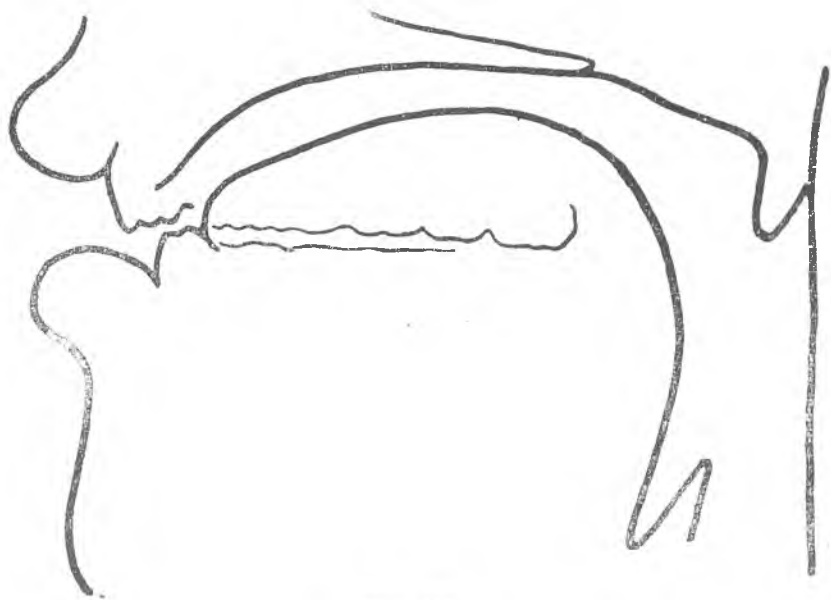

Рис. 116.

В непервых слогах, подобно всем кратким фонемам, фонема **и** употребляется в редуцированных оттенках: архи „вино“, тархи „мозг“, ангир „искраснажелтый“, бари „держи“.

Фонема **ии**—нейтральный узкий неогубленный долгий монофтонг.

Рис. 117.

Рис. 118.

Рентгенограммы и слуховые наблюдения над артикуляцией бурятского **ии** показывают, что здесь речь может идти о двух достаточно четко выраженных обязательных оттенках.

Из них первый — переднерядный узкий **ии**; артикулируется при крайнем переднем и предельно верхнем положении языка (см. рис. 117); употребляется в первых слогах после палатализованных согласных или в абсолютном начале слова, в непервых слогах — только после палатализованных согласных. При этом в первых слогах употребляется только в словах мягкого ряда, например, **имэ**, **тиимэ** „такой“ и т. п., в непервых слогах может употребляться в словах и твердого, и мягкого рядов, например, **хариин** „чужой“, **зарииха** „трепетать“, **хүниие** „человека (вин. п.)“ и т. п.

Второй оттенок является гласным переднего отодвинутого назад ряда, орфографически обозначается буквой „ы“. При артикуляции его тело языка немного отодвигается назад, несколько увеличивая объем резонатора в передней части полости рта (см. рис. 118). Акустически получается звук, близкий русскому „ы“ в словах типа **шили** (шыл'и). Употребляется он исключительно в непервых слогах или в качестве гласных элементов звуковой оболочки аффиксов род. п., когда основа оканчивается на -а и -э, или в абсолютном исходе слова как реализация бывших дифтонгов **ii*, **ii*.

См. подробно об этом на стр. 144—145 и 157.

Примеры: **захын** „крайний (род. п.)“, **хадын** „горы (род. п.)“, **зугы** „пчела“, **харгы** „дорога“.

III

СОГЛАСНЫЕ И ГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ
В ПОТОКЕ РЕЧИ

При описании согласных и гласных фонем были даны характеристики звуков бурятского языка в их реальном существовании, т. е. были выделены и определены обязательные оттенки, в которых проявляются фонемы в связной речи: в сочетаниях между собой, в различных позициях в слове и синтагме и т. д. Но эти конкретные случаи модификации фонем в предыдущих разделах не были обобщены правилами, а давались отдельно при описании каждой конкретной фонемы.

Изучение этих явлений показало, что они имеют определенные закономерности.

В данном разделе определяются эти общие закономерности модификации фонем в речевом потоке, обобщающие конкретные случаи бытования фонем, изложенные при описании согласных и гласных современного бурятского языка.

К этим закономерностям в бурятском языке относятся явления ассимиляции и диссимиляции, чередования фонем, явления сингармонизма и т. д.

В этой связи сделана попытка выявить нормы сочетаемости звуков между собой, обуславливающие, в свою очередь, типы слогов и корней.

Сингармонизм

В бурятском языке наличествует строгая закономерность употребления гласных звуков в словах, которая в языковедении обычно называется законом гармонии гласных или сингармонизмом гласных.

В обобщенном виде сингармонизм бурятского языка представляется как регулировка в употреблении гласных звуков в одном слове по двум основным группам, где гласные одной группы, как правило, не могут употребляться в одном слове с гласными другой группы. Это явление Г. Д. Санжеев определяет следующими словами: „Гармония гласных есть закон регулирования состава гласных слова“¹.

¹ Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I, М., 1953, стр. 83.

Такое своеобразное явление сочетаемости гласных в слове в монгольских языках в частности, в алтайской группе языков вообще, а также в других языках, установлено очень давно, причем, самими носителями языка. Об этом свидетельствуют особенности графики древне-письменных памятников и другие источники. В частности в грамматическом сочинении, по традиции приписываемом Чойджи-Одзеру (примерно 1307 г.), находим деление гласных на мужские (эрэ), женские (эмэ) и нейтральные (эрсэ) именно по отношению к сочетаемости звуков в слове.

Историческая преемственность сингармонизма в монгольских и тюркских языках с древних времен — твердо установленный факт, что косвенно свидетельствует о поддержке сингармонизма качеством самих гласных, их артикуляционно-акустическими свойствами. И действительно, исследование явления сингармонизма в бурятском языке говорит о том, что это явление целиком базируется на качестве гласных, по которому они делятся на две основные взаимно исключающие друг друга группы, при наличии количественно небольшой третьей нейтральной группы.

Первая группа охватывает гласные с более низкими характерными тонами, куда относятся все гласные задней артикуляции и все гласные нижних подъемов (открытые), примерно 5—6 ступеней. Эта группа гласных называется в данной работе гласными твердого ряда — термином незаслуженно забытой в монголоведении грамматической традиции, восходящей к оригинальным монгольским грамматикам. (См. выше стр. 114). Сюда относятся следующие гласные фонемы: а, аа, аэ, о, оо, оэ, у, уу, уи.

Вторая группа гласных — гласные мягкого ряда — охватывает гласные звуки с более высокими характерными тонами; исключаются все гласные заднего образования и все гласные нижних ступеней (5—6), для которых характерны более объемные резонаторы в полости рта и соответственно более низкий тембр; за этим исключением, остаются в этом ряду все гласные центрального и смешанного рядов (1—4 ступеней) и все переднерядные гласные средних подъемов (3—4 ступеней). Сюда относятся следующие гласные фонемы: э, ээ, ү, үү, үи, өө. Все они характеризуются общей тенденцией подъема средней части спинки языка вверх по направлению к небу и сравнительно узким резонатором в полости рта, следовательно, более высокими характерными тонами, чем гласные первой группы.

Узкие гласные переднего образования и и ии в этом отношении играют индифферентную роль, относясь безразлично к первым двум рядам. Условно, по традиционной монголоведческой терминологии, эти гласные названы нейтральными и.

Как уже указывалось, гласные первых двух рядов взаимно исключают друг друга в одном и том же слове:

если в первом слоге любого бурятского слова находится один из гласных твердого ряда, то в последующих слогах должны употребляться гласные только этого ряда, подчиняясь при этом более частным правилам (о чем ниже);

если в первом слоге находится один из гласных мягкого ряда, то в последующих слогах употребляются только мягкорядные гласные, также подчиняясь определенным более частным правилам.

Гласные же нейтрального ряда могут употребляться в одном слове с гласными того и другого рядов.

Эта четкая распределенность гласных мягкого и твердого рядов по словам естественно отражается и на качестве сочетающихся с ними в словах согласных звуков. Например, в словах с мягкорядными гласными все твердые согласные фонемы употребляются в своих смягченных оттенках, а в словах с твердорядными гласными — в несмягченных оттенках. Мягкие согласные фонемы, подобно гласным и и ии, составляют в этом отношении как бы нейтральный ряд, сочетающийся с гласными того и другого рядов. Поэтому можно говорить в известной мере о сингармонизме согласных звуков, имея в виду при этом, „что сингармонизм в гласных является моментом обуславливающим, а в согласных — зависимым от него“¹. Только разница между сингармоничными рядами у гласных звуков будет иметь результатом фонематическое различие, а у согласных — различие в оттенках.

Таким образом, эта строгая регулировка состава гласных в словах определяет собой весь характер слова. Поэтому следуя традиции монгольских национальных грамматиков, будем делить все слова по их звуковому составу на твердорядные и мягкорядные².

1. В звуковую оболочку твердорядных слов обязательно входят гласные твердого ряда; могут входить гласные нейтрального ряда. Из согласных звуков могут входить несмягченные оттенки твердых фонем и мягкие фонемы.

Например: тамарха „плавать“, турьяха „фыркать“, дабирхайдуулха „быть смоленным“, дороһоо „снизу“, худхаралдаха „смешиваться“ и т. д.

2. В звуковую оболочку мягкорядных слов обязательно входят гласные мягкого ряда; могут входить гласные нейтрального ряда. Из согласных звуков могут входить смягченные оттенки твердых фонем и мягкие фонемы.

¹ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Изд. 2, Казань, 1953, стр. 118.

² А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, стр. 6.

Например: түргэдэхэ „торопиться“, түүхэ „история“, хю-рөөдэхэ „пилить“, хүйтэн „холод“, тээрмэдэхэ „молоть“ и т. д.

Гласные нейтрального ряда употребляются в твердорядных и мягкорядных словах (см. выше положение 1 и 2), но их употребление регулируется следующими более частными правилами:

1) в первом слоге мягкорядного слова из нейтральных употребляется, как правило, долгий **ии**: тиихэ „так делать“, иимэ „такой“. диилэхэ „побеждать“ и т. д.

2) в первом слоге твердорядного слова из нейтральных употребляется только краткий **и**: инаг „ласковый, нежный“, ирга-ха „резать (глаза)“, илалта „победа“ и т. д.

3) в непервых слогах могут употребляться краткая и долгая нейтральные фонемы независимо от отнесенности слов по ряду (см. выше положения 1 и 2);

4) слова с гласным составом только из нейтральных гласных типа минии „мой“, шинии „твой“, иибии „бабушка“ независимо от первослогового краткого или долгого „и“ относятся к мягкорядным словам, следовательно, последующая аффиксация их является мягкорядной, например, миниихиһээ „от моего (исх. п.)“, шиниихиһээ „от твоего (исх. п.)“, иибиидэ „бабушке (дат. п.)“.

Таким образом, традиционно сложившееся в бурятском языке взаимодействие укладов органов речи при произношении слов характеризуется тем, что гласные твердого и мягкого рядов взаимоисключают друг друга в одном и том же слове. Как известно, звуковой системе каждого языка свойственна особая, характерная только для него, артикуляционная база, под которой понимается общая направленность в укладах органов речи при артикуляции звуков¹.

Для артикуляционной базы бурятского языка характерно наличие двух взаимно исключających друг друга систем укладов органов речи при артикуляции звуков. Эти системы укладов названы в данной работе в соответствии с названиями сингармоничных рядов твердорядным и мягкорядным укладами.

1. При твердорядном укладе гласных общая тенденция в движениях языка—назад книзу.

2. При мягкорядном укладе гласных общая тенденция в движениях языка—вверх и вперед.

Гласные нейтрального ряда артикулируются при передних (или передних отодвинутых назад) верхних положениях языка, что в общем совпадает с мягкорядным укладом. Однако максимально верхнее и переднее положение языка при артикуляции гласных нейтрального ряда, в отличие от мягкорядных

¹ Л. В. Щербя. Фонетика французского языка. Изд. 3, М., 1948, стр. 76.

гласных, позволяет им сочетаться с гласными твердого ряда в одном слове, не нарушая при этом твердорядный уклад последних благодаря резкому контрасту в укладах нейтральных и твердорядных гласных.

Эти ряды гласных наглядно можно представить в следующей схеме:

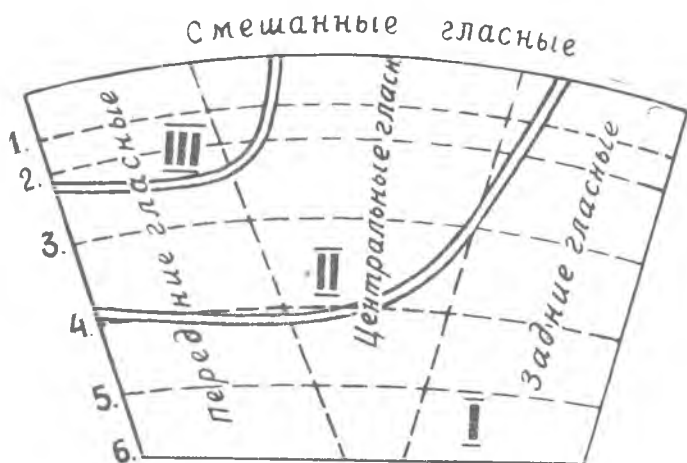

Рис. 119.

- 1.— зона твердорядных гласных
- II.— зона мягкорядных гласных
- III.— зона нейтральных гласных.

Сочетаемость гласных по рядам в одном слове является наиболее общим выражением сингармонизма гласных в бурятском языке.

Эта общая закономерность сочетаемости гласных по рядам в одном слове проявляется в более частных, также закономерных, сочетаниях гласных между собой уже по другим фонематическим группам (краткие, долгие, дифтонги; широкие, узкие; огубленные, неогубленные).

Прежде чем дать эти частные правила сочетаемости, представим в следующей таблице общую картину сочетаемости гласных в одном слове в зависимости от первослогового гласного:

ГЛАСНЫЕ ПОСЛЕДУЮЩИХ СЛОВ

Гласный первого слога	ГЛАСНЫЕ ПОСЛЕДУЮЩИХ СЛОВ					
	Если ши- рокий краткий, то:	Если ши- рокий долгий, то:	Если ши- рокий дифтонг, то:	Если уз- кий дол- гий, то:	Если нейтральный, то:	
					Кратк.:	Долгий:
а	а	аа	аэ	уу	и	ии
аа	а	аа	аэ	уу	и	ии
о	о,а	оо,аа	оэ	уу	и	ии
оо	о, а	оо, аа	оэ	уу	и	ии
у	а	аа	аэ	уу	и	ии
уу	а	аа	аэ	уу	и	ии
э	э	ээ	—	үү	и	ии
ээ	э	ээ	—	үү	и	ии
өө	э	ээ,өө	—	үү	и	ии
ү	э	ээ,өө	—	үү	и	ии
үү	э	ээ	—	үү	и	ии
аэ	а	аа	аэ	уу	и	ии
оэ	о,а	оо	оэ	уу	и	ии
уи	а	аа	аэ	уу	и	ии
үи	э	ээ	—	үү	и	ии
и	а	аа	аэ	уу	и	ии
ии	э	ээ	—	үү	и	ии

Изучение этой таблицы позволяет сделать вывод о том, что общая закономерность распределения гласных по мягкому и твердому рядам проявляется в словах в следующих конкретных закономерностях:

1. В первом слоге твердорядного слова могут употребляться все твердорядные гласные фонемы и краткий нейтральный и:

багашуул „детвора“,
таабари „загадка“,
баэгаали „природа“,
бодолго „задача“,
боолзуур „горло“,
туһаламжа „помощь“,
туулай „кролик, заяц“,
уитахан „узенький“,
хоэшолуулха „отстрачивать“,
илгаха „различать.“

2. В первом слоге мягкорядного слова могут употребляться все мягкорядные гласные фонемы и долгий нейтральный ии.

ПРИМЕЧАНИЕ: В основе мягкорядных слов с нейтральным составом гласных может употребляться в первом слоге нейтральный краткий и (см. примеры, пункт 4, стр. 168).

эрбээхэй „бабочка“,
дээгүүр „поверху“,
үрөөһэн „один из пары чего-либо“,
дүүрэнги „наполненный“,
һөөмлэхэ „измерять пядью“,
үилэдбэри „производство“,
иигэхэ „так делать.“

3. В непервых слогах твердорядных и мягкорядных слов не употребляются краткие узкие огубленные у, ү и узкие дифтонги уи и үи.

4. Узкие огубленные долгие фонемы уу и үү в непервых слогах употребляются, как правило, в составе словообразовательных аффиксов.

шамдуу „спешный“ от шамдаха „спешить“,
гэмэрүү „ворчливый“ от гэмэрхэ „ворчать“,
маажуур „чесотка“ от маажаха „чесать“,
нэгжүүр „обыск“ от нэгжэхэ „обыскивать“ и т. д.

5. Нейтральная долгая фонема ии в непервых слогах употребляется, как правило, в составе словоизменятельных аффиксов и ограничено в составе корней.

һургуулин „школы (род. п.)“ от һургуули „школа“,
тээлин „оси (род. п.)“ от тээли „ось“.

6. Нейтральная краткая фонема и в непервослоговой позиции употребляется только после палатализованных согласных.

архи „вино“,
тархи „мозг“,
атираа „морщинка, складка“.

7. Употребление широкого огубленного гласного (краткого, долгого, дифтонга) в непервых слогах обусловлено наличием в предыдущем слоге широкого огубленного гласного.

орон „страна“,
ороо „вошел“,
ороэ „вершина“,
ооһор „веревочка“,
өөрөө „сам“,
оэлгосо „понятие“.

ПРИМЕЧАНИЕ: а) В связи с отсутствием в вокализме бурятского языка (хоринского диалекта) мягкорядного краткого огубленного **ө**, который существует как самостоятельная фонема в западных диалектах бурятского языка, после долгой **өгубленной** фонемы **өө** может употребляться неогубленный краткий **э**. Например, хөөрэлдөөн „разговор“, төөрэхэ „заблудиться“;

б) после долгого огубленного **өө** в виде исключения ограничено может употребляться долгий неогубленный **ээ**, например, төөдээ (орф. төөдэй) „бабушка“, төөлээ (орф. төөлэй) „сваренная баранья голова“.

8. После узких огубленных гласных предыдущего слога (кратких, долгих, дифтонгов по обоим рядам) не могут употребляться соответствующие по ряду широкие огубленные гласные.

уһан „вода“,
уула „гора“,
үүлэн „облако“,
үбэхэн „сено“,
хүйтэн „холод“,
буила „верблюды“ и т. д.

Подробный анализ различных комбинаций в сочетаниях между собой кратких, долгих и дифтонгов, широких и узких, огубленных и неогубленных гласных по рядам позволяет сделать вывод, что каждый последующий гласный определяется предыдущим гласным, иначе, гласный последующего слога зависит от гласного предыдущего слога. При этом употребление каждого из них обусловлено, с одной стороны, сформулированными выше правилами, с другой стороны, регулируется структурой звуковой оболочки аффиксов, а именно, где требуются по характеру звуковой оболочки широкие гласные, нельзя употреблять узкие, и наоборот, где требуется по характеру

звуковой оболочки употребление кратких гласных, исключено употребление долгих или дифтонгов, и наоборот.

Заемствованные из русского языка слова меняют свои конечные гласные, также подчиняясь правилу зависимости гласных каждого последующего слога от гласных предыдущего слога. Например, русск. тема — бур. — темэ, русск. — советский — бур. — советскэ, русск. — казанский — бур. — казанска и т. д. Некоторые отступления от сингармонизма, наблюдаемые в основах заимствованных слов, говорят о недостаточной усвоенности этих слов самими носителями бурятского языка, так как давно заимствованные слова типа бутылхэ „бутылка“, богоон „вагон“ и т. п. полностью подчиняются закону гармонии гласных.

Итак, употребление гласных в двух соседних слогах наглядно можно представить в следующей таблице:

Гласный предыдущего слога	ГЛАСНЫЙ ПОСЛЕДУЮЩЕГО СЛОГА				
	Если краткий, то:	Если долгий, то:			Если дифтонг, то:
		широкий	узкий		
			В словообразов. афф.	В словоизмен. афф.	
а, аа, аэ, у, уу, уи	а	аа	уу	ии	аэ
о, оо, оэ	о	оо	уу	ии	оэ
э, ээ, үү, үи	э	ээ	үү	ии	—
ү, өө	э	ээ, өө	үү	ии	—
и	а	аа	уу	ии	аэ
ии	э	ээ	үү	ии	—

ПРИМЕЧАНИЕ: в таблицу не включен краткий **и** в первослоговой позиции, употребление которого в этом положении обусловлено непосредственно предшествующим ему палатализованным согласным звуком, а не гласным предыдущего слога.

Ассимиляция, диссимиляция и чередование

Одним из конкретных случаев взаимодействия звуков в речевом потоке является ассимиляция¹, под которой понимается уподобление артикуляции одного звука артикуляции другого звука с соответствующим акустическим сближением.

В общей фонетике различаются полная и частичная ассимиляции. Под первой понимается полное уподобление звуков во всех их фонетических признаках (из двух качественно различных звуков получаются два качественно одинаковых звука), под второй понимается частичное уподобление в одном или нескольких, но не во всех фонетических признаках.

Полной ассимиляции в бурятском языке нет, за исключением отдельных случаев сингармонизма гласных, и не может ее быть в отношении согласных звуков, так как историческое развитие (языковая традиция) его звуковой системы слсжилось так, что исключается непосредственное сочетание двух качественно одинаковых согласных звуков, и совершенно исключено сочетание гласных звуков между собой вообще.

Частичная ассимиляция, очень развитая в бурятском языке, проявляется в трех разновидностях: прогрессивная, когда последующий звук уподобляется предыдущему; регрессивная, когда предыдущий уподобляется последующему; взаимная, когда оба звука уподобляются друг другу, изменяют в той или иной мере свои характерные особенности, качественно сближаясь между собой.

Вместе с тем явление ассимиляции по отношению к фонематическому составу бурятского языка разделяется на два типа. С одной стороны, ассимилятивные изменения звука происходят в пределах одной фонемы, т. е. один оттенок заменяется ее другим оттенком. Этот тип ассимиляции обычно называется аккомодацией. С другой стороны, ассимилятивные изменения звука выходят за пределы одной фонемы, т. е. одна фонема заменяется другой фонемой, как правило, близкой ей по характеру артикуляции. Этот тип ассимиляции условно можно назвать фонемной ассимиляцией, что и есть также частный случай чередования фонем (см. ниже).

¹ Рассмотренные выше явления сингармонизма гласных тоже являются своеобразной ассимиляцией звуков. Особенности этой ассимиляции гласных звуков является: во-первых, уподобление по ряду, т. е. частичная прогрессивная ассимиляция, дающая в определенных случаях и полную ассимиляцию, например, при сочетании слов с широкими долгими гласными; во-вторых, опосредованный характер уподобления, т. е. ассимиляция гласных звуков через разделяющие их согласные звуки, так как в бурятском языке отсутствует непосредственное сочетание гласных звуков (об этом см. ниже).

Несмотря на то, что сингармонизм гласных представляет собой частный случай ассимиляции звуков, он в общем языкознании, в частности в монголоведении, рассматривается как самостоятельное языковое явление, так как ему свойственны особые характерные черты. Поэтому сингармонизм в данном разделе не рассматривается (подробно о нем см. стр. 165—173).

Большинство случаев ассимиляции первого типа, т. е. аккомодации были даны при описании отдельных фонем (согласных и гласных), так как употребление того или иного оттенка фонемы и есть конкретный случай проявления ассимиляции, иначе говоря, само существование обязательных оттенков фонем определяется взаимозависимостью артикуляций фонем в речевом потоке. Однако там это было дано разрозненно при описании каждой фонемы без охвата всех этих случаев обобщенными правилами. Поэтому в данном разделе дается другая сторона употребления оттенков фонемы — общая закономерность их употребления. Таким образом, правила оттенковой ассимиляции сводятся к этим общим закономерностям.

1. Все слабые согласные фонемы перед сильными фонемами уподобляются им по глухости (проявляются в глухих оттенках): хадхуур „колючка“, хабтагар „плоский“, багша „учитель“, бэд'хэ (бэдьхэ) „язва“.

2. Все слабые фонемы в позиции между гласными или в позиции между сонантом и гласной фонемой уподобляются им по звонкости (проявляются в звонких оттенках): хадуур „серб“, хадлан „пскос“, түргэн „быстрый“, эдээн „еда“.

3. Все согласные фонемы в сочетании с огубленными гласными уподобляются им по огубленности (проявляются в огубленных оттенках). Степень огубления зависит от степени огубления сочетающихся с ними гласных и позиции (см. стр. 53—55): бүхэ „крепкий“, буха „бык“, зөөлэн „мягкий“, бороо „дождь“.

4. Все шелевые согласные и гласные в смежной позиции с носовыми сонантами уподобляются им по назализации (проявляются в назализованных оттенках): ном „книга“, мүнхэ „вечный“, омһон „толстая кишка лошади“.

5. Слабые согласные фонемы первой и третьей артикуляции спирантизируются в позиции между гласными и между р и гласным, уподобляясь им по щелинной настройке (проявляются в щелевых оттенках): дабаан „горный перевал“, арга „способ“, абьян „звук“.

6. Слабые фонемы первой и третьей артикуляции и слабые смычные фонемы второй артикуляции в позиции перед смычным сливаются в своей третьей фазе с первой фазой последующего звука (проявляются в импловивных оттенках): хабдар „опухоль“, бүдтэ „материи (дат. п.)“, хэбтэхэ „лежать“, бүгдэ „все“.

7. Все твердые согласные фонемы в сочетании с твердоязычными гласными звуками, частично уподобляясь им по общему укладу языка, проявляются в несмягченных оттенках, что, в частности, для согласных третьей артикуляции выражается в употреблении увулярных оттенков: хабар „весна“, саһан „снег“, дарга „начальник“.

8. Все твердые согласные фонемы в сочетании с мягкоязычными гласными звуками, частично уподобляясь им по

общему укладу языка, проявляются в смягченных оттенках, что, в частности, для согласных третьей артикуляции выражается в употреблении заднеязычных оттенков: хэрэг „дело“, сэсэн „умный“, дэрбэгэр „растопыренный“.

9. Мягкие согласные фонемы второй артикуляции в сочетании с гласными переднего ряда, частично уподобляясь им по положению языка, проявляются в переднеязычных палатализованных оттенках: тиимэ „такой“, эдеэн „пища“, диилэхэ „победить“, энеэдэн „смех“.

10. Мягкие согласные фонемы второй артикуляции в сочетании с гласными заднего ряда, частично уподобляясь им по положению языка, проявляются в среднеязычных оттенках: нюур „лицо“, хот'орхо (хотирхо) „кружиться“.

11. Заднерядные гласные звуки в сочетании с согласными первой и второй артикуляции и мягкими согласными фонемами, частично уподобляются им по положению языка и по работе его средней части, что выражается в некоторой продвинутой вперед и вверх (проявляются в задних выдвинутых вперед и немного закрытых оттенках): дулаан „теплый“, турлааг „ворона“, ониһон „приспособление, механизм“.

12. Переднерядные гласные звуки в сочетании с мягкими согласными фонемами становятся более закрытыми, частично уподобляясь им по работе средней части языка: үн'ээн (үнеэн) „корова“, эл'ээ (элеэ) „коршун“.

Примером фонемной ассимиляции, представляющей также один из примеров чередований фонем в бурятском языке, может служить следующий случай:

1. Первый согласный глаголообразующего аффикса — ла, уподобляясь конечному согласному основы по назализации, заменяется носовой фонемой н, т. е. происходит чередование фонем л и н: һам „требень“ + ла = һамна „расчеши“; эм „лекарство“ + ла = эмнэ „лечи“; анг (ан) „зверь“ + ла = агна „иди охотиться“.

Примечание. Последний пример осложнен диссимиляцией: нг заменяется на г.

Менее распространенным видом изменения звуков в потоке речи является диссимиляция (расподобление), когда два качественно одинаковые или близкие друг другу звуки становятся качественно различными или более далекими.

В бурятском языке, как правило, отсутствует непосредственное сочетание двух качественно одинаковых согласных фонем¹. Эта особенность бурятского консонантизма распространяется в отдельных случаях даже на согласные фонемы, отделенные друг от друга другими звуками.

¹ В виде исключения встречается сочетание лл в словах типа даллаха „махать руками“, таллаха „приводить в порядок“.

Видимо, этой традиционной особенностью можно объяснить следующие конкретные случаи диссимилиации в бурятском языке.

1. Согласная фонема **р** в составе аффикса, диссимилируясь, заменяется фонемой **л**, если в составе основы имеется уже фонема **р**.

Диссимилиации аффиксальных **р** можно представить в следующей таблице:

Аффиксальное р сохраняется, если в основе нет р .	Аффиксальное р диссимилируется, если в основе есть р .
---	--

афф.-ра

ногоон „зеленый“,
ногооро „зеленеть“,
улаан „красный“,
улаара „краснеть“,
хүхэ „синий“,
үхэрэ „синеть“.

хара „черный“,
харла „чернеть“,
боро „серый“,
борло „сереть“,
эреэн „пестрый“,
эреэлэ „пестреть“.

афф.-рха

алья „шалун“,
альярха „баловаться“,
баян „богатый“,
баярха „хвастаться богатством“,
сэсэн „умный“,
сэсэрхэ „умничать“.

зөөри „имущество“,
зөөрилхэ „гордиться имуществом“,
дээрэ „лучше“,
дээрэлхэ „заноситься“.

афф.-уур

хада „жать“,
хадуур „серп“,
үлгэ „вешать“,
үлгүүр „вешалка“.

бари „держать“,
барюул „ручка“,
хара „смотреть“,
харуул „сторож“.

афф.-уури

ан „зверь“,
агнуури „охота“,
эзэн „владелец“,
ээлүүри „владение“.

хура „учиться“,
хургуули „школа“,
торо „застрять“,
торгуули „препятствие“.

афф.-уурга

хабша „сжимать“,
 хабшуурга „тиски“,
 хүшэ „поднимать рычагом“,
 хүшүүргэ „рычаг“.

бари „держатъ“,
 барюулга „вручение“,
 эрье „вращаться“,
 эрыюулгэ „вращение“.

2. Конечный носовой сонант **нг**, диссимилируясь по назализации, заменяется слабым неносовым согласным **г**, если прибавляемый аффикс начинается переднеязычным носовым сонантом **н**.

Примеры: анг „зверь“ + на — агна „охотиться“,
 тэнг „середина“ + на — тэгнэ „дойти до середины“,
 ганг „трещина“ + на — гагна „пять“.

3. Начальный аффиксальный слабый **д** после слабого согласного в исходе основы, диссимилируясь, заменяется соответствующим по артикуляции сильным согласным **т**.

а) Аффиксальный **д** сохраняется, если в исходе основы находится гласный или сонантный звук. Например, хада „гора“ — хадада „горе“, мал „скот“ — малда „скоту“, саһан „снег“ — саһанда „снегу“ и т. д.

б) Аффиксальный **д** диссимилируется, если в исходе основы находится слабый согласный звук. Например, бүд „материя“ — бүдтэ „материи“, морид „лошади“ — моридто „лошадям“, сэрэг „армия“ — сэрэгтэ „армии“ и т. д.

Примечание. Особый случай представляет употребление слабого **д** и сильного **т** после сонантного **р**: в одних случаях употребляется **д**, в других случаях — **т**; например, гардаха „братъ рукой“, но гартаха „быть побежденным в беге“, урдаха „течь“, но уртаха „опередить“, эрдэм „мастерство“, но эртэ „рано“ и т. д.

Причем это явление, свойственное многим монгольским языкам, не объясняется действующими в бурятском языке фонетическими закономерностями, следовательно, объяснение ему надо искать в истории звуковых систем монгольских языков.

В языкознании под чередованием фонем понимается регулярная замена одной фонемы другой в пределах одной морфемы. В бурятском языке такая замена встречается, главным образом, в аффиксах.

Большинство фонетических чередований имеет место при агглютинации и обусловлено гармонией гласных; причем, касаются они одних и тех же фонематических групп гласных: широкие гласные чередуются с широкими, узкие с узкими, краткие с краткими, долгие с долгими, дифтонги с дифтонгами.

1. Чередование кратких широких гласных фонем **а, о, э**:

малшан „пастух“ (афф. шан);
 хонишон „чабан“ (афф. шон);
 нүүдэлшэн „кочевник“ (афф. шэн).

2. Чередование долгих широких гласных фонем **аа, оо, ээ, өө**:

мал**һаа** „от скота (исх. п.)“ (афф. һаа),
хонин**һоо** „от овцы (исх. п.)“ (афф. һоо),
үүдэн**һээ** „от двери (исх. п.)“ (афф. һээ),
үбэл**һөө** „от зимы (исх. п.)“ (афф. һөө).

3. Чередование долгих узких гласных фонем **уу, үү**:

хадуур „серп“ (афф. уур),
бүлүүр „мешалка для пахтания масла“ (афф. үүр),
хатуу „жесткий“ (афф. уу),
бүтүү „закупоренный“ (афф. үү).

4. Чередование широких дифтонгов **аэ, оэ** и долгого широкого гласного **ээ** (эй):

шулуу**наэ** (шулуунай) „камня“ (афф. аэ (ай)),
модон**оэ** (модоной) „дерева“ (афф. оэ (ой)),
тэргэн**ээ** (тэргэнэй) „телеги“ (афф. ээ (эй)).

Чередование аффиксальных согласных фонем при агглютинации в бурятском языке ограничивается двумя случаями:

1. Начальная аффиксальная слабая фонема **д** заменяется соответствующей ей по артикуляции сильной фонемой **т**, когда основа оканчивается слабой согласной фонемой или глухим **р**. Фактически этот случай чередования **д** ~ **т** есть результат диссимиляции фонем **д** и **т**, так как в бурятском языке вообще исключено непосредственное сочетание двух одинаковых согласных фонем (см. стр. 178).

эб „согласие“ + да — эбтэ „согласии“,
гэр „юрта“ + да — гэртэ „юрте“ и т. д.

2. Аффиксальная согласная фонема **р** чередуется с фонемой **л**, если в основе слова имеется фонема **р**. Этот случай чередования также представляет собой результат диссимиляции в бурятском языке (см. стр. 177).

Примеры на чередование **р** и **л** в аффиксах **ра** и **ла**, **рха** и **лха**, **уур** и **уул**, **уури** и **уули**, **уурга** и **уулга** см. выше стр. 177—178.

Чередование в основах слов касается только конечного **нг**.

Носовой сонант третьей артикуляции **нг**, орфографически обозначаемый буквой „н“, в исходе основы при агглютинации чередуется с твердым и мягким носовыми сонантами второй артикуляции **н** и **н'**, с смычным ртовым **г**, с носовым **м** и с нулем звука.

а) **нг** || **н**. Фонема **нг** заменяется фонемой **н**, когда за основой следует аффикс, начинающийся любым гласным, кроме **ии**,

или начинающийся неносовой согласной фонемой второй и четвертой артикуляции:

хүнг (хүн) „человек“:

хүнээ (эй) „человека (род. п.)“,
хүндэ „человеку (дат. п.)“,
хүнһөө „от человека (исх. п.)“ и т. п.

б) нг | н'. Фонема нг в исходе основы, если она не является факультативной, заменяется мягкой фонемой н', когда за основой следует аффикс с начальным долгим ии:

хүн'иие „человека (вин. п.)“ (афф. иийэ),
үнэн'иие „правду (вин. п.)“ (афф. иийэ).

в) нг || м. Фонема нг в исходе основы заменяется носовой фонемой м, когда за основой в одной с ней синтагме следует слово с начальным б или б':

хүмби (хүн би) „человек (сказ.)“,
хүмбэшэ (хүн бэшэ) „не человек“.

г) нг || г. Фонема нг заменяется фонемой г, когда прибавляется аффикс с начальным согласным н:

анг (ан) „зверь“:
агнаха „охотиться“;
тэнг (тэн) „середина ч.—либо“:
тэгнэхэ „приблизиться к середине ч.—либо“.

д) нг || нуль. Фонема нг выпадает в исходе основы при многих случаях словообразования и словоизменения. Причем, это чередование никак не объясняется действующими в бурятском языке фонетическими закономерностями. т. е. является чередованием историческим, и поэтому конкретные случаи сохранения и выпадения конечного нг основы могут быть рассмотрены в морфологии в разделах словообразования и словоизменения отдельных частей речи.

моринг (морин) „лошадь“:
мори „лошадь (вин. п.)“;
түргэнг (түргэн) „быстрый“:
түргэдэхэ „торопиться“ и т. п.

Вышеописанные случаи ассимиляции звуков с точки зрения заменяемости звуков могут быть отнесены также к чередованиям, но к чередованиям оттенков одной и той же фонемы. Этим и отличаются они коренным образом от вышеприведенных случаев фонетических чередований фонем. Все случаи

чередования оттенков строго обусловлены существующими фонетическими условиями, тогда как чередования фонем объясняются в конечном счете лишь языковой традицией.

Сочетаемость согласных фонем бурятского языка

В бурятском языке при полном стиле произношения¹ встречаются только двухсоставные сочетания согласных.

В этом отношении бурятский язык отличается, например, от русского языка, где имеются многосоставные (от 2 до 5) сочетания согласных звуков. С этим же связано и то, что первый характеризуется относительно скудным составом консонантизма и относительно обильным составом вокализма, а второй — наоборот.

Однако отсутствие многосоставных сочетаний согласных характерно не только для бурятского языка, оно свойственно многим языкам алтайской, финно-угорской и др. семей за редкими исключениями, объясняющимися различными внешними причинами.

Характерно также, что сочетание согласных в бурятском языке встречается только внутри слов, которые при слогоделении обязательно распределяются на разные слоги. Историческое развитие бурятского языка сложилось так, что в нем полностью исключается сочетание согласных между собой в начале или конце слова, что отразилось на орфографии всех исконно бурятских слов. Особенно показательно это явление на примере произношения заимствованных слов с двумя сочетающимися согласными в начале или конце, когда обязательно вставляются гласные или в начале слова, как астан — стан, или в исходе слова как лозунга — лозунг, или после первого согласного в начале слова как пулаад — платок, пэрээми — премия, или перед последними согласными в конце слова как министр — министр и т. п. Порядок вставления вспомогательных гласных в данных случаях обусловлен нормой сочетаемости согласных звуков между собой, а качество вставляемого гласного — законом сингармонизма.

Такая адаптация заимствованных слов свойственна широкому кругу носителей бурятского языка, для которых он яв-

¹ Относительно полного и разговорного стиля произношения Л. Р. Зиндер пишет, что „полностью фонемный состав слова, равно как и все его грамматические показатели“ могут быть выявлены только при полном стиле произношения. „В разговорном стиле произношения различие между оттенками разных фонем может оказаться в значительной степени стертым.“ (См. Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Автореферат. Л., 1955, стр. 7.).

В бурятском языке в связи с наличием редукции гласных, ведущей иногда в многосложных словах при неполном разговорном стиле произношения к полному исчезновению гласного предшествующего (непервого) слога, согласные элементы его при этом тяготеют к вершине последующего слога, поэтому в этих случаях может оказаться внутри слова сочетание трех согласных.

ляется повседневным орудием общения. Однако единых норм фонетической адаптации заимствованных слов нет. Различие здесь касается как характера адаптации, так и степени ее. Например, в речи определенного слоя интеллигенции, для которых русский язык стал вторым родным языком, подобная адаптация уже не имеет места. Часто в разговоре интеллигенции и в передачах по радио можно слышать произношение с сочетаниями согласных в начале и конце заимствованных слов трех и даже четырехсоставные сочетания в них без вспомогательных гласных элементов, вставляемых в вышеуказанных позициях при собственно бурятской речи.

В данном разделе будут рассмотрены сочетания согласных, свойственные фонетической традиции бурятского языка.

Всевозможные случаи характерного для бурятского языка двухсоставного сочетания согласных звуков не представляют собой каких-то случайных явлений, а имеют определенные закономерности, обусловленные различными фонетическими факторами и исторической традицией языка.

Норма сочетаемости согласных фонем между собой представляет следующую закономерность:

1. После сильных согласных фонем не употребляются слабые и сонантные фонемы.

Как исключение могут встречаться сочетания **шл** и **шм** в заимствованных словах типа башлаг и башмаг.

2. Сочетание сильных согласных между собой также не встречается, за исключением редких случаев **ст** — астагар „широко раставленный (о рогах)“, **сх** — эсхэлгэ „кройка“, **шх** — хашхараан „крики“, **гэшхэлгэ** „шаг“.

Почти полное отсутствие употребления согласных непосредственно за сильными фонемами фонетически объясняется тем, что последние, как правило, являются сильноконечными, образующими всегда начало слога. Так как в бурятском языке исключено непосредственное сочетание двух согласных в одном слоге (см. ниже), то, естественно, за сильными согласными фонемами обязательно следуют гласные. Этим же объясняется и то, что сильные согласные не употребляются в абсолютном исходе слова.

3. После слабых согласных употребляются следующие сильные согласные: **т, с, ш, х**.

бт	добтолхо	„нападать“,
дт	моридто	„лошадям (дат. п.)“,
гт	огторгой	„небосвод“,
бс	үбсүүн	„грудь“,
бш	үбшэн	„больной“,
бх	эбхэхэ	„складывать“,
гс	бүгсэгэр	„горбатый“,
гш	агшаха	„сокращаться“,
дх	хаджуур	„колючка“,
д'х	эдьхүүргэ	„закуска“.

4. Слабые согласные со слабыми сочетаются в следующих парах:

бл	хабдар	„опухоль“,
бж	дабжаганаха	„стучать (зубами)“,
гд	баригдаха	„быть пойманным“,
гз	бэгзэгэр	„сутулый“,
гж	дэгжэхэ	„расти, развиваться“.

5. После слабых согласных употребляются из сонантных фонем следующие: м, н, л, л’;

бл	эблэл	„союз“,
дм	Бадма	(собств. имя),
дл	хадлан	„покос“,
дл’	адли	„одинаковый“,
гн	агнаха	„охотиться“,
гл	үглөө	„утро“.

Как видно из приведенных примеров (в пунктах (3—5), из слабых фонем в качестве первого элемента двухсоставных сочетаний согласных могут выступать только фонемы б, д, г и ограничено д’.

6. После сонантных фонем употребляются все сильные фонемы, кроме палатализованного п’:

мп	пампагар	„пушистый“,
мт	амтан	„вкус“,
мт’	амтигар	„беззубый“,
мс	хамсы	„рукав“,
мш	хэмшээрхэхэ	„стесняться“,
мх	хэмхэрхэй	„разбитый, сломанный“,
мх’	тамхин	„табак“,
нт	мантагар	„головастый“,
нс	монсогор	„круглый“,
нш	уншаха	„читать“,
лт	алтан	„золото“,
лт’-л’т	олтирог — ольторог	„остров“,
лс	халсархай	„облезший“,
лш	бэлшээри	„пастбище“,
лх	талхан	„мука, хлеб“,
лх’	һалхин	„ветер“,
рт	эртэ	„рано“,
рс	борсогор	„съежившийся“,
рш	таршаа	„кузнечик“,
рх	дархан	„кузнец“,
рх’	тархи	„мозг“,
нгх	ангхан (анхан)	„первоначальный“.

7. После сонантных употребляются все слабые фонемы:

мб	Дамба	(собств. имя),
мд	намда	„мне (дат. п.)“,
мж	дамжаха	„переходить, переби- раться“,
мг	һамган	„жена“,
мһ	омһон	„толстая кишка (лошади)“,
нд	үндэгэн	„яйцо“,
нз	анзаһан	„соха“,
нж	һанжаха	„отвисать“,
лб	албан	„налог“,
лд	алда	„маховая сажень“,
лз	олзо	„находка“,
лж	жалжагы	„кривой (об обуви)“,
лг	үлгы	„колыбель“,
лг'	долгин	„волна“,
л'б	эльбэхэ	„гладить“,
л'д	гульда	„дубина“,
л'г	эльгэн	„печень“,
рб	арбан	„десять“,
р'б	арьбан	„бережливый“,
р'б-рб'	һорьбо-һорби	„трость“,
рд	хурдан	„быстрый“,
рд'	үрдихэ	„опережать“,
рз	хүрзэ	„лопата“,
рж	буржагар	„кудрявый“,
рг	ургаха	„расти“,
нгг	үнггэ (үнгэ)	„цвет“.

8. Сонантные согласные между собой сочетаются в следующих парах:

мн	һамнаха	„расчесывать“,
лм	сэлмэхэ	„проясниться (о небе)“,
лл	даллаха	„махать руками“,
л'м	гульмагар	„длинный, тонкий“,
рм	эрмэг	„острый край“,
рн	һарнагар	„раздувшийся (о ноздрах)“,
рл	дэрлэхэ	„класть под голову (подушку)“,
рл'	дорлиг	„чудак“.

Таким образом, как видно из примеров (в п. 6—8), из сонантных фонем в качестве первых элементов выступают **м, н, л, р** и ограниченно **л', р', н'**.

Итак, в общей системе сочетаемости согласных звуков бурятского языка возможны в качестве первых элементов в двухсоставном сочетании внутри слова следующие согласные фонемы: **с, ш, б, д, д', г, м, н, л, л', р, р', нг**; в качестве вто-

рых элементов возможны все сильные согласные, все слабые согласные и сонантные **м, н, л, л'**.

Позиционное употребление согласных фонем

1. В начале слова употребляются все согласные фонемы, за исключением **р, р', нг**.
2. В начале слога внутри слова употребляются все согласные, кроме **нг**.
3. В исходе слога внутри слова:
 - а) не употребляются сильные согласные, кроме **с** и **ш**;
 - б) из слабых фонем употребляются **б, д, д', г**;
 - в) употребляются все сонантные, кроме **м', н', й**.
4. В исходе слова:
 - а) не употребляются сильные согласные, кроме ограниченных случаев **с** и **ш**;
 - б) употребляются три слабые фонемы **б, д, г** (в глухих оттенках);
 - в) употребляются все твердые сонантные, кроме **н**, не употребляются все мягкие сонантные, кроме **н'**.

Типы слогов

Вышеописанные основные закономерности сочетания согласных между собой и закономерности позиционного употребления согласных, а также отсутствие сочетания двух и больше гласных рядом определяют в бурятском языке типы слогов.

Бурятский слог может состоять из одного гласного (Г), из согласного и гласного (СГ), из гласного и согласного (ГС) и из согласного, гласного и согласного (СГС)¹. Каждый слог, таким образом, имеет один гласный, который при этом является слогообразующим, т. е. выступает как вершина слога и может сам по себе образовать слог, тогда как согласные звуки в этом отношении являются не слогообразующими и при слогоделении выступают как подчиненные, и сами по себе образовать слога не могут. Поэтому основной принцип бурятского языка в слогоделении, как и французского², — сколько гласных, столько и слогов.

Бурятский слог, как во всех языках, является чисто фонетической единицей, не связанной с семантикой, но может быть использован в качестве звуковой оболочки односложной морфемы или односложного слова.

Деление слов на слоги основано на волнообразном усилении и ослаблении мускульного напряжения при произношении

¹ В условных формулах здесь С — согласный, Г — краткий гласный, Г.— долгий гласный, Г· — дифтонг.

² Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. Изд. 3, М., 1948, стр. 77.

слова; каждое ослабление звучания при этом служит слого-разделом¹.

В делении бурятских слов на слоги и в определении типа и состава слогов с фонетической точки зрения большую роль играет характер произношения согласных звуков.

Сильноконечные согласные (когда конец согласного сильнее его начала) употребляются перед вершиной слога;

сильноначальные согласные (когда конец согласного слабее его начала) употребляются после вершины слога².

Любая согласная фонема внутри бурятского слова, не сочетающаяся с другой согласной фонемой, как правило, является сильноконечной и поэтому обязательно тяготеет к последующему гласному. Например, а-ха „брат“, э-рэ „мужчина“, а-ба-ха „брат“ и т. п. Если согласный внутри слова сочетается с другим согласным, то первый будет сильноначальным, а второй — сильноконечным, и соответственно, они разойдутся по разным слогам. Например, эр-тэ „рано“, эб-тэй „спаянный“ и т. п. Поэтому независимо от принадлежности согласных к одной и той же морфеме, при слогоделении сочетающиеся согласные обязательно распределяются по разным слогам. Этими же причинами объясняется позиционная закреплённость различных типов слогов.

1. Слоги, состоящие из одной гласной фонемы, встречаются только в начальной позиции слова, потому что в бурятском языке исключено непосредственное сочетание двух гласных, а согласный внутри слова, не сочетающийся с другим согласным, обязательно тяготеет к последующему гласному.

Этот тип слога представлен в следующих трех формах: Г, Г:, Г·.

1. Г

а-ба „отец“, э-хэ „мать“, и-наг „дружеский“,
о-лон „много“, ү-бэл „зима“, у-хан „вода“.

2. Г:

уу-ла „гора“, оо-һор „веревочка“, аа-лин „тихий“,
үү-лэн „облако“, өө-дөө „выше“, ии-мэ „такой“.

3. Г·

уи-ла-ха „плакать“, үи-лэ „деятельность“,
аэ-маг „район“, оэ-ро „близко“.

¹ Л. Р. Зиндери и Т. В. Строева-Сокольская. Современный немецкий язык. Изд. 2, Л., 1941, стр. 47.

² Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 78.

Кроме того, формы слогов Г: и Г· используются как звуковые оболочки односложных слов: названия гласных букв бурятского алфавита; уу „пей“, аэ (ай) „бойся“, оэ (ой) „лес“.

2. Слоги, состоящие из гласного и согласного встречаются также только в начале слова, и объясняется это теми же причинами. С одной стороны, отсутствием в бурятском языке непосредственного сочетания двух гласных и, с другой стороны, обязательным расхождением сочетающихся согласных по разным слогам.

Этот тип слога также представлен тремя формами ГС, Г:С, Г·С. Все разновидности этого типа слога могут быть использованы как оболочки односложного слова.

1. ГС

ал-дуу „ошибка“, эр-дэм „мастерство“, ор-дон „дворец“, ур-гы „подснежник“, үр-гэ-хэ „поднимать“, эб „согласие“, аб „чары, волшебная сила“.

2. Г:С

аар-са „молочный продукт“, оог-ло-хо „кликать“, уул-га-ха „давать пить“, уур-гай „гнездо“, үүл-тэр „порода“, ээл-жээн „очередь“, өөр-шэл-хэ „делать ч. -либо по своему“, ааг „язычок (у рыболовного крючка)“, ээм „плечо“, үүр „рассвет“, уур „гнев“.

3. Г·С

ээр-һан „творог (высушенный)“, аэм-хай „трусливый“, үир-мэг „порошок“, уид-хар „грусть“, аэл „семья“.

3. По правилу бурятского слогоделения и по закономерностям сочетаемости звуков, слог, начинающийся с согласных звуков, могут встречаться в любой позиции слова. Кроме того, они используются как оболочки односложных слов.

Слоги, состоящие из согласного и гласного, представлены в следующих формах: СГ, СГ:, СГ·.

1. СГ

да-ба-һан „соль“, бо-ро „серый“, ар-ба-га-на-ха, эр-бэ-гэ-нэ-хэ „размахивать руками, вертеться“, ба „и (союз)“, ха „видимо (модальн. част.)“.

2. СГ:

хаа-гаа „закрыл“, дүүр-гээ „выполнил“, дүү-е-хэ „шуметь“, зу-рий-ха „четко выделиться“, за-лаа „гребешок“, саа-шаа „дальше“, хаа „закрой“, буу „ружье“.

3. СГ.

С+аэ и С+оэ встречаются в любой позиции слова:

баэ-ха „стоять“, **о-роэ-хо** „окутывать“, **мал-гаэ** „шапка“, **тоэ-ро-хо** „кружиться“; С+уи и С+үи, как правило, употребляются в начале слова, а в конце слова употребляются лишь в составе отрицательной частицы— **гүй**; **гүй-хэ** „бежать“, **гуи-ха** „просить“, **я-ба-ха-гүй** „не пойдет“.

4. Тип слога, состоящий из согласного, гласного и согласного, так же как и все другие типы, представлен тремя формами: СГС, СГ:С, СГ·С.

1. СГС

тэс-хэ-гэр „пузатый“, **ү-дэр** „день“, **ху-дал-да-ха** „продавать“, **дэл-бэр-хэ** „разбиваться“, **гар** „рука“, **гэр** „юрта“.

2. СГ:С

тээр-мээр „мельницей (оруд. п.)“, **са-гаан** „белый“, **ха-раас-гай** „ласточка“, **хуур** (музыкальный инструмент), **сээл** „пучина, глубь“, **суур** „стебель трубчатых растений“.

3. СГ·С.

у-лаэр-ха „становиться красным“, **ноэз-гоэр-хо** „двигаться вперевалку“, **да-лаэн** „моря (род. п.)“, **хаэр** „щебень“.

Таким образом, все слоги бурятского языка сводятся к четырем типам:

1. Гласный, 2. Гласный и согласный, 3. Согласный и гласный, 4. Согласный, гласный и согласный, из которых первый и третий являются открытыми, а второй и четвертый — закрытыми.

ПРИМЕЧАНИЕ: Как исключение в бурятском языке встречаются слоги СГСС в звукоподражательных словах типа *һард*, *шард*, *тэрд* и т. п.

О типах корней и аффиксов. При определении типов слов в бурятском языке указывалось, что слоговоеделение — явление чисто фонетическое, не только не совпадающее, но часто противоречащее делению слов на морфемы. Вместе с тем все звуки в языке используются именно как звуковая оболочка слов и их морфем. Поэтому определение звукового состава морфем языка и типовая характеристика их имеет непосредственное отношение к фонетике языка и имеет большое значение при типологической характеристике языка вообще.

Давно установлено, например, что корни слов в тюркских языках преимущественно бывают односложными. Для монгольских же языков характерно употребление корней, состоящих,

главным образом, из двух слогов. Однако наблюдаются некоторые колебания в этом отношении и внутри монгольских языков. Каждый конкретный язык, таким образом, имеет свою особую звуковую структуру языковых единиц (слов и морфем), отличную от звуковых структур аналогичных единиц других языков. Поэтому для определения особенностей звуковой системы изучаемого языка имеет большой теоретический и практический интерес выявление и описание типов корней и аффиксов. И оно непосредственно связано с предметом фонетики.

В тюркологии составом морфем обычно занимались грамматики, а не фонетики. Это естественно, так как структура слова, отношение корней и аффиксов входит в предмет морфологии. Однако звуковая структура слов, определение звукового состава морфем, т.е. типов корней и аффиксов, является неотъемлемой частью фонетики. Таким образом, выявление и описание типов корней и аффиксов является своеобразным мостом от фонетики к морфологии.

Однако, в монголоведческой традиции описание типов корней и аффиксов отсутствовало вообще.

Предварительный анализ типов корней и аффиксов, сделанный обобщенно безотносительно к их семантике и их лексико-грамматическим категориям, показал, что более употребительными в группе односложных корней являются следующие типы: СГ:, СГ·, СГС, СГ:С, СГ·С.

Наиболее распространенными типами корней в тюркских языках являются односложные корни, а в бурятском языке, наоборот, наиболее употребительны двухсложные корни. Особенно большое распространение имеют корни типа Г—СГ, СГ—СГ, СГ—СГС.

Трехсложные корни встречаются редко. Вполне допустимо, что многие из предполагаемых типов трехсложных корней являются производными от двухсложных или односложных корней, но потерявшими в современном состоянии языка свою прежнюю форму.

В данной работе не ставилась цель специального исследования типов корней и аффиксов. Это большая самостоятельная тема. А, между тем, подробная разработка типов корней и аффиксов бурятского языка имеет важное теоретическое значение. И это, по мнению автора, является ближайшей задачей бурятского языкознания.

Заключение

В современном бурятском языке имеется 27 согласных и 17 гласных фонем. Эти данные интересно сопоставить с составом фонем русского языка, где имеется 35 согласных и всего 6 гласных фонем.

Выявленные и описанные в данной работе закономерности звуковой стороны современного бурятского языка далеко не исчерпывают всей характеристики звуковой системы в целом.

Основная цель работы заключалась в описании звукового состава литературного бурятского языка (системы фонем, фонетических групп, а также закономерностей употребления звуков в потоке речи).

Закономерности звуковой системы в целом невозможно охватить в одной работе подобного типа, для этого нужен ряд работ, объединенных общим планом комплексного исследования.

Поэтому такие большие составные части звуковой системы языка, как ритмомелодический строй, с которым непосредственно связаны вопросы различного типа ударений, синтагматического деления речи и т. д., в данной работе совсем не затронуты.

Экспериментальные данные в работе использовались лишь в разделах качественной характеристики звуков. Но предварительные данные уже показали, что исследования ритмомелодического строя предложений на основе экспериментальных данных могут дать значительные и вполне объективные результаты.

Таким образом, на ближайшее будущее можно поставить следующие задачи фонетического исследования звуковой системы бурятского языка:

1. Количественная характеристика гласных и согласных звуков.

2. Словесное ударение.

3. Ритмомелодика.

4. Фонетические особенности диалектов бурятского языка.

5. Историческая фонетика.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

1. Абаев В. И. О фонетическом законе. Язык и мышление. I. 1933.
2. Абашеев Д. А. Предварительный отчет по обследованию говоров бурят-монголов Иволгинского и Байкало-Кударинского аймаков. Зап. НИИК, вып. XI, Улан-Удэ, 1951.
3. Аванесов Р. И. К вопросу о фонеме. Изв. АН СССР, ОЛия, т. XI, вып. 5, 1952.
4. Аванесов Р. И. Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы. Сб. „Вопросы грамматического строя“. Ин. яз. АН СССР, М., 1955.
5. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. Изд. 2, 1954. Рец. М. И. Матусевич на 1 изд. в Вестнике ЛГУ, № 5 за 1951 г.
6. Аванесов Р. И. и Сидоров В. И. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.
7. Алекберли Г. Г. Проблема фонемы в свете марксистско-ленинской теории познания. Изв. АН СССР, ОЛия, т. XII, вып. 4, 1953.
8. Алексеев Д. А. Диалекты бурят-монгольского языка. Уч. зап. ЛГУ, № 98, 1949.
9. Артемов В. А. и Гинзбург В. Г. Рентгенологическое изучение речевой артикуляции. Уч. зап. 1-го МГПИИЯ, т. VIII, М., 1954.
10. Артемов В. А. Изучение звукового состава языка. Уч. зап. 1-го МГПИИЯ, т. VIII, М., 1954.
11. Артемов В. А. Очерк психологии. М., 1954.
12. Ахманова О. С. Фонология. Изд. МГУ, 1954.
13. Барашков П. П. Некоторые свойства якутских согласных. Тюркологический сб. I, М.—Л., 1951.
14. Барашков П. П. Звуковой строй якутского языка. Якутск, 1953.
15. Баскаков Н. А. и Инкижекова-Грекул А. И. Фонетические особенности хакасского языка и его диалектов. Труды Ин. яз., т. IV, М., 1954.
16. Батманов И. А. Фонетическая система современного киргизского языка. Фрунзе, 1946. Рец. Л. Р. Зиндера в Изв. АН СССР, ОЛия, т. VIII, вып. 1, 1949.
17. Бернштейн С. И. Против идеализма в фонетике. Изв. АН СССР, ОЛия, т. XI, вып. 6, 1952.
18. Бертагаев Т. А. Влияние русского языка на развитие фонетической системы бурят-монгольского языка. Уч. Зап. БГПИ, вып. 1, Улан-Удэ, 1947.
19. Бертагаев Т. А. Заметки лингвиста о хоринском говоре. Зап. ГИЯЛИ, вып. 1, Улан-Удэ, 1936.
20. Биршерт А. Ф. К вопросу о системе фонем английского языка. Уч. зап. 1-го МГПИИЯ, т. I, М., 1940.
21. Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
22. Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Изд. 2, Казань, 1953.
23. Богородицкий В. А. Законы сингармонизма в тюркских языках. Вестник научн. общ-ва татароведения, № 6, Казань, 1927.

24. Богородицкий В. А. Курс экспериментальной фонетики применительно к литературному русскому произношению. Уч. зап. имп. Каз. Университета, кн. 2, Казань, 1917.
25. Богородицкий В. А. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, 1930.
26. Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб, 1912.
27. Бровченко Т. А. Сравнительный анализ гласных украинского и английского языков. Уч. зап. 1-го МГПИИЯ, т. VIII, М., 1954.
28. Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949.
29. Бубрих Д. В. Историческая фонетика финского — суоми языка. Петрозаводск, 1948.
30. Витомская В. Н. Основы английской фонетики. Л., 1937.
31. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.
32. Гвоздев А. Н. Основы русской орфографии. Минск, 1953.
33. Гвоздев А. Н. О фонологии „смешанных“ фонем. Изв. АН СССР, ОЛия, XII, 1953.
34. Грот Я. К. Заметки о сущности некоторых звуков русского языка. Зап. имп. АН, 1878. т. 31.
35. Дикушина О. И. Фонетика английского языка. М., 1951.
36. Доброгаев С. М. Учение о рефлексе в проблемах языковедения. Языкознание и материализм. М.—Л., 1931.
37. Енько П. Д. Опыт применения рентгенографии к изучению артикуляции. ИОРЯС, XVII, 1812.
38. Заляй Л. З. Развитие татарской диалектологии в советский период. Вопросы языкознания, № 6, 1954.
39. Зиндер Л. Р. Вопросы фонетики. Л., 1948.
40. Зиндер Л. Р. Jch-Laut. Уч. зап. 1-го ЛГПИИЯ, т. 1, 1940.
41. Зиндер Л. Р. и Матусевич М. И. К истории учения о фонеме. Изв. АН СССР, ОЛия, XII, в. 1, 1953.
42. Зиндер Л. Р. и Матусевич М. И. Экспериментальное исследование фонем нивхского языка. Прил. к кн. Е. А. Крейновича „Фонетика нивхского языка“. М.—Л., 1937.
43. Зиндер Л. Р. и Строева-Сокольская Т. В. Современный немецкий язык. Изд. 2, Л., 1941.
44. Зиндер Л. Р. Л. В. Щерба и фонология. Сб. „Памяти ак. Л. В. Щербы“, Л., 1951.
45. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. Л., 1959.
46. Именехонов М. Н. Бурят-монгол хэлэнэй грамматика, ч. 1, Улан-Удэ, 1952.
47. Castren's M. Alexander. Versuch einer burjatischen Spachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss. Im Auftrage der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften. Herausgegeben von A. Schifner. St.-Pb., 1857. (М. А. Кастрен. Опыт исследования бурятского языка с кратким словарем. СПб., 1857).
48. Кирилловская Н. Звуки французского языка. М., 1951.
49. Киссен И. А. Краткий очерк фонетики русского языка в сопоставлении с фонетикой узбекского языка. Ташкент, 1952.
50. Кязимов Ф. А. Гласные азербайджанского языка. Уч. зап. 1-го МГПИИЯ, т. VIII, М., 1954.
51. Кязимов Ф. А. Принципы сингармонизма в азербайджанском языке. Изв. АН СССР, ОЛия, т. XIII, вып. 1, 1954.
52. Лоя Я. В. О гласной фонеме Ы. Русский язык в школе, № 6, 1940.
53. Лоя Я. В. Основные вопросы фонетики. Русск. яз. в шк., № 4, 1939.
54. Лоя Я. В. Против субъективного идеализма в языковедении. Языкознание и материализм. 4, 1929.
55. Лыткин В. И. В какой языковой единице нуждается фонетика. Изв. АН СССР, ОЛия, 1953, XII, вып. 1.

56. Марков К. Л. Основы русского литературного произношения. 2-ое изд., Иркутск, 1951.

57. Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1955.

58. Матусевич М. И. Введение в общую фонетику. Л., 1918.

59. Матусевич М. И. Русское литературное произношение. Л., 1953.

60. Матусевич М. И. Л. В. Щерба как фонетик. Сб. „Памяти ак. Л. В. Щербы“. Л., 1951.

61. Надеяев В. М. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка. Вестник ЛГУ, № 8, 1957.

62. Надеяев В. М. Записи курса лекций по современному монгольскому языку за 1947—1952 гг.

63. Никонова О. Н. Фонетика немецкого языка. М., 1948.

64. Орлов А. М. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878.

65. Орфинская В. К. К вопросу о системе русских гласных по материалам обследования речи у детей. Сб. „Памяти ак. Л. В. Щербы“, Л., 1951.

66. Подгорбунский И. А. Несколько заметок по фонетике бурятского языка в связи с вопросом о транскрипции бурятских текстов. Изв. Вост. Сиб. отд. Русск. геогр. об-ва, т. X, 1911.

67. Поливанов Е. Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928.

68. Поливанов Е. Д. Лекции по введению в языкознание и общей фонетике. Берлин, 1923.

69. Поливанов Е. Д. Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам Ташкент, 1935.

70. Пяльль З. Учебник эстонского языка. Таллин, 1955.

71. Рамстедт Г. И. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаского наречия. СПб., 1908.

72. Расторгуева В. С. Краткий очерк фонетики таджикского языка. Сталинабад, 1955.

73. Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1955.

74. Реформатский А. А. К проблеме фонемы и фонологии. Изв. АН СССР, ОЛИЯ, т. XI, вып. 5, 1952.

75. Реформатский А. А. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии). Сб. „Вопросы грамматического строя“. Ин. яз. АН СССР, М., 1955.

76. Ржевкин С. Н. Слух и речь в свете современных физиологических исследований. Л., 1928.

77. Rosetti Al. Cîteva probleme de fonetică a limbii Romîne. (Несколько вопросов фонетики румынского языка). „Studii și cercetări lingvistice“ 3—4, V, 1954.

78. Руднев А. Д. Хори-бурятский говор, Петроград, 1913—1914.

79. Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.

80. Санжеев Г. Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1941.

81. Санжеев Г. Д. Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят. Л., 1930.

82. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1, М., 1953.

83. Севортян З. В. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955.

84. Соколова В. С. Очерки по фонетике иранских языков. М.-Л., 1953.

85. Соколова В. С. Фонетика таджикского языка. М.-Л., 1949.

86. Спиркин А. Г. Проблема фонемы и ленинская теория отражения. Изв. АН СССР, ОЛИЯ, т. XI, вып. 5, 1952.

87. Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. „Правда“, 1950.
88. Степанова Е. Н. Звуковой состав чувашского языка в сравнении с немецким. Уч. зап. 1-го МГПИИЯ, т. VIII, М., 1954.
89. Сыромятников Н. А. Система фонем японского языка. Уч. зап. ИВ АН СССР, т. 4, 1952.
90. Годаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951.
91. Томсон А. И. Общее языковедение. Одесса, 1910.
92. Торсуев Г. П. Фонетика английского языка М., 1950.
93. Фомичев М. И. Основы фонологии. Л., 1949.
94. Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Якутск, 1947.
95. Хватцев М. Е. Дефекты речи. М.-Л., 1930.
96. Холодович А. А. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954.
97. Хоролец Г. М. Фонетическое освоение русской лексики в киргизском языке. Фрунзе, 1953.
98. Цинциус В. И. Конечные плавные в тунгусо-маньчжурских языках. Сб. „Памяти акад. Л. В. Щербы“. Л., 1951.
99. Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. 1949.
100. Чагдуров С. Ш. Заметки о сартульском говоре. Зап. НИИК, вып. XI, Улан-Удэ, 1951.
101. Черемисов К. М. Бурят-монгольско—русский словарь. М., 1951.
102. Черемисов К. М. Заметки по бурят-монгольскому языку. IV. „О кабанском подговоре“. Зап. НИИКЭ, вып. VII, Улан-Удэ, 1947.
103. Черемисов К. М. Заметки по бурят-монгольскому языку. III. „Несколько замечаний о тункинском диалекте“. Зап. ГИЯЛИ, вып. III—IV. Улан-Удэ, 1941.
104. Шараф Г. Палятограммы звуков татарского языка сравнительно с русскими. Вестник научн. об-ва татароведения, № 7, Казань, 1928.
105. Шаумян С. К. Проблема фонемы. Изв. АН СССР, ОЛия, т. X, вып. 4, 1952.
106. Шаумян С. К. Против агностицизма в фонологии. Уч. зап. МГУ, вып. 150, 1952.
107. Щерба Л. В. Восточнолужицкое наречие. Т. 1., Петроград, 1915.
108. Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб, 1912.
109. Щерба Л. В. Субъективный и объективный метод в фонетике. ИОРЯС, т. XIV, кн. 4, 1909. Рец. А. И. Томсона в ИОРЯС, т. XVI, кн. 3, 1911.
110. Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1948.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
1. Краткий обзор фонетических работ по бурятскому языку. . .	6
2. Задачи и методы исследования	24
3. Фонемы, оттенки и фонетические признаки	29
I. Согласные	37
1. Фонематические группы согласных бурятского языка	40
2. Описание согласных фонем бурятского языка	65
А. Согласные фонемы первой артикуляции (губные)	65
Б. Согласные фонемы второй артикуляции (переднеязычно- среднеязычные)	73
В. Согласные фонемы третьей артикуляции (заднеязычно- увулярные)	95
Г. Четвертая артикуляция (фарингальная)	104
II. Гласные.	105
1. Фонематические группы гласных бурятского языка	113
2. Описание гласных фонем бурятского языка	129
А. Гласные фонемы твердого ряда	129
Б. Гласные фонемы мягкого ряда	145
В. Гласные фонемы нейтрального ряда	157
III. Согласные и гласные фонемы в потоке речи	163
Сингармонизм	165
Ассимиляция, диссимиляция и чередование	174
Сочетаемость согласных фонем бурятского языка	181
Позиционное употребление согласных фонем	185
Типы слогов	185
Заключение.	190
Библиография	191

Игнатий Дмитриевич Бураев

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Редактор *Л. Ш. Шагдаров*

Тех. ред. *С. Н. Барер*

Корректор *С. Ш. Чагдуров*

* * *

Сдано в набор 6/X-59 г. Подписано к печати 23/XI-59 г.
Н-01557, Бумага 60x92^{1/2}₁₆. Печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 17,74.
Тираж 500. Заказ № 5259. Цена 8 руб.

* * *

Типография Министерства культуры БурАССР. г. Улан-Удэ.

Опечатки

Строка		Напечатано	Следует читать
сверху	снизу		
—	5	стр. 54	стр. 55
—	7	оглубленных	огубленных
—	8	Неоглубленные	Неогубленные
1	—	оосредственного	посредственного
2	—	проэ	ороз
28	—	Пяль 3.	Пяль Э.

Цена 8 р.